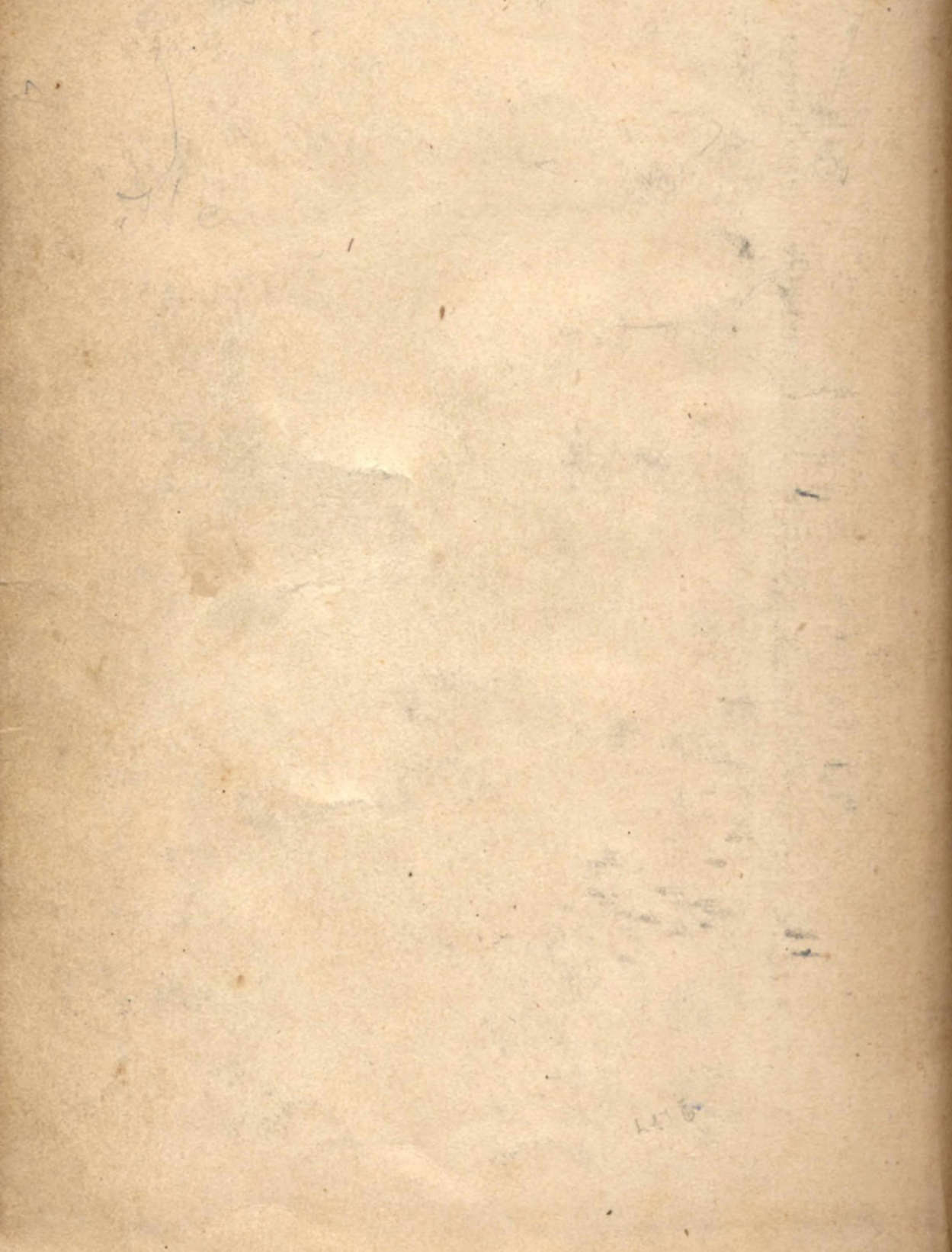

ДЕВОЛЮЩИЯ И КОНТД — ДЕВОЛЮЩИЯ В ДАГЕСТАНЕ

А. Тахо-Годи

А. Тахо-Годи

РЕВОЛЮЦИЯ и
КОНТР-РЕВОЛЮЦИЯ
в ДАГЕСТАНЕ

Дагестанское Гос Издательство

Махач—1927—Кала

ОТПЕЧАТАНО в БУЙНАКСКОЙ
ТИПО - ЛИТОГРАФИИ ДАГГОС-
ИЗДАТА ИМ. „Е. Г. ГОГОЛЕВА“
КОЛИЧЕСТВО 3000 ЭКЗЕМПЛЯ-
РОВ ДАГЛИТ № 57.

НИНЕ ТАХО-ГОДИ,—

ЛУЧШЕМУ МОЕМУ ДРУГУ

И СПУТНИКУ

НА ПУТЯХ

К РЕВОЛЮЦИОННОМУ

МАРКСИЗМУ.

ОТ АВТОРА.

Нередко, собираясь вместе, мы, местные работники, часто упрекали себя в том, что очень мало пишем вообще и почти не пишем о событиях революционного периода, участниками коего являлись все мы.

До настоящего времени я не составлял исключения из этой группы „молчальников“. Но летом текущего года, перед отъездом в месячный отпуск на лечение в санаторию, разсылный передал мне путевку отдела печати Дагестанского Комитета В. К. П.(б.) с заданием составить очерк революционного движения в Дагестане начиная с 1917 года.

Сначала я решил было уклониться от такого поручения, но затем даже обрадовался случаю и поводу, которые дадут мне возможность по крайней мере на отдыхе записать то, что так остро переживалось в течение последних лет.

Однако, продумав вопрос о характере работы, я пришел к заключению, что целесообразнее писать не воспоминания об отдельных „днях“ и эпизодах, которые, по словам монархиста Шульгина, должны иметься у каждого участника больших событий, а остановиться на обрисовке общих контуров революционных и контр-революционных пережитий Дагестана в их связи с собы-

тиями Северо-Кавказскими и Закавказскими, без чего было бы трудно представить и самую Дагестанскую обстановку, как своеобразную частицу общекавказской картины.

Мне казалось, что дать схему, наметить общие линии, по которым развивалось движение, на первых порах важнее, чем выпуск личных воспоминаний с присущим всем мемуарам уклоном к субъективным переживаниям. Казалось еще, что по этим вехам легче будет остальным участникам событий и „вспоминаться“, так как я нарочито оставлял без описания все то, что прямо не требовалось мне для намеченной мною задачи.

Приблизительно с такой установкой, в течение месячного пребывания в санатории, потихоньку от доктора, писалось то, что обязано своим появлением путевке отдела печати ДК и моему своеобразному „отдыху“ в санатории.

Думаю, что характер и условия работы дают мне право рассчитывать на максимум снисхождения со стороны и сурового критика, и любознательного читателя.

**Революция и
контр-революция
в Дагестане.**

ГОРОД И АУЛ 1917 ГОДА.

Один из начальников округов, получив телеграмму военного губернатора Дагестанской области генерала Ермолова о февральских событиях в Петрограде, об отречении Николая и о признании Временного Правительства, не доверяя телеграфу, письменно запрашивал губернатора верить-ли этой телеграмме, и если да, должен ли он подчиняться Временному Правительству, якобы сменившему Николая II. Настолько невероятны казались ему события! Приблизительно в положении этого начальника округа оказались областные власти и руководящие общественные круги г. Т.-Х.-Шуры, тогдашнего центра Дагестанской области—и, если они не обращались с запросом такого же характера куда-либо, то только потому, что они и вовсе растерялись и уже не в состоянии были разобраться, где то начальство, к которому можно было-бы направить такой запрос.

Однако всеобщий столбняк начал понемногу проходить, так как Петроград торопился с организацией новой власти, а под боком в центре и на местах уже создавался Совет Рабочих и Солдатских Депутатов, угрожавший стать властью, если не будет более „законной власти“. И вот в борьбе за власть на сцену выступают две группы шуринской „общественности“: русское чиновничество, по старой привычке пожелавшее стать у руля хотя-бы и нового корабля и тем не упустить бразды правления над „туземцами“ во первых из своих, а во вторых из русских рук, и туземная торгово-промышленная и помещичья клика, в блоке с туземным же чиновничеством, без которого она не имела возмож-

ности конструировать тяжеловесный и мало ей понятный аппарат Гражданского Исполнительного Комитета. Но, так как Петроградские лозунги все таки достаточно трянули и Т.-Х.-Шуру, и дело шло о революции—переоценке ценностей, перевес оказался на стороне туземной группы, которая на многолюдном митинге, специально для того созванном, в базарный,—праздничный для востока, день с участием „представителей“ окрестных аулов организовала Дагестанский Гражданский Исполнительный Комитет в составе около 30 человек.

Это было 22 марта, т.е. понадобился почти целый месяц, чтобы оправиться от всеобщего смятения, которое напало на мирный чиновничий город Шуру. По организации власти, как полагается, послали телеграмму в Петроград Временному Правительству, обычную для того времени, о том, примерно, что Дагестанский Исполнительный Комитет уверен, что пока не побежден враг и не кончится война, Дагестан не нарушит порядок, установленный Временным Правительством и свой гражданский долг исполнит. А вслед за тем жизнь пошла своим обычным порядком, т.е. до того обычным, что все постановления Исполнительного Комитета посылались на подпись военному губернатору Дагестанской области генералу Ермолову, за чьей подписью все и приводилось в исполнение. Единомыслие у новой правящей группы со старым губернатором было настолько дружное, что не было ни одного конфликта на этой почве. Один из членов Исполнительного Комитета того созыва М. Дебиров, оправдывая комитет в этом вопросе, говорит в своих записках:

„Исполнительный Комитет оставлял Ермолова, как нового человека в Дагестане, к тому же он был номинален, без всяких прав. Дагестанский Исполком для формы посылал ему на утверждение свои постановления и он подписывался на них; кроме этого он никаких прав не имел“.

Какая детская наивность! Царский губернатор никаких прав не имел, кроме права утверждать постановления Исполнительного Комитета, поставленного от революции, и нам говорят, что это так, „для формы“. Для какой формы? Старое подлежало уни-

чтожению, новое в этом не нуждалось. Это характеризует только состав „Гражданского Комитета“, возникшего в первый период революционной сумятицы в крестьянской стране, где не успели еще сорганизоваться распыленные силы революционных одиночек и где масса не успела еще взять дело революции в свои руки.

Для характеристики настроения Комитета приведем отрывок из его первого воззвания к „народу“:

„Мы от Вас просим подчиниться также Временному Правительству, сохраняйте среди себя порядок и благоустройство и, думая об общих народных интересах, не нарушайте спокойствия. Верьте, если только Вы будете исполнять эту нашу просьбу, то Вы явитесь людьми способствующими общему благополучию“.

Это называется языком революции!? Действительно, нетребовательные люди сидели в Комитете. Они „просили“ у народа только сохранять старый порядок (читай старый режим) и старое благоустройство, не нарушая спокойствия, способствовать общему благополучию. Чье спокойствие, и чье благополучие? Какая смесь понятий! И старый порядок при новом строе, и старый губернатор при Исполкоме... Меняй хоть пословицу на новый лад: „И богу свеча и черту кочерга“, а не трубный зов революции.

Но это—Комитет в своих декларациях и действиях. Может в своем персональном составе он был более революционен? Если не считать чиновников, которых население не отделяло от царизма и его символа в Дагестане—губернатора (таких в Исполкоме было более трети,—человек 13 из 30), Исполком мог гордиться такими именами как: князь Нух-бек Тарковский, владелец кутанов и опекун дагестанских беков; Нажмуддин Гоцинский, собственник 10.000 баранов, кутанов на плоскости и пастбищ в горах, и ряд не менее имущественно-состоятельных представителей торгово-промышленных кругов, которые замыкали круг „революционного“ Исполкома и своими именами давали тон его решениям.

Мог ли такой „сиятельный“ Исполком получить доверие кого либо, хоть мало-мальски желавшего маленькой перемены или просвета из тьмы старого режима? Понятно нет! Отсюда и борь-

ба с Дагестанским Исполнительным Комитетом городов Петровска и Дербента и самого города Шуры.

Правда, борьба эта вызывалась не целиком соображениями революционного порядка, ибо тут играли не малую роль моменты национальной или скорее националистической политики русских общественных группировок дагестанских городов, но этим не ослаблялись удары, сыпавшиеся отовсюду на так называемый Гражданский Исполнительный Комитет, а, наоборот, только центрировались на нем и над ним. Правда, в Исполком входила пара социалистов: Махач Дахадаев и Куваршалов. Но к ним со стороны Исполкома отношение было как к „ручным“—своим, ибо Куваршалов считался только „бывшим социалистом“ 1905—6 года, бросившим вредные учения и занимавшимся хозяйством, а Дахадаев хотя и трактовался как „опасный человек“, но была надежда сговориться и с ним, тем более, что и у него замечалось „хозяйственное обращение“ в связи с кинжальным заводом и поставками на армию. Козыряя этими двумя социалистическими „тузами“, Исполком пытался иногда через Дахадаева делать свою политику, но Махач был сильный человек и любил скорее пользоваться других, чем быть самому использованным. Наоборот, очень часто большинство Исполкома должно было соглашаться с Махачем, несмотря на расхождение во взглядах, чтобы только не портить с ним отношений—и как с сильным человеком, и как с представителем социалистической фракции Исполкома, насчитывающей „сам один“. В свою очередь и Махач, повидимому, не мог рвать с Исполкомом, поскольку Совет Рабочих и Солдатских Депутатов, не доверяя ему, пытался его дискредитировать перед солдатской массой; а других сил пока, на кого бы можно было опереться Махачу, по близости не было видно. Получилось таким образом нечто в роде блока торгово-промышленных и помещичьих местных тузов с единственным в то время в Дагестане туземцем социалистом. Отсюда и родилось то недоверие революционных организаций городов к так называемой Дагестанской Социалистической Группе, которое сильно мешало на первых порах общей работе, и о котором мы будем говорить ниже.

С другой стороны сами „революционные организации“ городов тоже были во-первых под вопросом на счет своей революционности, во-вторых они были бессильны, не имея в своем составе местных националов. Получился заколдованный круг: социалист, чувствуя себя одиноким, работал с буржуазией, считая, что это временное явление, а представители буржуазии терпели у себя социалиста, как громоотвод против революционной демократии. Советы депутатов, чтобы совершенно не оторваться от крестьянства, враждебно встречавшего все русское, вынуждены были общаться с „принципиально“ неприемлемым Исполкомом, а Исполком до поры до времени пытался найти общий язык с беспокойными Совдепами. Город жил политическими комбинациями и словопрениями, заседаниями с утра до ночи и митингами.

А аул? А аул по-прежнему жил своей обычной трудовой жизнью, чутким ухом перехватывая „хабары“, идущие из городов и глубокомысленно, недоумеваючи и с осторожкой поглядывая кругом. Инертная по натуре, не склонная к быстрым восприятиям и переменам, крестьянская масса насторожилась как бы для отражения удара, готовящегося ей городами. Свобода! Услышали они первый клич города. Но они не чувствовали себя „связанными“. В пределах повседневной практики жизни они были свободны, и работать им никто не мешал. Так думали они. А такие лозунги, как свобода собраний, союзов, слова и печати — тоже казались в ауле чуждыми. Собrania у них устраивались каждый день от зари до зари на „учарах“, „гумаях“, „годеканах“—в этих своеобразных аульских клубах на свежем воздухе, под навесом, где трудовые процессы: как выделка кожи, пошивка обуви, размол риса, переплетались с бесконечными разговорами, начиная с Адама и Евы и страшного суда и кончая сумашествием городов, бунтом солдат, и, наконец, спором о том, какой из двух молодых бычков, случайно прошедших перед „клубом“, победит, если их натравить друг на друга.

Мне пришлось выехать в один из нагорных округов, а именно Даргинский, уже в начале апреля 1917 года для смены началь-

ника округа и оповещения населения о событиях. К нашему приезду в Левашу уже собрались представители со всех аулов в числе 300—400 человек. Первое мое впечатление, острое и до глубины души обидевшее меня, как молодого человека, революционно настроенного,—это было недоверие всей собравшейся массы ко мне лично, к моим словам, к моему энтузиазму. Верить в события делегаты верили, но что перемена принесет им благо—в это определенно не верили. Им понятны были разговоры о взятках, конкретных насилиях администрации и удалению их они не могли не сочувствовать; но они отказывались понимать, что другие, которые придут на их место от революции, не будут брать взятки и не будут насильничать. Вековой пессимизм, усвоенный массами, первый вихрь революции не мог сломить. „Подарок—не всегда взятка—рушпет“,—мыслил крестьянин, а только дар за услугу, рекомендованный и адатом. Ничто в мире не делается даром—„всякое лыко в строку“. Не может быть, чтобы „солдаты и мужики“ так возлюбили Дагестан, что сулят ему без обмана все блага мира, на каких то странных бесхозяйственных основаниях, вопреки всем старым традициям прошлого. Нет, тут что-то есть! Если влиятельный вследствие своей зажиточности односелец устраивает „бука“, т. е. общественную жатву своих полей, или общественную заготовку на зиму дров, или камня для постройки нового дома и все общество откликается на его зов—это понятно, естественно и жизненно. Знают, что если не пойдешь—не забудет во век, при каждом удобном случае, когда понадобится тебе (а к нему приходится часто обращаться—у него деньги, полное хозяйство)—вспомнит кулак твой отказ, не поможет. А вот на зов бедной вдовы, оставшейся после смерти мужа, последовавшей от горемычного пьянства или изнурительных работ на чужой карман, на селе или отхожих промыслах—никто не пойдет ни на заготовку дров, ни на другие хозяйственные работы. Придет разве рядом живущий сосед, только чтобы избавиться на зиму от вдовьих просьб об одном—двух поленах дров. Знают все, что вдова ничем существенным полезна быть не может, а ее рабочие

руки, если понадобятся,—всегда к услугам, только помани. Да и к тому же сухие корки остатков с зажиточного стола должен кто либо кушать, а раз так—все хозяйственные домашние работы крепкого мужика обеспечены. Вдовья спина принесет воду и тебе и скотине зимой, и траву летом, обмоит и обчистит дом и еще будет себя считать в долгу, и виновато, робко закрывать глаза. Нет! Конечно, „свобода“ не такая простая штука, за ней что-то кроется. Не будет же человек из чужого рода умирать за чужеродца! На то и родовые отношения, чтобы только определенный круг лиц родичей чувствовал ответственность друг за друга, а вовсе не за Магому или Али других, чуждых им родов, или вовсе враждебного им Ивана.

А тут выходит так, что русский мужик из любви к тебе, дагестанскому голышу, похоронив своих братьев на братском кладбище в Петербурге, обещает и дает всякие свободы. Равноправие? Ох, это тяжелая обязанность! Значит и равные обязательства: возьмут в солдаты, уравниют в налогах, еще христианами сделают. „Русские что угодно сделают“. Лучше при своем остаться, по крайней мере знаешь, что есть и чего ждать. Хуже нет неопределенности, особенно когда ждешь от русского.

Почти все это передали мне представители аулов, то в пытливых вопросах, то в тревожных полуприщуренных, а то и широко открытых глазах. Они обещали соблюдать порядок, исполнить основной лозунг Исполкома и раз'ехались с неразрешенной опаской в душе. Остались только те, которые решили воспользоваться моментом для сведения личных счетов с аульскими должностными лицами и на ушко передать мне все злоупотребления пестунов старой администрации, и это не потому, что они были принципиально против злоупотреблений—нет, а потому только, что в тягбе своей с односельчанином не они использовали острие злоупотреблений начальства, а их противники, ибо и в отношении администрации они также применяли основной закон частной жизни: за меня друг, против—враг и смертельный; если не дошло до кинжала—просто не представился удобный случай.

ВНЕШНЯЯ И ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА ГРАЖДАНСКОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА.

По мнению людей, сидевших в Исполкоме, революция уже была закончена. Царь свергнут, Временное Правительство на лицо, Учредительное Собрание на носу. Очень неприемлемые лица в административных аппаратах заменены, к приемлемым назначены комиссары. Оставалось только сохранить порядок, а там Учредительное Собрание скажет что надо.

Таково мнение было не только потому, что эти люди не понимали сущности революции и не могли отличить дворцового переворота от революции и добросовестно заблуждались, но и потому, что развитие и углубление революции грозило их личному и классовому благополучию. Каждый из них представлял социальную группу имущего класса, которая от дальнейшего развития революции могла только потерять, а не выиграть. На данном же этапе он уже был в выигрыше, т. к. сам стал у власти. Из буржуа и помещика, косвенно влиявшего на политику, он стал уже творцом и источником власти и сохранение status quo первого периода революции для него было вопросом жизни и смерти. Учредительное Собрание „Булгунча“ (все до Учредительного Собрания)—вот лозунг, выброшенный Гражданским Исполнительным Комитетом.

Все до Учредительного Собрания: и решение земельного вопроса, и вопрос о передаче фабрик, заводов, рыбных промыслов и прочее. Пока же готовиться к Учредительному Собранию, составлять инструкции для выборов Исполнительных Комитетов в ау-

лах, участках, округах, ликвидировать недоразумения на местах, разъяснять „свободы“, кормить массы Учредительным Собранием, и, наконец, оберегать от городских организаций полноту власти Исполкома по крайней мере в сельских местностях Дагестана. К тому же, в общем, при консерватизме населения сохранить порядок было не так трудно, и Исполком мог считать, что справляется со всеми гражданскими обязанностями в эпоху революции почти на все 100%. Несколько беспокойно вели себя плоскостные аулы, пытавшиеся затеять земельные споры с беками и землевладельцами, пользуясь правами революции. Но без таких попыток со стороны крестьянства, так и совсем нечего было бы делать Гражданскому Исполнительному Комитету, посылавшему свои протоколы на утверждение военному губернатору Николаю II.

Зато большую энергию развил Исполком в своей „внешней“ политике. Он пожелал освободиться от опеки Тифлисской краевой власти: Особого Закавказского Комитета Государственной Думы, или, как его называли, „Оз а к о м а“, в составе членов Думы: Чхенкели, Харламова, Попаджанова, Джафарова и Переверзева. Акт отделения от Тифлиса в сущности был разумным, по скольку Оз а к о м в своем составе не был революционнее Дагестанского Исполкома, а незнанием дагестанской обстановки только вносил путаницу; но, повидимому, не одно это деловое обстоятельство подсказывало Исполкому разрыв с Оз а к о м о м: Оз а к о м мог мешать внутренней политике Дагестанского Исполкома, контролируя его действия через своего областного Комиссара, что обычно и практиковалось Тифлисом. Правда, на счастье Исполкома выбор Оз а к о м а пал на 6. депутата Государственной Думы Ибрагима Гайдарова, который для большинства Исполкома оказался совсем своим человеком, несмотря на свою „социал-демократичность“. Против Гайдарова выступила социалистическая группа во главе с Махачем. Большинство же Исполкома приветствовало назначение Гайдарова, т. к. это обстоятельство во первых давало возможность Исполкому за спиной правительственного комиссара и с поддержкой Оз а к о м а беззастенчиво творить свою полити-

ку, а во-вторых, по сколько Гайдаров числился соц-демократом, постольку ослаблялись удары городской демократии, направленные в сторону Исполкома, работавшего рука об руку ни с кем ни-будь, а с революционным Комиссаром Временного Правительства. Но социалистическая группа, как раз учитывая это обстоятельство, резко выступила против Гайдарова, дабы он „левой позой“ не мог прикрывать политику большинства, и в конечном итоге выбила Гайдарова из Дагестана.

Основной линией внешней политики Исполкома были поиски союзников на случай возможных революционных осложнений. Кстати, долго искать их и не пришлось, так как они сами тянулись к Дагестану со всех сторон. Первой рукой, протянутой к Дагестану, оказалась рука бакинской крупной буржуазии—нефтяников и фабрикантов. Повидимому, азербайджанская буржуазия также искала возможностей утвердить свое бытие в революции и занять командные высоты по праву сильного. Для этого ей нужен был слепой и сильный союзник, т. к. врагов у нее было не мало: под боком—бакинский пролетариат, а немного подалее, а то и в самом Баку,—конкурирующая армянская буржуазия. Где же было искать лучшего союзника, как не в нищем Дагестане, население коего испокон веков было наемными бойцами даже в персидском Азербайджане, не говоря уже о Закавказьи...

Особенно если иметь в виду, что фанатичного "бедняка" лезгина в то время в буквальном смысле слова можно было обмотать вокруг пальца, если ему твердить о боге, пророке Магомете и шариате. Во главе Дагестана свой брат—богатый, следовательно все шансы за успех. В Баку был устроен съезд мусульман Кавказа, и туда, как на свадьбу, были приглашены все, „кто верует в ислам“. В первых рядах, конечно, оказался Дагестан. Братство „народов“ было с непреложной точностью установлено и решено работать рука об руку. Договор между „народами“ был скреплен крепкими пожатиями буржуазных рук, и братство чуть не было освящено обменом каплей черной крови нефтяного туза и дагестанского помещика и бека. Но не успели заключить

один союз с бакинцами, как возник следующий, как бы в развитие первого. Узы дружбы и крови спаяли Дагестан не только с южными „братьями по исламу“, но и с северными братьями по крови и культуре— с горцами Северного Кавказа. Последняя дружба была вызвана с одной стороны соображениями общего делового характера, а именно—боязнью горцев казачьей опасности и соображениями личного характера отдельных горских воротил.

Такие люди, как Тапа Чермоев и его сторонники думали о нефти на чеченской земле, а помещики Хасав-Юртовского округа хотели быть ближе к Дагестану, где революционных организаций было меньше, чем в Терской области. Все эти соображения отрицательного и положительного порядка в общем послужили основанием к новому-северному союзу, который пошел дальше бакинского, создав союзный орган, общий для Дагестана и Северного Кавказа—Центральный Комитет Союза Об'единенных Горцев. Легальным лозунгом Союза было: об'единение для свободной жизни раскрепощенных от царизма горцев Кавказа. Внутренними же движущими силами союза были боязнь горских верхов, типа Чермоева, революционных потрясений и недоверие к русскому мужику. Хотя терять массам было нечего и терять могли разве только Чермoeвы и К-о, агитация последних была настолько сильна, и память вековых потерь от столкновения с русскими настолько свежа, что горцы панически об'единились и льнули друг к другу. Бывают в истории лозунги, которые, не смотря на всю свою лживость, настолько ослепляют и гипнотизируют массы, что, кажется, нет спасения вне этих лозунгов. В борьбе это случается чаще всего. Буржуазия Закавказья и Северного Кавказа внушила массам, что развалившийся кавказский фронт, снимаясь с окопов, по дороге домой должен разрушить все не русское на Кавказе. Инородцы, „как азиаты“, будут перерезаны, аулы придорожные сметены, если к этому не подготовиться. Единственное спасение в об'единении мусульман и горцев в частности. Если иметь в виду, что печать, стоящая за „победный конец“ не переставала трубить о разложении фронта и подогревала воображение и без того напуганного

обывателя, то неудивительно, если лозунг кавказской буржуазии имел успех, и мы были свидетелями шамхорских и других кровавых событий, когда, устроив бойню, обезоруживали возвращавшиеся с фронта измученные эшалоны солдат, жаждавших мира.

Понятно, что такие события в свою очередь озлобили и фронтовиков. И взаимное недоверие и пропасть углублялись уже не между вдохновителями, а между массами проезжих солдат и коренного населения.

У буржуазии всегда цель оправдывала средства. Так случилось и в данный момент: кавказская буржуазия в своих классовых интересах во первых объединилась под различными зажигательными лозунгами, прикрывавшими их классовые побуждения, а во вторых посеяла семена раздора и ненависти между демократией городов и солдатской массой с одной стороны и национальными инородческими массами Кавказа с другой. Окопавшись таким образом, ошетинившись в сторону революции, связав соседа круговой порукой, буржуазия могла уже более или менее спокойно делать свое кровное классовое дело внутри своей национальности или территориального объединения.

КРИСТАЛЛИЗАЦИЯ СИЛ.

Первый общегорской с'езд во Владикавказе дал тон всему Горскому движению, подняв зеленое знамя шариата. Муллы и шейхи Чечни и Дагестана дали волю своим страстям в течении 10 дней хода с'езда. Как разрешить такой-то вопрос? „По шариату!“, отвечает дружно хором с'езд, словно им управлял ловкий дирижер. Интеллигенция могла для виду голосовать против, воздерживаться, масса духовенства, присутствовавшая на с'езде, стояла за шариат, словно до с'езда уже все вопросы были пред-решены и консультированы с аллахом.

В этом деле виновником „милых проказ“ несомненно было правое крыло интеллигенции, во главе с чеченским васькой - встанькой Тапа Чермоевым. Сын генерала Чермоева, отставной гвардейский офицер, он спекулировал на всем, что попадалось под руку еще до революции и до войны. В своих комбинациях неоднократно вылетал в трубу, но, вновь воскресая, исправлял свое материальное положение. Имущества не было, а привычки жить и притом широко, по гвардейски, хоть отбавляй. Единственное средство—комбинация, авантюра. На чеченской земле показалась нефть. Чечня и Чермоев слились воедино, дела пошли на поправку, а тут революция. Спасти положение мог только шариат, оставляющий по толкованию „ученых“ имущество у собственника. После такого комбинаторского стажа почему бы не спекулировать и на шариате? И Тапа Чермоев делается „во имя народа“ шариатистом. Трогательное слияние „народа“ с интеллигенцией произошло в XX столетии на заре великой революции и на основе свода ша-

риатских книг IX века. Революция отделила церковь от государства, а горский с'езд с помощью своей интеллигенции избирает духовного главу Муфтия—Нажмуддина Гоцинского и духовный совет при нем.

Раз все дела должны решаться по шариату, нужно же кому-то и толковать шариат. А раз так, то кто же лучше растолкует его в интересах имущих собственников, как не собственник 10.000 овец и кутанов Нужмуддин Гоцинский? Чермоев сохранит нефть, Нажмуддин баранту, беки землю, а народ?.. а народ.. свободу (?). На случай беспорядков и нарушения предписаний шариата с'езд создает даже милицию, а чтобы не обременять этой службой горскую бедноту, решено, чтобы милиция была на добровольных началах. Кто пойдет ради шариата, того и набирать, к тому же милиционером быть весьма заманчиво: давали даже винтовку, ну а коня своего имей. И хорошая милиция вышла, на прекрасных собственных конях, с иголки одетая. Прямо гвардия! Зачем же утруждать бедноту? До милиции ли ей в поисках куска хлеба... На этом фронте сохранения старого порядка ее вполне могла заменить золотая бекская молодежь,--собственники, которые к тому же и более всего были заинтересованы в этом.

В общем на этом с'езде все было на своем месте. В школах, начиная с первого года, вводились уроки шариата, во всех судах вводился тоже шариат. Только кадии выбирались согласно „революционных законов“ и шариата. Вопрос же согласования революции и шариата это был „общий“ вопрос, поэтому на нем долго не останавливались. Предполагали, что все само собой согласуется. „Учредили“ и духовную семинарию для подготовки новых шариатистов, как важной статьи в великой революции для имущих собственников, членов горского об'единения. Даже при Центральном Горском Комитете учредили шариатский совет из 9-ти лучших шариатистов, нечто в роде Верховного Шариатского Сената.

Земельный вопрос вызвал бурю прений. Предлагали закончить и этот вопрос по шариату, но повидимому и горским воротилам стало неудобно в таком людном месте, как Владикавказ

1917 года, сказать, что земельный вопрос,—краеугольный камень революции,—подлежит разрешению только на основах шариата. Поэтому постановили земельный вопрос передать Учредительному Собранию, т. к. более отдаленного времени для разрешения не предвиделось, но выразить пожелание и Учредительному Собранию, чтобы при разрешении вопроса не был забыт шариат. Зафиксировали только, что земля и леса народов, входящих в Горский Союз, неотъемлемы, а отнятые царизмом у них земли—подлежат возврату. О практическом разрешении земельного вопроса повидимому сговорились иметь суждения в тиши кабинетов Национального Об'единения. Для вящей же подготовки народа к шариатской жизни постановили: офицеров и чиновников, болтающихся в городах на службе, перебросить на места для работы в сельские общества!*

С'езд закрылся. Делегаты раз'ехались довольные, т. к. пострадал только один чеченский шейх, которому при выборах Духовного Совета его собрат по исламу выдрал клоч бороды. На с'езде этом, 14 мая 1917 г., впервые продемонстрировали себя все движущие силы революции и контрреволюции среди горских народов. После него каждая сторона зарубила себе на носу „урок“ и начала готовиться к грядущим событиям, которые не заставили себя долго ждать. Было ясно, что группировок не много. Реакция об'единилась, выбросила шариатский флаг и чувствовала себя твердо на ногах в то время, как социалистическая струя с'езда была еле заметна, едва себя оформливала и искала организационных форм, нащупывая точки опоры.

* Резолюции общегорских с'ездов. См. приложение.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ГРУППА.

Группа эта стала оформляться с приездом Коркмасова из-за границы и Хизроева из России и официально насчитывала как будто 5—6 человек, но до конца своего существования она так и не оформилась, хотя все, что имело отношение к революции, делалось от ее имени. Трудно было сказать к какому социалистическому „толку“ можно было ее отнести. Ее существование можно сб'яснить только знаменитой „дагестанской действительностью“. Анархист Коркмасов, б. большевик Хизроев, б. интернационалист Дахадаев, с.-р. Габиев, „беспартийный“ социалист Тахо-Годи и еще несколько человек—вот как будто все явные, официальные „силы“ группы. Затем, правда, следовала группа молодежи, студенты и реалисты, а дальше и активисты из местных рабочих и крестьян. Революционных сил было так немного, что „делиться“ фракционно не набиралось ни силы, ни „грамотности“. Пока по пути—все вместе, а впереди будет видней. Может придется еще бить друг друга, сейчас-же—бей общего врага и анархизма, и социализма, и просто культуры—реакцию, темную, как ночь.

Приходилось бороться не против определенной идеологии, противопоставив все доводы разума и жизни, а итти против неопределенного лозунга—„шариата“. Воевать не против человеческих законов, а против божеских, воспринятых массой не сознанием, а верой. Надо было убить веру в шариат, в его носителей, дискредитировать духовенство, осмеять новоявленных шариатистов в лице беков и буржуа. Задача благодарная, если чуточку больше сознания у масс и поменьше фанатизма перед непонятны-

ми арабскими письменами шариатских книг. В особых условиях и приемы пришлось употреблять особые, может быть и неприемлемые для какой либо выдержанной социалистической партии. Махач Дахадаев от имени социалистической группы громко заявлял массам, что социалисты не против шариата „если массы хотят его“. „Пусть купаются в шариате, если это так нравится кому либо“—писал он в своих листовках, так язвивших шариатский блок, беков и промышленников Дагестана. Не раз пришлось кривить душой и стоять за арабский язык вместо тюркского, отчасти, чтобы только вырвать массы из под влияния бакинских нефтяников—буржуа, пытавшихся привить Дагестану свою идеологию, отчасти, чтобы привлечь симпатии передового духовенства и тем самым, прорвав вражеский фронт, внести в его среду раскол.

Группе приходилось быть чрезвычайно гибкой, по восточному—изворотливой. И Махач, в условиях Дагестана, был незаменимым лидером группы. Сидя у себя в кабинете, принимая по одиночке и группами сотни ходоков из аулов, он был в курсе настроения аулов, как никто. Дом его был облеплен желающими видеть легендарного Махача. Он выступал на митингах, собраниях, издавал газету, писал, беседовал с массами. Успевал всюду, хотя болел физически. Несколько разгрузился только с приездом Коркмасова, который взял на себя всю агитационную часть на широких собраниях и митингах. Трудно было найти лучшего застрельщика, чем Махач. Так заострить вопрос, резко поставить его, как Махач, не мог другой. От остроты его постановок не раз у присутствующих пробегал мороз по спине. А нужно знать шуринскую обстановку того времени! Шура билась как в лихорадке от напряженной атмосферы. Две стороны: социалисты и националисты—все вооружены с ног до головы, идет резкая и на самые острые темы полемика; чуть неосторожное слово—и руки противников нащупывают оружие. Нервное время! Махач идет на митинг—его предупреждают о засаде; товарищи тайно от него устраивают его охрану. Но если Махач был „оргцентром“, то лучшего агитпропа, чем Коркмасов, тоже трудно было найти. Если Ма-

хач был мастер высекать огонь, то осветить пламенем революции аудиторию мог только Коркмасов. Если у Махача была убедительность, доходящая до гипнотизма, у Коркмасова оратора была убежденность, в которую нельзя было не уверовать. Один одноаулец, слышавший Коркмасова, говорившего с памятника, передавал, что сам он напоминал памятник, и слова его тоже были словно литые или высеченные из камня. Махач и Джелал в глазах масс были как бы красными знаменами—символами революции в Дагестане еще с 1905 года. Остальные члены группы вели рядовую работу, большей частью камерального порядка. Приехав из Парижа, полный энтузиазма и революционной энергии, Коркмасов был наиболее левый в группе, за что его особенно ненавидели и беки и духовенство, называли—„Кешишем“—социалистическим попом. Особенно обозлились шариятисты на него, когда он на одном собрании, пренебрегая тактом Махача, заявил: хотят или не хотят муллы, а земельный и женский вопросы революция разрешит по своему.

По этому поводу поднялась целая волна полемики против социалистической группы и лично Коркмасова. Насколько в вопросах шариата и духовенства был дипломатичен Махач, настолько Коркмасов был непримирим и резок.

Настоянию Коркмасова было обязано ускорение практического решения и земельного вопроса: прощупав пульс жизни плоскости он начал во-первых агитировать за захват земли, во-вторых, как председатель земельного комитета, принимать все меры к передаче крестьянам, хотя бы и незаконно, помещичьих земель.

Для беков это был новый повод к новым воплям. К тому же это время было кульминационным пунктом, когда на социалистическую группу начали вешать тысячу собак. Они, мол, большевики, они и гражданскую войну хотят, они женам дают права мужей, у них не мужья дают развод, а жены. Они проповедают проституцию, они и такие и сякие...

ШАРИАТСКИЙ БЛОК.

На одном из собраний, где интеллигенция хотела найти общий язык с социалистами, Даниэль Апашев, отставной капитан, барановод и помещик, человек чрезвычайно хитрый, тактичный, пытавшийся играть руководящую роль в шариатском блоке, как представитель беков, и фактически им правивший, весьма язвительно задал вопрос социалистической группе: кончилось ли углубление, утолщение и уширение революции, или нет? Если социалисты считают „углубление“ достаточным, можно разговаривать и договариваться; если нет—разговоры излишни. Ему дан был соответствующий ответ и после этого совещания компания против социалистов стала еще бешенее. Мало того, это заседание как бы послужило сигналом к организации сил обеих сторон.

Наиболее активным элементом в шарблоке были помещики, которые уже реально начали терять землю. Так как Т.-Х.-Шуринский округ оказался наиболее „захватно“ настроенным в отношении земли, и не было власти, которая реально боролась бы против этого, беки сфабриковали в Шуре так называемое общество „исламистов“ или, как его называли, „Джамиатул Исламие“, которое начало претендовать на разрешение всех споров и „недоразумений“, возникавших в Шуринском округе на почве земельных захватов. Конечно, все было под соответствующим соусом: надо, мол, сохранить мир между братьями мусульманами до Учредительного Собрания. Для этого создали комитет, председателем посадили городского кадия Агарахим—кадия из Казаниш, двух трех мусульман из Шуринских лавочников, а всем заправлял тот же Да-

ниэль Апашев со своей бекской кликой. „Джамиат Исламие“ организовало и свою милицию, а в итоге шариятский блок и в частности Шуринские помещики получили свой собственный орган власти с принудительной силой, что и требовалось. Шарблок оказался организованнее социалистов и раньше понял, что без своего органа власти, положившись на мертворожденный „коалиционный“ Гражданский Исполнительный Комитет, который занят подготовкой к выборам и перевыборам постоянных Исполкомов и в Учредительное Собрание, дела не сделаешь. Ясно было, что нужен свой орган власти и реальная сила в его руках—тогда победа могла быть обеспеченной.

Так и сделали беки, сконструировав орган власти в виде комитета, который в свою очередь послужил исходной точкой для дальнейших мероприятий блока. Опираясь на силу и власть в столице Дагестана, они организовывали общественное мнение, и преуспевали в этом отношении довольно удачно. К этому времени блок приурочил созыв с'езда духовенства, где Нажмуддин Гоцинский играл первую скрипку, где и было постановлено между прочим кодифицировать шарият и составить свод шариятских законов. Эта книга, по словам Дебирова, участника этого совещания, должна была быть составлена на принципе „беспристрастности и справедливости ко всем верованиям и партиям, приносившаяся к духу времени и применяясь к жизненным интересам каждой народности, но с условием не нарушать шарията в его основах и соблюдения заветов имамов“.

Спрашивается, как согласовать несогласуемое!?, „Дух времени“—XX век, заря великой революции, преддверье великого Октября; шарият и заветы имамов VII-IX век; догматы всех верований от времен Адама, а программы партий XIX века. Как создать кодекс „беспристрастный“, „справедливый“ для всех этих категорий и понятий?

Дело невозможное! Но не беда, это и не требовалось. Так надо было сказать, применяясь к духу времени. Важно было составить свод шариятских законов, а кто там будет доказывать, что

он не соответствует программе эс-эров? Беки и Гоцинский были достаточно умны, чтобы не брезгать словами из чужих программ для обрамления своих „видов на будущее“. Но, сказав А, нужно сказать и Б. Шуринским округом не замыкались интересы шариятского блока особенно после того, как новый, уже выборный, Исполнительный Комитет сконструировался из социалистов. Перед блоком стали задачи о путях своего влияния и на весь Дагестан. Не долго думая, сейчас же после Дагестанского с'езда, где был избран новый Исполнительный Комитет, в сентябре месяце в противовес ему блок с'организовал Дагестанский Областной Национальный Комитет, под бессменным председательством капитана Даниэля Апашева. Быстрота и натиск сделали свое дело и рядом с выборным Исполкомом оказался не коронованный король, с не меньшими функциями, чем Исполком. Разница разве была в том, что Исполком должен был заниматься всеми вопросами, которые до него доходили, а Национальный Комитет занимался только теми, какие его интересовали. Или еще: Исполком не имел никакой реальной силы, а Национальный Комитет опирался на силу „национальной“ милиции. Даже официальные задачи, которые ставились Национальным Комитетом перед собою, по словам б. товарища председателя этого Комитета М. Дебирова, были таковы, что Национальный Комитет являлся посредником между народом и властью, как будто в революции нужны посредники между этими категориями особенно в лице председательствовавшего в Комитете помещика Апашева.

Национальный Комитет, согласно своей программы, должен был информировать народ о будущем в России Учредительном Собрании и о порядке выборов туда. Можно себе представить какую информацию готовил Национальный Комитет народу и какие выборы намечались Национальным Комитетом в Учредительное Собрание! Были, конечно, и невинные пункты в уставе Национального Комитета, как возрождение национальной культуры и прочее., но никто не мог указать ни на одно мероприятие Национального Комитета в этом направлении.

В общем это был агитпроп шариатского блока, но только снабженный кроме тезисов еще и вооружением национальной милиции.

Итак, контрреволюция, оформившись, обособилась и, заняв позицию, готовилась к решительным боям. Очередь была за социалистами. Первый Областной С'езд в августе провели они удачно. Блокируясь с представителями городской „демократии“ и опираясь на часть аульских делегатов с'езда, социалистическая группа сумела провести свой список в Исполком и кандидатуру социалистически настроенного присяжного поверенного из балкарцев Басьята Шаханова в областные Комиссары. Это был культурнейший из горских интеллигентов, „горский Муромцев“, как его называли, только эс-эртствующий, а не кадетствующий.

Дальше надо было создать актив из масс, на который можно было бы опираться и который мог бы воспитывать и самые массы. Таким активом явился „Союз Рабочих и Крестьян“, организованный социалистической группой. Ясно было, что основной работой в Дагестане являлось крестьянство, а задачей—создание крестьянского актива, связанного с рабочими элементами городов и зараженного рабочим настроением. Организованный Союз насчитывал до 500 членов.

В Союзе были установлены членские взносы, происходили собрания, обсуждали все вопросы практической политики и учились все вместе на этих собраниях. Больше всего союз работал в Т.-Х.-Шуринском округе, где настроение крестьян было с самого начала повышенное, в связи с земельным и бекским вопросами. Союз этот неоднократно использовывался соц. группой в течении борьбы с контрреволюцией, то в качестве вооруженного кулака, то на митингах, выпуская из его состава „волокавов“, против миллистов, и в итоге из рядов Союза вышли в свое время прекрасные активисты для работы в массах.

После с'езда алимов, устроенного шарблоком, как бы в противовес ему, социалистическая группа созвала крестьянский с'езд. Против всяких ожиданий, с'езд оказался большой, в несколько сот человек и чрезвычайно бурный (центром с'езда было обсуждение

земельного вопроса),—настолько бурный, что чуть не кончился скандалом, так как шарблок тоже постарался „провести на с'езде своих крестьян“. Но настроение С'езда было настолько революционно-активное, что блоку не помог и шариат. Шариат на с'езде перевернули „вверх ногами“, так как с'езду были заготовлены специальные цитаты из шариатских же книг, где говорилось, что земля принадлежит тому, кто ее „оживляет“, т. е. значит крестьянину, так как помещики самолично не пахут. Воды тоже были объявлены достоянием общим, так что в итоге шариатисты со „своим“ шариатом были побиты шариатом же социалистической группы и голодным, требующим земли, желудком с'ехавшихся крестьян. По словам Махача никогда он не уставал так, как на этом с'езде. Ораторов приходилось переводить чуть ли не на все дагестанские языки, так как приезжие были самые настоящие „сабанчилар“, хлеборобы, и международных дагестанских языков не знали.

Но победа была полная. С'езд постановил:

1. Все земли Дагестана, бывшие в распоряжении царизма, вернуть дагестанскому народу.
2. Воды Каспийского моря, заключенные в границах Дагестана, передать в распоряжение дагестанского народа, как его неотъемлемую собственность.
3. Все бекские земли передать безвозмездно дагестанскому народу.
4. Земли, переданные беками некоторым лицам, также передать, как собственность, дагестанскому народу безвозмездно.
5. Земли, купленные некоторыми лицами у беков, передать дагестанскому народу, как собственность, откупив по себестоимости.

Большого требовать было нельзя. Да и нужды не было. Беки кусали пальцы, а крестьяне торжествовали, как будто уже получили землю. Еще бы: и желудок будет сыт, да и на всякий случай и шариат остался цел. Молодцы социалисты, нашли выход.

Но оставим на время чисто дагестанские дела с двумя кулаками, занесенными друг над другом,—шарблока и социалистической группы,—и на минуту займемся общегорскими делами.

После первого горского с'езда во Владикавказе и выделения Центрального Комитета Союза Об'единенных Горцев с дагестанской секцией для Дагестана, каждая нация начала „самоопределяться“, организовываться и готовиться на случай какого либо уда-

ра извне. Лозунг, брошенный на горском с'езде: объединение во имя сохранения „физического существования“ народа, имел шумный успех и горцы напоминали натянутые пружины, готовые повернуться для удара в сторону, откуда покажется опасность.

Держать в таком напряженном состоянии массы, якобы во имя опасности извне, в целях отвлечения внимания масс от вопросов внутреннего порядка, было одной из основных задач политики буржуазных верхов. Раз ставится на карту „физическое существование“ целого народа—можно ли думать о своих классовых, хотя бы бедняцких интересах! Но, ввиду длительности ожидания „врага внешнего“, Центральный Комитет Объединенных Горцев, чтобы чем нибудь занять массы, да еще и продемонстрировать перед врагами и внешними и внутренними свои силы в общегорском масштабе, назначил на начало сентября 2-й с'езд горских народов в далеком сел. Анди, в глубине Нагорного Дагестана, на границе с Чечней. Повидимому, надо было воскресить былые воспоминания и исторический Андийский с'езд Шамиля, готовившегося тогда к решительным действиям против царизма, чтобы дать возможность у себя дома шариятскому блоку и Нажмуддину Гоцинскому изрыгнуть все блевелы, которые накопились у них за время революции. Избрали Анди еще и потому, чтобы все таки не было так уж стыдно перед массами демократии городов за себя, как никак интеллигентов, бывших царских чиновников. Анди— на всякий случай, так как, неровен час, при виде таких настроений может какая нибудь революционная организация взяла бы и разогнала во имя революции „с'езд народов“. Предполагалось нечто грандиозное: были приглашены верхушки всех революционных организаций Кавказа. Тут должны были быть и представители Кавказского фронта, и Закавказского Комитета, и партийных организаций Кавказа и национальных объединений, казачества и проч., и проч.

С'езд должен был быть демонстрацией единства горских народов, их твердости в отстаивании свобод особенно своих, согласовав их с шариадом. Но спектакль не удался, ибо главные артисты, герои переиграли свои роли, а режиссеры не сумели спра-

виться с вызванной на сцену труппой. С'ехавшиеся на с'езд делегаты были свидетелями небывалого зрелища: по дорогам они встречали живописные группы в разноцветных чалмах, спешащих в Анди к озеру Эйзенам и пешком и верхом, где, по их словам, появится новый имам мусульман, который будет ходить по воде, как по суше, будет раздавать подарки и показывать другие чудеса. Каково же было удивление и испуг делегатов и гостей, все таки культурных людей, когда на месте в Анди они увидели тысячи чалмоносных голов с дикими воплями, исступленно с оружием в руках требовавших провозглашения Нажмуддина Гоцинского имамом и смерти тем, кто против этого. При этом каждый участник подходил и целовал полы одежды восседавшего Гоцинского и в том числе эту операцию проделал ряд делегатов интеллигентов. Атмосфера была настолько наэлектризована, передавали они впоследствии, что откажись от этого церемониала, остаться бы им без головы.

В такой обстановке и самим организаторам было ясно, что ни о каком с'езде думать не приходилось. Надо было только по добру по здорову увести хотя бы гостей, перед которыми и так было конфузно. А делегаты социалисты из Дагестана: Кормасов и Хизроев, поехавшие посмотреть зрелище, еле еле ушли живыми благодаря своим кунакам. Участник Андийского с'езда Дебиров рассказывает, что Андийский с'езд раз'ехался „весьма странно“: одни из делегатов просто бежали от с'езда, об'ятые паникой, другие вернулись с дороги, а третьи со с'езда, потеряв надежду созвать порядок в Дагестане без вмешательства посторонней силы. А интеллигенция из шарблока и в этой обстановке пыталась дать имамству Гоцинского конституционную оправу, убеждая его называться не имамом, а муфтием, во избежание осложнений на этой почве революционными организациями городов и войсковыми гарнизонами, еще находившимися в Дагестане. Во всяком случае после Андийского с'езда многие закаялись ездить на горские „с'езды“.

Но шариятский блок мог быть удовлетворенным: себя и своих союзников он показал лучше, чем он сам думал. Двух мнений о их сущности более быть не могло.

НАЖМУДДИН ГОДИНСКИЙ и УЗУН ХАДЖИ

Даже при строгом подходе фигура Нажмуддина не безинтересна сама по себе, независимо от роли его в горской контр-революции. Нажмуддин из сел. Гоцо, Аварского округа, сын б. шамилевского наиба Доного Магомы, предавшегося России и за услуги русскому правительству в восстании 1877 г. произведенного в штабс-ротмистры по гвардии и награжденного землями. С детства Нажмуддин, сын богатого родителя, начал изучать арабские книги, сделался муталимом и проявил себя чрезвычайно способным юношей.

Изучение истории войн пророка Магомеда и его учеников и имамов, повидимому, наложило на него свой отпечаток, т. к. с детства, по словам его знавших, у Нажмуддина вырабатывалась склонность к военным играм. где он изображал имама Шамиля, а сверстники—его мюридов и противников. Характера он был гордого, повелительного, хотя при богатстве эти качества не так трудно приобрести. По окончании арабской учебы, он поступает к губернатору в конвой в качестве всадника, потом назначается членом Дагестанского Народного Суда, получает по этой должности звание юнкера милиции и, наконец, назначается наибом-начальником Койсубулинского участка. После смерти отца и брата получает большое состояние: движимое имущество до 10.000 баранов и недвижимое—кутан на плоскости и пастбища на горах.

Будучи с одной стороны богатым, с другой ученым арабистом, при наличии честолюбия, занимая еще административный пост, Нажмуддин, конечно, легко мог приобрести громадное влияние среди темных масс и пользоваться всеобщим почетом.

К тому же сам Нажмуддин всеми правдами и неправдами демонстрировал, что кругом все ничто перед ним и что он, в сущности, владетель Дагестана. Фантазия и воображение были к его услугам, так как, по словам его знающих, он был и не дурным поэтом на арабском языке и его стихи ходили по рукам. Будучи набом, он велел выпороть одного вора и, причинив ему увечье, оправдывался тем, что вору по шариату полагалось отрубить руку, а он только причинил увечье. Однако, за это попал на сем месяцев в тюрьму. Повидимому, еще тогда у него сидела мысль, что наиболее целесообразные наказания—это по шариату, но поскольку русский закон воспрещал отсечение руки—он применил наказание по „аналогии“.

В 1903 году отправился в Константинополь, где пробыл около 3-х месяцев, после чего царское правительство стало считать его турецким эмиссаром. Из секретных бумаг военного губернатора еще при разборке архива в 1917 году из'яли даже дело на него, как на турецкого эмиссара. По словам Дебирова, Нажмуддин принимал участие в событиях 1905 г., тайно сочувствуя социалистам, но не выступая открыто, при чем выступления его были, конечно, только против русских порядков.

Во время так называемого „писарьского“ движения, в 1913 году, когда до 3000 горцев спустились в Шуру и потребовали или отправить их в ссылку, или убрать русских писарей из аулов, оставив арабистов, военный губернатор Вольский, подозревая в этом движении организатором Нажмуддина, хотел его выслать из Дагестана и только заступничество Халилова спасло его от этой кары. Знавшие его говорят, что об имамстве он мечтал не со дня переворота, а задолго до этого. Любил вести беседы на эту тему с доверенными людьми, разгадывал сны, толкуя их в этой плоскости, и вообще гипнотизировал и себя и других на имамстве. К моменту переворота Нажмуддину было около 60 лет, лицо его было довольно интересное и напоминало лицо старого орла: взгляд—суровый, властный и редко улыбающийся.

Он, по словам Дебирова, прежде не любивший шейхов и фа-

натиков, после переворота, вызывает Узун Хаджи, только, что освобожденного революцией из ссылки, и внушает ему, что раз мусульмане освободились от русских и провозглашена свобода, тот мусульманин гяур, кто не способствует созданию имамства и имама. Узуну же достаточно было уверовать в какую либо идею, чтобы, как фанатику, зажечься ею и проводить ее во что бы-то ни стало. Так и случилось. Нажмуддин мог теперь сидеть спокойно: Узун делал за него все. „Нажмуддин должен быть имамом точно также, как мы мусульмане, а Узун—его векилем (поверенным)“. Вот лозунг, усвоенный Узун Хаджи, и проводимый им с присущим ему фанатизмом и словом и делом с саблей в руке.

Тот, кто не согласен с этим, тому долой голову, как отступнику от ислама. „Я вью веревку, говорил Узун, для того, чтобы перевешать всех инженеров, студентов и вообще пишущих слева на право“. Более цельной натуры, более простой и непосредственной, чем Узун Хаджи, найти трудно. Это был строгий, нераздвоенный, зажженный огнем пламени фанатик; у него не было той многогранности, в которой нельзя отказать Нажмуддину. Если Нажмуддина с'едала жажда честолюбия, власти, боязнь за потерю имущества, то Узун Хаджи двигало только сознание винушенного ему и им усвоенного долга мусульманина, который должен сложить свою и чужую голову для того, чтобы воскресить имамат и имама всех мусульман. Нажмуддин вовсе не был фанатиком. Его воззвания—чрезвычайно интересные исторические документы с известной политической платформой, тактикой и стратегией жизни и борьбы за жизнь. Нажмуддин очень хорошо знает психологию горских масс, которые живут более воображением и фантазией, чем положительным сознанием. Поэтому он широко применяет позу. Поза всюду: и в воззваниях, и в приемах, и в разговорах. Мощное воздействие на воображение детски наивного горца—вот основное орудие в руках Нажмуддина. Что мог он обещать голодному горцу, зовя за собой или гоня впереди себя на фронт? Ничего—на этом свете, разве только на том—мусульманский рай со всеми его прелестями. Правда, он обещал и часть добычи по шариату, полагающуюся бойцу.

Для горца, идущего на зов Узуна и Нажмуддина, поход представлялся отчасти выходом на привычный отхожий промысел за лишней копеечкой для прокормления семьи. Это одна сторона дела, а другая—Нажмуддин внушил массам через свой мощный агитпроп—мулл и шейхов, что каждый, кто откажется от участия в движении по созданию имамата, теряет свое „мусульманство“. И люди шли. Одних привлекала перспектива подработки, других двигала боязнь оказаться вне „мусульманства“. Язык воззваний Нажмуддина для горца был убедителен, понятен и сильно действующ на его воображение, ежедневно подготовляемое муллами в мечетях и учарах. Целые века горцу твердили шейхи и муллы, что жизнь не стоит ломаного гроша, что мусульманин не должен „продавать вечность мирской суете.“

Идея вечности близка и знакома каждому горцу. Во имя нее каждый должен умереть и за шариат и за ислам, выработать в себе ряд качеств, как-то: смирение, милосердие, покорность всему, что случится с ним и т. д., и потому то в своем воззвании после андийского с'езда Нажмуддин прямо говорит:

„Если будем говорить о том, как меня назвать, то мое лучшее название, которое я хотел бы себе присвоить, это пастух.... Мое последнее слово к вам, ой мусульмане, я человек, явившийся для воскрешения умерших частей божьего шариата. Не добиваясь ханства, я не облачаюсь в иной „аба“ (священный хитон), кроме рабского. В этом деле я призываю вас помочь мне. Тот, который отступится от помощи мне, явится на том свете моим врагом перед страшным судом. Если же между Вами будет человек, который, скажет, что не будет подчиняться пастуху, я ему отвечаю: если для этого дела есть другой подходящий и готовый во имя блага мусульман пожертвовать своей жизнью, то ему первый подчинюсь я и беспрекословно буду чистить ему ноги“.

Вот язык корана и библии, который приучал двигаться горские массы сотни лет и который был понятен им и теперь. Но вот и новое не библейское, а внушенное окружающими Нажмуддина интеллигентами и вклеенное в его воззвание. Шарблок чувствовал, что одними, хотя и давно знакомыми, обещаниями рая, угро-

зами страшного суда, массы не двинешь в бой, и потому под имамат подводится идеология не старозаветного типа, а современная, и воззвание гласит дальше:

„Главнейшая цель этого (имамата Нажмуддина) установить еще теснее взаимоотношения между нашими и русскими народами“.

Как будто это устанавливается через имама! Тут же перечисляются и другие основания необходимости имамата: учившиеся в русских школах мусульмане, не соблюдая уважения к шариату, пошли против заветов пророка Магомета, объявляя незаконным многоженство, давая право замужним женщинам разводиться с мужьями для того, чтобы переменить одних мужей на других. Поэтому для охраны шариатской неприкосновенности, для борьбы с его нарушителями и для применения в жизни законов шариата требуется один духовный глава,—Нажмуддин Гоцинский. Ввиду этого:

„Эй, алимы Кавказа и других городов и областей,—воскликает он,—эй, Вы шейхи, председатели городов и сел, умные ханы, молодые мужчины, храбрецы, богачи, губернаторы, верующие в бога и его страшный суд, надеющиеся встретиться с богом и почитающие святой коран и каабу, я Вас призываю от имени ислама, помогите мне по мере Ваших сил в этом ответственном деле: алимы знанием, шейхи молитвой и советами, разумные умом, богатые имуществом, смелые храбростью и молодечеством, доктора медициной, инженеры техникой и наукой и профессионалы своей профессией—помогите мне все“.

Характерно, что в этом перечислении ни одного слова о бедных, как будто они в строительстве шариатского государства и становлении божьего шариата не нужны. Им нет доверия в этом деле. Далее, несмотря на все свое презрение к шиитам, во имя блока с бакинскими нефтяниками, Нажмуддин пишет:

„Эй, кавказские народы мусульмане, шафиицы, ханафинцы, шииты, находящиеся на юге, и находящееся на севере, вы все братья друг другу—объединяйтесь, не раз'единяйтесь! Если вы не объединитесь, то ваша сила будет незначительная, не отступайте от единства“.

Кроме идеи панисламизма тут у него довольно трезвый подход к округлению границ своего имамата в пределах естественных богатств различных районов:

„То, что есть на севере, этого нет на юге, то, что есть на юге, того нет на севере. Недостаток одного пусть пополнит другой. Будьте бдительны в это опасное время, что будущее готовит, то знает один бог“.

Как ни прост Нажмуддин, но достаточно умен для понимания, что отчаяние и голод чаще всего толкает массы на бунт и анархию.

„Не спите,—говорит он своим соратникам,—я боюсь, что спящие возбудят пробуждающую их тяжелыми ударами безрассудную слепую анархию и тогда спящим будет горько и сон не даст им пользы. Если не быть бдительным и подобно пророку не помочь своему бедному соседу—то подобно тому, как помогает смелому храбрость, богатство богачу не поможет. Повелитель правоверных (да будет благословенно его имя), сказал: „умный человек думает о бедствии, пока оно не совершится и тогда для него это бедствие не является неожиданностью, и он его не боится, так как он обсудил об этом бедствии раньше“.

Но Нажмуддин, достаточно умный, чтобы порекомендовать своим собратьям по имуществу выделить от своего стола крошки бедноте, все таки не сумел преодолеть свою мелкобуржуазную собственническую натуру и найти мужество и со своего стола выделить хоть что нибудь окружающей его голытьбе, славившей могущество имама на этом свете во имя своих предполагаемых благ на том. Поэтому массы раскусили его раньше, чем западно-европейские рабочие своих вождей. Повидимому, тут помогла и революционная обстановка и динамика жизни и недостаточная ловкость Нажмуддина в сравнении с западными зубрами.

ЮГО-ВОСТОЧНЫЙ СОЮЗ.

Но события развивались с такой молниеносной быстротой и революционная обстановка так быстро менялась, что реакции, привыкшей к медленным эволюционным поворотам, приходилось туго. Июльское восстание в Петрограде, а затем октябрьское выступление совсем выбили из строя прежние виды ее на предстоящий „урожай“. Местные очаги реакции, вроде нашего шарблока, отдельных казачьих „атаманов“, национальных комитетов и территориально-национальных объединений почувствовали себя в некоторой лихорадке. „Беспокойные“ социалистические элементы, пытавшиеся „углублять“ и без того глубокую революцию, неожиданно получили поддержку из центра. Окраинной реакции уже на одни свои распыленные силы нельзя было надеяться. Казалось необходимым искать новых союзников, и уже не только против „своих анархистов“, но и на тот случай, если петроградские большевики не довольствуясь Великороссией, попытаются протянуть свои „длинные лапы“ и на периферии к националам, казачеству и т. д.. Шарблока уже было недостаточно, недостаточно и одного Горского Союза, рассчитанного против возвращавшихся эшалонов и опирающегося на С.-Кавказскую „демократию“. Уже надо было отражать опасность обще-российского масштаба и эшалоны, идущие не с турецкого фронта, а из Петрограда и Москвы. Но рыбак рыбака видит издалека. Союзника не пришлось искать, ибо тут, под боком, казачество чувствовало себя от центрального переворота и „не-разберихи“ не лучше. Готовясь и ошетинившись против местной демократии и горского нападения, казаки перед центральными событиями почувствовали себя так же беспочвенными.

Нужен был более мощный кулак для отражения „проклятого большевика, губящего завоевание революции“. Отсюда и вырос так называемый Юго-Восточный Союз, куда вошли все казачьи войска, весь Горский Союз. Одно наименование его „Юго-Восточный Союз Казачьих Войск, Горцев Кавказа и Вольных Народов Степей“, говорило о максимуме полета поэтической фантазии, вложенной в основание этого союза.

Декларация этого Союза от 28 ноября 1917 года гласила:

„Развал Центральной Государственной Власти и быстро развивающаяся анархия привели к тому, что жизнь нашей великой страны, как единого целого, остановилась. Представленные самим себе, отдельные области и народы перед лицом надвигающихся хозяйственно-экономических и политических потрясений, вынуждены были организовать свою собственную власть на началах самоуправления. Разразившаяся борьба политических партий угрожала гибелью тем самобытным особенностям вольных общин казачества, горцев и степных народов Юго-Востока России, на которых исторически строилась их духовная и хозяйственная жизнь.

Поэтому казаки, горцы и степные народы Юго-Восточных областей взяли всю полноту власти в свои руки и передали ее своим правительствам, избранным всенародным голосованием, а для защиты общих интересов образовали Союз во главе с об'единенным правительством“.

Это официальная сторона дела. Неофициальная—яснее того. Нужно было сохранить „самобытные особенности“, выразившиеся в привилегиях казачьих атаманов и „народов помещиков“ шариятского блока, нефтяных заявках Чермоевых, бесконечных земельных площадях в руках беков. Договор о Союзе был подписан в гор. Владикавказе 20 октября 1917 года, а на обсуждение Вседжестанского С'езда был поставлен 23 октября, т. е. после того, как от имени Дагестана Центральный Горский Комитет приложил свою руку к договору. Состав этого союза перечислен в договоре от 20 октября довольно подробно. Вот статья первого союзного договора, трактующая об участниках.

„Союз составляют казачьи войска: Войско Донское, Войско Кубанское, Войско Терское и Войско Астраханское, примкнув-

ший к Войску Астраханскому Калмыцкий народ и объединенные в особый Союз Горцев Кавказа следующие горские и степные народы: а) все народы Дагестана (Аварцы, Даргинцы, Лаки, они же Кази-Кумухи, Кюринцы, Кумыки, Табасаранцы и иные (Закатальского округа) лезгины; б) все горские народы Терского края (Кабардинцы, Балкарцы, Осетины, Ингуши, Чеченцы, Кумыки и Салатавцы); в) все горские народы Кубанского края (Карачаевцы, Абазины, Черкесы, Ногайцы и иные; г) степные народы Терского края. д) (ногайцы Каранагайцы;) д) степные народы Ставропольской губернии (Ногайцы и Туркмены).“

Вероятно и эти народы так же пост-фактум, а то и вовсе не обсуждали „свое вхождение“ в Союз, как и Дагестанские народы. Но как бы то ни было, вопрос был внесен на II Вседагестанский С'езд в ноябре 1917 года от имени Центрального Горского Комитета, при чем для защиты договора выступали Тапа Чермоев, Нажмуддин Гоцинский и Гайдар Бамматов, не говоря уже о других. Бой по этому вопросу был основательный с социалистической группой. Главными бойцами были, конечно, Махач и КORKмасов. Социалистическая группа ставила вопрос так: можно-ли при настоящей ситуации революции идти в Союз с казачеством, бывшим опорой царизма в прошлом и долженствующим ходом событий стать фактором контрреволюции. Не преступно-ли перед прошлым и будущим горских трудовых масс в эпоху великой революции свою судьбу связать с казачеством, настроенным так реакционно. Есть ли у горцев какие либо общие интересы с казачеством, кроме противоречивых, и, если дело обстоит так, имеет ли с'езд моральное право связать горские массы вхождением в Юго-Восточный, по существу контрреволюционный, Союз. Нет и тысячу раз нет! И если даже с'езд примет предложение Центрального Комитета, жизнь, сами массы и время разобьют постановление с'езда. Мотивировка Центрального Комитета, поддерживаемая шариатским блоком, заключалась в том, что союз этот—в интересах „наших братьев“ горцев Северного Кавказа: Ингушей, Чеченцев, Черкесов, что если горцам не вступить в союз, казачество будет рассматривать горцев как врагов, а так как горцы Северного Кавказа слабее казачества

и „братья мусульмане“ могут пострадать, в Союз нужно войти. Что же было делать простодушным делегатам с'езда раз дело обстоит так и говорится только о мире, а не о войне и ничего непосредственно не требуется от народа, а, наоборот, приобретается еще мир для братьев Северного Кавказа,—вступить в Союз и никаких! Напрасны были вопли соц. группы, что временный мир нам дорого будет стоить в будущем. Ничего не помогло! С'езд санкционировал союз—шарблук торжествовал победу, а с ними вместе и Гоцинский, у которого имаматство сочеталось с казачьим союзом, вековым врагом этого института. После такого решения социалистическая группа отказалась вступить в организуемый с'ездом Дагестанский Исполнительный Комитет и предоставила шарблоку и его представителям в Исполкоме расклебывать заваренную кашу с казачеством. К счастью, Союз, заключенный горскими верхами, массами и событиями не был реализован и в истории оказался только документом без всяких вытекающих из него последствий, но в данном случае важен, конечно, самый факт подписания договора, как для характеристики тенденции реакционных верхов, так и для развития дальнейшего хода горской жизни.*

* Полный текст договора о Юго-Восточном союзе и декларацию Союза см. в приложении.

ВНУТРЕННЕЕ СОСТОЯНИЕ ДАГЕСТАНА И ВЫБОРЫ В УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ.

Вокруг выборов в Учредительное Собрание особенно заострилась борьба между Национальным Комитетом и шарблоком с одной стороны и социалистической группой с другой. Массам столько твердили, что все откладывается „до Учредительного Собрания“, что они с интересом следили за ходом кампании.

В свою очередь политические противники, участвовавшие в выборах, привели в движение весь арсенал, имевшийся в их распоряжении, чтобы завоевать избирателей. По Дагестану, понятно, были выдвинуты два списка кандидатов: один Дагестанского Национального Комитета, другой Социалистической группы. Национальный Комитет выставил: Гайдара Бамматова, Дебирова, Ибрагимбек Гайдарова, Зубаира Темирханова, Нажмуддина Гоцинского и Карабудахкентского Хаджи Джамалуддина. Как видите, список был образцовый, на все вкусы. Даже имам Северного Кавказа, не знавший ни одного русского слова, баллотировался в Учредительное Собрание. Социалистическая группа выставила своих членов: Дахадаева, Коркмасова, Хизроева, Зульпукарова, Тахо-Годи и еще коего кого с мест. Особенно сильную агитацию повел Национальный Комитет. Во время выборов агенты его стояли у избирательных ящиков и прямо говорили: „это - в рай, это - в ад. Клади куда хочешь“. Нужно было быть большим смельчаком, чтобы голосовать за социалистов, особенно, когда через имама были разосланы директивы всем муллам, кадиям чуть ли не рвать списки и отлучать от ислама крестьян, у которых будут найдены бланки с именами со-

циалистических кандидатов. К сожалению, выборы до конца не были доведены и итогов мы не имели, чтобы судить о соотношении сил той или другой стороны.

Но все таки период этот—осень и зима 1917 года, для социалистической группы был неблагоприятным. Военные гарнизоны начали эвакуацию крепостей и это обстоятельство усилило позицию имамистов в их агитации о необходимости создания имамства. А с уходом гарнизонов как будто отпала для суеверного горца последняя видимость препятствия к достижению имамата. Социалистическая группа, хотя ей и удалось получить от уходящих частей несколько сот берданок, еще не имела возможностей организовать свою силу, не смотря на то, что дело шло уже к открытому столкновению. Время разговоров, митингов и пропаганды прошло тем более, что с уходом гарнизонов имам и его „векиль“ Узун Гаджи совсем распоясались и, раз'езжая с бандами, ставили своих людей на место Комиссаров и Исполкомов. Тут уж Областной Исполнительный Комитет был обескуражен действиями своего „союзника“.

Создав имама, представители шарблока, державшие теперь в своих руках Исполком, не могли уже справляться с выходящими из намеченной программы поступками своего же детища. Они пытались „увещать“ Узуна Гаджи, но этот фанатик и разговаривать не хотел о каких то Комитетах и о „соблюдениях приличия“. А Нажмуддин хотя и был более тактичен и соглашался с Исполкомом, но тоже отчасти из боязни как бы не охладить пыл и фанатизм своего апостола Узуна, а отчасти и сам разделяя точку зрения последнего, ничего не хотел делать для его обуздания.

„Нepовиновение“ вызванных к жизни шарблоком, „духов“ дошло до того, что Узун Гаджи со своими „мюридами“ взял и выгнал из крепости Гуниб назначенного Областным Исполнительным Комитетом начальника гарнизона полковника Гаджиева. Обезоружив и выгнав из Гуниба его гарнизон, он сам занял крепость. Правда, долго в Гунибе не дали ему хозяйничать и, возмущенные наглостью его, общества селения Чох и др. аулов выгнали и его

из Гуниба, но это уж не был акт правительственной власти, а только частной инициативы.

Вследствие этого и по многим другим соображениям, чувствуя себя окончательно дискредитированным в глазах населения, Исполнительный Комитет решил созвать III Вседагестанский съезд для обсуждения внутреннего положения, съезд, который неожиданно для всех превратился в „бенефис“ всех интеллигентов-соглашателей, которые, кажется, на этот раз были хоть немножко смущены за свою беспринципность. За несколько дней до созванного на 23 января съезда стало известно, что Нажмуддин и Узун Хаджи идут на съезд в сопровождении „народа“ в несколько тысяч человек, сопровождаемые Сайфудином Куваршаловым, человеком с революционным прошлым, но слабохарактерным и сбившимся с политического пути.

Узнав об этом, социалистическая группа почувствовала на чьи плечи ляжет вся тяжесть нажмудиновского хвоста и поставила в известность Исполнительный Комитет, что социалистическая группа примет все меры к недопущению „народа“, идущего с Нажмудином в Шуру, не останавливаясь даже перед применением оружия. Исполнительный Комитет тоже как будто был встревожен этим известием и тоже суетился, якобы для отвращения столкновений между социалистами и имамами.

Чтобы не быть застигнутыми врасплох, Махач, взяв на себя общее руководство обороной, раздал всем членам Союза Рабочих и Крестьян часть винтовки, часть берданы. Бойцов набралось до 300 человек и вместе с ними Махач занял позицию перед Шурой у Муслим-аула. Была наскоро организована санитарная часть на случай жертв. Все как будто было готово к „встрече“ имама. Исполнительный Комитет, хозяин Дагестана, барахтался в своем бессилии, будучи не в состоянии ни повлиять, ни убедить расходившегося имама, ни социалистов, которые в сравнении с Исполкомом являлись реальной силой. Он отправил было делегатов для „уведомления“ Нажмуддина в Казанищи, где остановился тот со своей бандой, но имам направил их к Узун Хаджи, который от-

ветил делегации, по словам Дебировой—(члена делегации), что он „войдет в Шуру и введет войска, если даже от этого разрушился бы весь свет“.

Однако, на следующий день Пом. Обл. Комиссара полковник Джамалуддин Мусалаев прислал записку Махачу, что Нажмуддин и Узун согласились в'ехать в Шуру одни в сопровождении только личного конвоя в несколько десятков человек и поэтому он, Мусалаев, просит Махача и социалистическую группу, чтобы не раздражать Гоцинского и не давать ему повода для ввода „войск“, распустить и свою красную гвардию и покинуть позицию.

В те времена мы были настолько наивны, что поверили и разошлись, а в 3 часа дня вдруг город огласился страшными кликами: то входило в Шуру „войско“ имама, распевая священные гимны.

Тому, кто не видел подобных картин, трудно представить, что это было за зрелище. Бесконечной вереницей, заполнив шоссе между Казанищами и Шурой, шествие „полчищ“ медленно двигалось, имея голову уже в самом городе. Одетые в лохмотья, пешие и конные, старые и молодые, вооруженные то винтовками, то кремневками, а то просто палками, одни с безумием фанатизма, другие с равнодушно-усталыми глазами, с белыми повязками на головах—участники процессии чувствовали себя победителями. Через какойнибудь час—все государственные учреждения, как-то: почта, казначейство, телеграф оказались захваченными нажмуддиновцами. Весь город, все площади и улицы оказались усеянными дико-живописными группами чалмоносных голов. Одно удивительное обстоятельство поражало в этих событиях: в город прибыло до 10 тысяч народа, а вместе с тем не было ни грабежей, ни воровства. Единственно, что пострадало, так это некоторые деревянные заборы. Ведь дело было зимой (конец января), и группы людей, ночевавшие на площадях или в холодных казармах, поневоле должны были отапливаться заборами. Так что Нажмуддин отчасти был прав, когда заявил Исполнительному Комитету, что идет на Шуру, чтобы показать Исполнительному Комитету „Национальное Войско“.

В смысле общей дисциплинированности оно могло поспорить с любимыми войсковыми частями, хотя это объяснялось больше тем, что тут вышло на вызов Нажмуддина наиболее „благонамеренное“, мечтающее о спасении душ, мирное население, которое в свою очередь благотворно действовало и на группы авантюристов, вышедших с целью наживы. Социалисты еще до входа их, распустив свои войска, оказались захваченными, как в мышеловке, и, уже не имея возможности на виду у неприятеля „перестраивать“ свои силы, были вынуждены сидеть по домам.

Но Махач сумел все-таки вызвать из сел. Унцукуль одну сотню ребят, которую сконцентрировали на кинжальном заводе на случай отражения какого либо вероломного удара со стороны Нажмуддина. А так как предметом особой ненависти имама был Махач, то одновременно была устроена и охрана его дома,—даже на крыше дома сидели люди с ручными гранатами.

На следующий день после входа сборища в Шуру повторилась андийская история. Нажмуддин был вновь провозглашен и в мечети и на площади имамом, коему надлежало всем повиноваться, а Узун Хаджи добавил еще, что „кто не подчинится имаму, тому мы отрубим голову“. Вот это-то обстоятельство и смутило всю соглашательскую интеллигенцию. Созвал с'езд хозяин Дагестана, в составе которого человек 20 с высшим образованием, а тут заявляют, что кто не согласен с имамом—тому „отрубят голову“. Если бы не было еще свидетелей—может быть сошло, но при всем честном народе, при делегатах дискредитировать с'езд и Областной Исполком! И вот Исполнительный Комитет собирает интеллигенцию, где обсуждается вопрос о том, как себя вести. Приглашены на это совещание и социалисты, которые стоят на той точке зрения, что этот вопрос надо было ставить не теперь, а сначала же, когда начиналась соглашательская одних и предательская политика попустительства других, а то и прямое выдвижение Гоцинского на имамство. В итоге выработали наивнейшую резолюцию, которую назвали „ультиматумом“. В ней „предлагалось“ Нажмуддину об'яснить значение слова „имам“ и смысл, какой он вкла-

дывает в него, а также цель, какую он преследует, добиваясь сана имама. Затем требовалось распустить по домам войска и об'являлось, что до очищения Шуры с'езд не будет открыт. Когда с этим ультиматумом пришли к Нажмуддину, то, как рассказывает один из делегатов (М. Кади Дебиров), Нажмуддин смутился и откровенно заявил: „я никак не ожидал, что Вы отнесетесь ко мне так“. Это, действительно, было выражением искреннего изумления, характеризующим взаимные отношения имама и Областного Исполкома. Сами же выдвигали, сами потакали, сами создавали, а теперь, словно что изменилось, грозят пальцем. В чем дело? Вот чего в самом деле не ожидал от своих единомышленников. Но в общем и тут сговорились, с'езд открыли до ухода полчищ и Нажмуддин выступил на нем со своей вечно старой декларацией. И на этот раз, как и в своих более ранних воззваниях, он снисходительно заявил, что его избрали имамом „умственно зрелые“ массы, но, что, если с'езд хочет, пусть называет его „пастухом“, „другом“ или какимнибудь другим именем. Для успокоения совести с'езд провозгласил Нажмуддина муфтием и тем дело ограничилось. Неистовый же Узун Хаджи, рассердившись на Нажмуддина и за его „мягкотелость“ и боязнь расправиться с социалистами и быть твердым в своем имамстве, увел войска и сам покинул город, а Нажмуддин остался со своей личной стражей.

К этому времени как раз подоспела и „социалистическая“ контр-демонстрация против имама. Социалистическая группа, за дни пребывания Нажмуддина проявив лихорадочную деятельность, во-первых частью разложила настроение нажмуддиновских войск, во-вторых вызвала в Шуру из аулов Т-Х-Шуринского округа тоже силы, подобные имамским, в несколько тысяч человек, но уже с красными знаменами и революционными гимнами под оркестр реального училища. В пику Нажмуддину, это „войско“ провозгласило муфтием взамен Нажмуддина шейха из села Акуша Даргинского Округа Али Хаджи Акушинского. Надо было сбить Нажмуддина с его п'едестала и противопоставить ему другую личность. Ход удался и на провозглашение Али Хаджи явились даже те, кто „голосовал“ до того за Нажмуддина.

Отсюда начинается взаимная неприязнь Али Хаджи и Нажмуддина, которая в разные моменты развития революции приносила неоценимые услуги делу революционного движения не в одном только Дагестанском масштабе. После социалистической демонстрации и избрания Али Хаджи престиж Нажмуддина, еще находившегося в Шуре, настолько пал, что брат Махача - Джабраил Дахадаев - начал даже арестовывать людей из конвоя „имама“ и никто помешать ему не мог. В конце концов город очистился, неделя всеобщего волнения прошла и Исполнительный Комитет в новом составе вступил в свои обязанности. А, в знак покорности власти вслед за уходом имамских войск, социалистическая группа ради формальности должна была передать „свои силы“—сотню Красной Гвардии—под командование начальника вооруженными силами Дагестана, каковая передача состоялась на заводе Дахадаева.

Заключительным аккордом всей этой истории явились первые жертвы революции в Дагестане—в сел. Дженгутай. Видя свою заброшенность, Нажмуддин выехал из Шуры в Н. Дженгутай к своим родственникам, но и там под влиянием социалистической пропаганды часть жителей потребовала удаления его из аула.

Страстность полемики довела до оружия и в результате оказалось 4 раненых, из коих двое скончалось. Нажмуддин вынужден был уже уехать и оттуда, а затем через Шуру двинуться в свой Гоцо. Всем было ясно, что только „чудом“ удалось предотвратить столкновение вооруженного кулака шарблока-имама и социалистической группы, и что Исполнительный Комитет являлся только арбитром, к тому же и не беспристрастным, которого обе стороны признавали только пока и то номинально, поскольку еще не совсем отказались от старых иллюзий и идей арбитража. Шуринская же буржуазия, переведя дух, подсчитала свои кошельки, которые изрядно пострадали на кормежке шариятских войск. Одно еврейское население собрало 3.000 руб. и поднесло их Нажмуддину „для войска“. Штабом же по снабжению „национальной армии имама“ ведал шталмейстер двора „Его Императорского Величества“ Асельдер-бек Казаналипов с блестящей плеядой дагестанских беков.

Мы забыли упомянуть еще об одном интересном факте. Веками выработанный народами, живущими родовыми общинами, без сильной государственной власти с принудительными функциями, обычай маслаата, примирение двух враждующих родов путем общественного посредничества, вздумали и во время прихода Нажмуддина перенести на почву социальных противоречий великой революции.

К социалистической группе пришла целая делегация от „общества“, чтобы на обед, устроенный Хизри Гаджиевым по случаю „с'езда“, где будут Нажмуддин и Узун Хаджи, пришли бы и социалисты. Учитывая „местные условия“ и заранее зная всю бесполезность этой затеи, пришлось „уважить“ просьбу и пойти, но остаться твердыми и кончить канитель. Пошли Махач, Коркмасов, Хияроев и я. И так как это было на второй день прихода имама, пошли в сопровождении охраны, но по дороге встретила нас охрана от имама, которая тоже должна была сопровождать до „гостеприимного“ дома—места встречи врагов. Плов был знатный, но настроение обеих сторон он не изменил и мы расстались каждый при своем и с имамом и с его помощником.

После всех этих событий, Нажмуддин выпустил свое знаменитое обращение—исповедь, из которой мы приводим некоторые выдержки, заимствуя их из материалов Дебиров. В них, как увидит читатель, Нажмуддин „исповедуется“ и подробно останавливается на своих „разногласиях“ с социалистами в понимании свободы и революции.

„Когда на политическом горизонте,—пишет Нажмуддин, вошло солнце свободы, люди в понятиях о свободе разделились. Одни из них захотели свободу, согласованную с шариатом (шариат и хурият). Эта свобода—освобождает последователей пророка Магомета от тираннической власти, препятствовавшей им соблюдать большинство шариатских постановлений, но она не освобождает (шариат и хурият) божьих рабов от выполнения возложенных на них божьим законом обязанностей. Нет такого человека, кто бы мог освободить народ от божьих требований и сделать его независимым от бога. Люди всегда останутся действительными божьими ра-

бами. Бог на страшном суде их воскресит и потребует отчета от них в их деяниях. Это партия, партия шариатской свободы (?!) все измеряет с точки зрения корана: будь это лица, стоящие у власти (хакимы), будь это преступники, в никахских ли делах (брачных), в имущественных ли делах,—при суждении об их деяниях она руководствуется божьими повелениями, указанными в коране. Бог в своей книге (коране) говорит: „всякий, кто не судит ниспосланным богом кораном, тот отверженный от меня. Еще он сказал: тот, кто не судит ниспосланным богом кораном—порочны“.

Давно-ли беки, входящие в шарблок и слышать не хотели о шариате, требуя разрешения всех своих дел по бекским адатам, в которых они трактовались, как привилегированное сословие. Повидимому тогда (при царизме) они не боялись быть „отверженными“ от бога, быть порочными и насильниками по шариату по скольку их ограждал бекский адат. Теперь, с пеной у рта, они захлебывались, требуя шариата, во всех его видах, ибо от народного гнева защиту они могли найти пока только в шариате.

„Но есть еще другая партия среди народа,—продолжает Нажмуддин,—эта партия свободу понимает, как социалистическую свободу. Эта последняя свобода, освобождая народ от тирании царской власти, освобождает также и от божьей власти и его требований. При таких обстоятельствах каждый умный человек поразмыслит кто является отступником от шариата—алимы или социалисты.“

Прекрасный анализ для такого человека, как Нажмуддин, отдающего социальную революцию—„социалистическую свободу“—от буржуазной, революции, консервирующей все экономические отношения и „священные“ права частной собственности.

„Кроме того,—говорит Нажмуддин,—я слышу, что эти люди (сторонники социалистической свободы), говорят о моих землях и кутанах. Верно, у меня есть земли, перешедшие ко мне от отца, согласно шариата. Мой отец не взял ни у кого силой эти земли: он купил их у мусульман, имевших на руках законные документы. Если есть человек, желающий у меня оспаривать земли, пусть придет, согласно шариата, с нужными документами и я ему их отдам. Еще я слушаю, будто эти люди говорят, что я сторонник князей из-за своих земель.

Как они могут так говорить, когда эти земельные вопросы подлежат разбору по шариату, как и другие дела

Если найдется кто из князей, владеющий землями противно шариата, то я первый обнажу свой меч на него; я противник таких людей, будь они из князей или узденей, которые идут против шариата. В земельные дела я не хочу вмешиваться, эти дела я передаю на рассмотрение с'езда алимов, куда приглашаем еще алимов из Бухары, Казани, Крыма, Турции и все мусульмане должны подчиниться постановлениям этого с'езда. Не подчиняющийся, является сошедшим с истинного пути и насильником, навлекающим на себя божий гнев и наказание. Я прошу Исполнительный Комитет созвать в скорейшем будущем этот с'езд алимов.**

Малое дело! Созвать с'езд с участием шариатистом чуть не всего Востока. Помещики могли быть спокойны, если разрешение земельного вопроса отсрочивалось до этого с'езда и у революции не нашлось бы других аргументов за отобрание помещичьих земель, кроме шариатских. К счастью, законы революции оказались сильнее шариатских документов Гоцинского и безземельные получили земли.

* Отрывки из воззваний Гоцинского получены нами от т. Дебирова.

ВЕСНА 1918 ГОДА.

К февралю - марту 1918 года раскаты октябрьского грома долетели с севера и до Дагестана. Баку фактически был в руках большевиков, Астрахань была советизирована и Терская область провозгласила Народную Власть с фактическим подчинением Москве. Дагестан оказался в советском окружении и как раз к этому моменту относится разгар националистической нетерпимости ко всему социалистическому. Националисты усиленно агитировали и отчасти в этой преуспевали, провоцируя социалистическую группу на том, что она зовет в Дагестан большевиков, которые вот, вот могут придти и перевернуть Дагестан вверх дном. Не надеясь на свои силы, националисты, узнав из газет, что по Брест-Литовскому миру Кавказ чуть-ли не передается туркам и немцам, решили сделать глубокую разведку в сторону Закавказья, в поисках союзника, и с этой целью отправили делегатов в лице Гайдара Бамматова, Темирханова и Дебирова. Одновременно почти с аналогичной целью выехал в Закавказье от социалистической группы Махач, но только в поисках уже противоположной силы. За этот же период, боясь, что с началом навигации российские большевики, опираясь на местных петровских большевиков, могут занять и самый Порт-Петровск, Национальный Комитет и шарблук постепенно начали готовиться к „завоеванию“ Петровска. А его приходилось завоевывать, т. к. там рядом с Исполкомом организовывался Военно-Революционный Комитет, а в его распоряжении находился им же сформированный интернациональный полк Красной Гвардии. Ревком был фактическим хозяином города. Он захватил в свои

руки типографию, газету, накладывал контрибуцию на буржуазию для удовлетворения текущих своих расходов и т. д..

Петровская буржуазия вопила и через свою мусульманскую часть просила областную власть в Шуре принять, наконец, меры к „обузданию“ большевиков. Мобилизованы были все силы шарблока для создания соответствующего активного анти-петровского настроения и, наконец, Национальный Комитет и Джамиатул Исламие постановили требовать от областного Исполкома ликвидации происходящих в Петровске „безобразий“.

На одном из объединенных заседаний Исполнительного Комитета Национальный Комитет провел свое решение против одного голоса (представителя социалистической группы), несмотря на предупреждения, что попытки к ликвидации Военно-Революционного Комитета в Петровске фактически означают объявление войны Советской Власти, которая уже с трех сторон охватывала Дагестан.

И Командир Дагестанского конного полка, полковник Гольдгар, получил приказ следующего характера (цитирую по памяти):

Заслушав доклад Областного Комиссара и председателя Продовольственного Комитета (о заправиле всего дела Национальном Комитете - ни слова), Дагестанский Исполнительный Комитет постановил перевести 2-й Дагестанский Конный полк в гор. Петровск. Командиру 2-го полка предлагается стать в городе Петровске штаб-квартирой и быть начальником гарнизона. Затем шло обращение непосредственно к командиру. „Вам известно, говорилось в приказе, что в городе Петровске возникла самочинная организация (Военно-Революционный Комитет Красной Гвардии и Интернациональный полк), которые, не слушаясь областной администрации, производят самочинные действия и пр. Поэтому предлагается Вам ликвидировать самоуправство означенных организаций и восстановить парализованную деятельность Областной администрации. Вместе с тем выезжают в Петровск представитель Обл. Испол. Комитета и Обл. Комиссар, которые попытаются в течении суток мирным путем ликвидировать вопрос. Если же это не удастся Вам—предоставляется свобода действий и т.д.

Переговоры, конечно, почти не состоялись, т. к. по прибытии в Петровск полка и национальной милиции, отправленной вопре-

ки протестов Исполнительного Комитета, Военно-Революционный Комитет счел за лучшее сесть на пароходы и отплыть частью в Баку, частью на Астрахань. Город оказался в руках „законных“ властей и подвергся пожару и грабежам, так что населению, включая сюда и буржуазию, времена Военно-Революционного Комитета казались уже временами блаженного периода. Не обошлось, однако, при первом „захвате“ Петровска без жертв. В перестрелке с интернациональным полком было убито 4 человека из национальной милиции и полка. Но все таки Милли Комитет стал „твердою“ ногой у моря и принял боевую позу, посмеиваясь над беспомощностью социалистической группы и храбростью петровских большевиков. Однако, через несколько же дней показались эшалоны из Баку на защиту Военно-Революционного Комитета и шарблок, забив тревогу, вызвал из гор Нажмуддина со своим „войском“. Тот как будто этого и ждал и потому не заставил себя упрашивать. На этот раз приход Гоцинского с гор в Шуру совпал как раз с бегством от большевиков из Владикавказа и прибытием в Шуру, через Чечню, штаба туземного корпуса, во главе с командиром принцем Каджар и нач. Штаба полковником Федоровым, бывшим впоследствии представителем Деникина в Закаспии. Так как весь этот корпусной генералитет не знал, что с собой делать, а борьбу с большевиками считал „священной обязанностью“, их услуги были приняты с радостью. К этому времени из Баку за подписями миллионеров Тагиева, Нагиева и Асадулаева поступило несколько телеграмм одна за другой с мольбой о помощи „братьям мусульманам“. Вот когда понадобилась реализация „бескорыстного“ союзного договора Азербайджана с Дагестаном! „Армяне режут мусульман“... К армянам присоединились большевики... Спасать „братьев мусульман“, — вот лозунги, выброшенные шарблоком в массы. Все пришло в движение. Шура кипела от негодования и к армянам, а больше к „проклятым большевикам“. Как раз в это время, в самое нужное, социалистическая группа оказалась расстроенной, Коркмасов выехал в Терскую область на выручку дагестанской баранты, застрявшей в Кизлярском округе, Махач в

Закавказье, Хизроев больной в постели, а я, как бледная тень, бессильный воспринимал предметные уроки того, насколько бессильны лица в исторических событиях. Был Областной Исполнительный Комитет, который не хотел войны, была интеллигенция, которая боялась войны. Но в то время, как органы власти для борьбы не делали ни шагу, „кто-то“, перед самым их носом „оборудовал“ и настроение, и войну, и движение. Имамское наступление на Баку при участии „генерального штаба“ полковников и генералов, кончилось позорным бегством мешочников, мечтавших о бакинских магазинах и отступлением на заранее заготовленные позиции. Но тут и начинается главная деятельность имама по защите уже самого Дагестана. Никаких других властей, кроме имамской в это время в Дагестане уже не было.

Всюду на улицах городов об'явления: „Я имам Северного Кавказа и Дагестана Нажмуддин Гоцинский, призываю к спокойствию и зову под тень „моего зонта“—всех, кто жаждет мира и покоя“. Исполкома уже не было и совсем видно. Вся власть имаму! Вот лозунг дня. Водворяя порядок в Петровске, Гоцинский ввел публичные телесные наказания и на площадях бил по „мягким местам“ воришек или, как говорили в Петровске, „бил по шарияту“. Но ни что не помогало, так как мешочников, спустившихся „на отхожий промысел“, было слишком много, и уследить было невозможно. Да и кому надо было следить: каждый считал себя калифом на час и старался не быть „в дураках“, тем более, когда в город уже стучались бакинские красногвардейцы, а вместе с ними и новые события. Таким образом, управление имама в Петровске длилось не более не менее, как около трех недель, когда в один прекрасный, но не для Нажмуддина, день его выбили соединенные силы бакинцев и астраханцев. Открытие навигации оказалось губительным для Нажмуддина. Петровск сделался с тех пор узловым пунктом всех событий. Дело в том, что после мартовских событий в Баку власть окончательно перешла к большевикам, которые принимали все меры к налаживанию нормальной жизни. Одной из мер являлось снабжение Баку продовольствием

и в частности хлебом. С этой целью Бакинский Революционный Комитет через свои закупочные комиссии на Северном Кавказе организовывал снабжение хлебом Красной Гвардии и населения. Петровск же оказался пунктом, который нельзя было миновать хлебным маршрутам Бакинского Революционного Комитета, — шли ли они по жел. дор. или морем, через Брянскую или Старо—Ново—Теречные пристани Кизлярского Отдела. Потому обладание Петровском стало делом уже не каприза и простой „чести“, а необходимости и желудка не только для Баку и Астрахани, но и всей Советской России. Ведь Петровск — это путь и для Бакинской нефти, идущей в центр. Все эти обстоятельства, переплетаясь, стягивали советский узел вокруг Петровска и примерно в двадцатых числах апреля имам из Петровска, под снарядами дальнобойных морских орудий, улепетнул в Т-Х-Шуру, через аулы, лежащие около Петровска, которые настолько осмелели, что пустили в догонку имамам и свою долю пуль.

Это уже было второе по счету бегство „великого имама“ от большевиков. Первое из под Баку, второе из под Петровска. Но для него оправдание нашлось: было мало войск. И начались новые сборы. Был заключен „союз“ с полковником Алихановым и тот приехал на подмогу имаму со своим отрядом. Отовсюду к Шуре стекались силы для отражения большевиков. Один Узун Хаджи только мотался где то в Чечне и „по дороге“ сжег с чеченцами до тла прекрасный, цветущий городок Хасав-Юрт, чтобы только он, как город, не служил рассадником большевизма и культуры, которые приносят только вред чистоте Ислама. Он прикрывал тыл имама с Северного Кавказа, со стороны Чечни. Главные силы Нажмуддина концентрировались у Кум-Торкале и доходили до 10.000 человек. Но что эти были за силы! Большинство это были те же „отхожники“, искавшие легкого заработка, охочие до ловли рыбы в мутной воде. Они то и погубили дело Нажмуддина под Баку, они же портили и дальше. Набивши свои хурджины трофейным хламом, они начинали спешно эвакуироваться из линии огня, а боевые части, думая, что это отступление, поддаваясь паническому страху, следовали за ними.

В то время как Нажмуддин со своим главнокомандующим генералом Халиловым отсиживался в Кум-Торкале, готовясь к наступлению и пожирая крестьянское добро, в Т-Х-Шуре заседал по счету уже IV Общедагестанский С'езд, который не знал чем ему заняться в такой суматохе. Однако чувствуя, что дело может кончиться плохо и зная боеспособность нажмуддиновской армии, с'езд нашел в себе разум, чуть—ли ни по предложению сдрейфившего напоследок буржуазного своего сектора, принять предложение о посылке делегации в Петровск к большевикам с целью узнать, кто они такие и что они хотят от Дагестана. А там видно, мол, будет, что делать—лишь бы дали опомниться и подумать.

Постановить, постановили, а делегатов, пожелавших поехать в „пасть“ к большевикам—нет как нет. Никто не соглашается. Наконец, создали коалиционную делегацию в составе от Национального Комитета, социалистической группы, петровских и шуринских организаций. Попали в делегации: Гоголев, я, Магомет Мирза Мавраев, Козлов из петровских делегатов с'езда и еще несколько человек. Поехали. Доехали до Кум-Торкале. Имам соизволил пожелать дать нам аудиенцию. С Мавраевым идем к имаму, сообщаем положение дела: растерянность и неорганизованность „тыла“, нежелание Областного С'езда войны с большевиками и необходимость переговоров. Ответ Нажмуддина был короток: скажи ему, т. е. мне, передал он через говорившего по аварски Мавраева, что если Областной С'езд не хочет воевать—пусть отзывает свои войска. Я со своими пойду и возьму Петровск, а потом и Шуру, а Вам нечего делать в Петровске. Аудиенция кончилась и имама мы оставили сидящим на корточках и поглаживающим свое брюхо после сытного плова. Тут же мне рассказывали факт, рисующий Нажмуддина, как вечного позера, действующего на горское воображение фразой. Оказывается, за день до нашего приезда в Кум-Торкале в аул прибыла делегация из Петровска от Туркестанского полка, возвращающегося с фронта и желающего пройти через Чечню на Северный Кавказ и дальше в Россию, с просьбой к имаму не чинить препятствий к проходу. Делегация во главе с полковником

состояла из офицеров и солдат. Офицер Дагестанского полка, состоящий при Имаме, докладывая о делегаций, „взял смирно“ и под козырек имаму. Делегация, видя это и еще не успев забыть субординации, оказалась вынужденной тоже взять под козырек перед имамом. Опоздавший, споткнувшийся о порог, солдатик, позже всех вошедший в комнату с ругательством, увидя такую картину тоже принужден был вытянуться.

Имам при всей своей „свите“ говорит переводчику: скажи этому полковнику, что он осел, что если он офицер русской армии, он не должен был терпеть большевиков и пр. В общем вся речь сводилась к обидным ругательствам по адресу несчастного полковника.

Расчеты имама сводились к тому, что ругательства, конечно, не будут переведены на русский язык, а слава о том, как имам пробирал русского полковника „свита“ разнесет по всему Дагестану.

Кум-Торкале кишмя кишело эполетами. Вероятно аул ни до того, ни после не видел столько офицеров в своих кривых перелучках и мазанных саклях.

После грозных заявлений имама, мы полюбопытствовали узнать мнение штаба относительно нашей поездки в Петровск. В одном из домов во дворе мы застали непринужденное общество офицеров Дагестанского конного полка, человек двадцать. Узнав кто мы и за чем, они прямо заявили, что самое лучшее нам возвратиться обратно. Настроение „армии“ таково, что если ее задерживать, она может повернуться и разгромить Шуру, а потом всетаки пойти и на Петровск. Что и думать нельзя о мире, когда большевиков можно выгнать одной, двумя сотнями. Во всяком случае, заявили они, штаб не ручается за вашу безопасность, если вы вздумаете перейти фронт. Таково, мол, настроение армии. Обсудив меж собой положение, делегация решила, что при такой обстановке, когда наше слово, данное от имени Областного Съезда большевикам, в случае начатия переговоров, будет все равно нарушено имамом, нет никакого смысла, подвергаясь опасности,

ехать на неопределенность в Петровск. Постановили вернуться. По дороге, на обратном пути, Гоголев, шутя, предсказывал, что еще не раз мирная делегация будет проезжать по Петровскому шоссе к порту. Его пророчества сбылись.

Кажется, через два дня после нашей поездки пошли в наступление из Кум-Торкале. Вошли в Петровск, почти заняли, но опять „мешочники“ подвели и с громадными потерями отступили. Было убитых несколько сот человек. Отступление было поразительное: каждый отступающий ушел к себе домой так, что армия растаяла, как будто ее и не бывало. Также точно канул и сам имам со всей своей блестящей свитой. Князья и беки плоскости, которые задолго до того обновляли связи со своими горскими кунаками, также эвакуировались вслед за бежавшей армией в горы, кто куда мог.

Офицерство, как более организованная единица, также выехало в горы в Хунзах под покровительство полковника Алиханова. Вообще дороги и тропинки от Шуры к горам оказались усеянными беженцами. Одни по недоразумению, другие зная свою вину, двигались они, уходя от большевиков, перед которыми путь в Дагестан был уже свободен. В Петровск пошла еще одна делегация и в итоге в Шуре появились „настоящие“ большевики—Астраханский отряд тов. Ляхова. И что же! Большевики вовсе не оказались людоедами, а, наоборот, очень мирной татарской молодежью еще в фесках. Вот чудо! Население мечтало о красных фесках с Востока из Турции, а с Севера большевики подарили тоже „мусульманские“, но синие фески и ни одного армянина. Ведь пугали, что, на подобие Баку, переодетые большевиками армяне будут резать мусульман. А тут и сами большевики—мусульмане, да еще в родных фесках. Чудеса! Хабары быстрые, как ветер, разнесли весть по горным аулам, что большевики—это мусульмане в фесках, не грабят, не убивают, женщин не трогают и мусульмане в Шуре живут себе спокойно.

Население вздохнуло свободно, можно было ехать в город. И пошло обратное движение уже с гор к Шуре. То возвращались

Шуринские „беженцы“. А в Шуре организовался Военно-Революционный Комитет под председательством Кормасова, за которым поехали на Терек. К этому времени он и сам уже возвращался с вырученной дагестанской барантой. Махач также вернулся из Закавказья и приступил, как всегда, к организации военных сил, на случай возможных выступлений контрреволюции.

ОКТЯБРИНЫ ДАГЕСТАНА.

Периоду с мая по сентябрь 1918 года,—периоду в сущности чрезвычайно короткому,—должна быть посвящена целая книга, ибо тут впервые дыхание революции коснулось народных масс. Многие и многие в эти месяцы поняли, что не грех обнажить кинжал и направить винтовку на неприятельский фронт, состоящий из тех же своих сельчан, „братьев мусульман“, и дагестанцев.

Это было первое революционное крещение простых крестьян—хлеборобов, так привыкших к старым традициям,—обычаям почитания богатых, имущих и родовитых. Рушилось господство рода, когда представитель слабого должен был стушевываться перед сильным, многородным. Рядом была какая-то новая сила—большевицкая, на которую, в случае нужды, можно опереться. Значит можно говорить смело, надеясь не только на учтенное количество кинжалов, родных, двоюродных и даже троюродных братьев, племянников по отцу и т. д. и т. д.

Впервые крестьяне, которых века воспитывали в самодисциплине, вдруг нашли не менее законное основание к удовлетворению своей бедности, чем дедовский адат и царский закон. Из Москвы, Петрограда Центральная власть, что „вместо царя“, не только разрешила, но рекомендовала взять помещичьи земли, взять казенные земли в крестьянскую собственность, распахать и удовлетворять свои нужды. Значит это по закону. Пусть по революционному закону, который не нравится тем, у кого отнимаются земли. Это означает только то, что революция имеет свои законы, но только лучшие, чем царские. Законы в интересах бедно-

ты. „Мы за лучшие законы, а не беззаконье. Мы за порядок, мы за степенство, но за порядок установленный новым законом, сменившим старый. Если новый порядок революционный, то пусть—мы за революционный, пусть за большевицкий, но законный“. Вот примерное суждение крестьянина. Так одни законные понятия, укоренившиеся веками, сменялись другими понятиями. Ох, как не любят горцы беззаконие и беспорядок! Все должно быть, как по писанному, иначе на сцену выступит воля каждого, воля длинного кинжала.

Брешь первая пробита. Принцип смены, принцип динамики в зачаточном состоянии медленно, болезненно, но усваивался массами, расправлявшими свои усталые под тяжестью векового угнетения плечи. Наконец и шариат оказался за большевиков: по „социалистическому“ шариату земля принадлежит тому, кто ее оживает, а оживает ее крестьянин, следовательно если борьба за землю означает борьбу за большевизм, значит она же и борьба за шариат—за настоящий, не в угоду бекам, толкуемый кадиями. Так реагировала масса. А актив? Актив уже старается выйти из сферы установленных рамок, ему хочется борьбы и права самому устанавливать „революционный“ порядок. Шариат! Что такое шариат—глупости! Бей буржуя и баста! Качали старики головами, усмехались в ус и не знали хорошо это или нет, и хорошо как будто, и грешно. А что лучше—трудно сказать. Важно было найти внутреннее оправдание, законное оправдание, чтоб смело можно было говорить и с кадиями, а может быть и с помещиками, если они вернутся. Что боролись и захватили землю—это не значит, что стали большевиками. Нет они не большевики! Но что же делать, когда большевики—представители власти, которая имеет право дать землю им? Так искали оправдание для себя аульские общества, ибо жить без устоев не могли, а устои менять через день тоже не могли. Из-за жажды законных оснований масса „незаконные“ порядки возводила в законы. Социалистическая группа помогала ей, старалась, чтобы муки „рождения“ новой идеологии не были чересчур болезненны.

Думалось, что время—лучший врач в выработке новой идеологии. Дуги гнутся с терпением, а не вдруг. Так приобщалась масса к „большевизму“, большевизировалась, выделяла из своей среды „бессовестных“ активистов, бросавших совсем и шариат и старые понятия, променявши их на совсем новые, противные шариату. Много работы было и над собой, и над другими. Родить человека пустяки, переродить трудно. Простые люди легче выносили эту операцию, а другие мягкотелые—интеллигенты—не выдерживали.

Натянуты были все струны у всех. Чувствовалось сознание ответственности и у актива, и у самих масс. Поражение уже било по самым больным местам: одних по желудку, других по голове. Махач отдался военному делу. Он устанавливал связи, вел военную пропаганду, организовывал национальные части. Важно было создание Красной Гвардии из самих дагестанцев, и чуть-ли не в три недели готов был шестисотенный конный полк, сбитый Махачем в удар. Отряды Ляхова, Авербуха и др. были только оружием, которым разят. Мозгом всей операции был Махач. Да это и понятно. Люди прибывшие еще вчера не могли и ориентироваться в дагестанских условиях, а Махач проявлял недюжинные и чисто военные способности. Не случайно полковник Бичерахов говорил в свое время, что он „удивлялся военным способностям инженера Дахадаева при защите им Петровска“.

Меры, принятые молодой властью, оказались кстати. Не прошло и месяца после занятия Шуры, как открылся фронт, созданный Гоцинским. Со стороны Караная, Черкея, Х-Юрта и др. мест началось наступление. „Где честь Дагестана! Перед молокососами, мальчишками из Казани бежали дагестанцы и теперь стали их „украшами“. Надо надеть женские шальвары и смотреть, как мальчишки начнут издеваться над всем святым дагестанского народа. Неужели это могут вынести „мааруль“—храбрые горцы, которые сами изстари являлись победителями и получателями дани. Где времена Шамиля и Хаджи-Мурата? Лучше бы не жить, чем видеть этот позор, достойный женщины. Не достает только, чтобы большевики пришли к нам в аул и на наших гла-

зах изнасиловали наших жен и взяли их шальвары для показа. А мусульманство! Где оно? Его попирают большевицкие сапоги". Разве трудно разжечь такой народ, как горцы Дагестана? Фронт был готов ради одного „намуса“.

Махач работал удивительно. Достаточно было ему на клочке написать в какой либо аул: нужно столько-то пеших и конных и люди были на местах. Короткое напутственное слово на площади в час или два ночи—и марш на операцию, на линию огня. Население, которому пришлось испытать на своих плечах тяжести боев, должно было удивляться выдержанности этих прославленных „грабителей-большевиков“, которые ничего не грабили, и поражаться братьям мусульманам-горцам Гоцинского и Узуна, которые гнали с собой скотину и баранту мирных аулов за то только, что те „пустили большевиков“.

Имамисты навели террор на аулы, об'явив, что будут убивать людей, жечь дома и угонять скот тех, кто с оружием в руках не встретит большевиков. Этим, отчасти, они перебросили некоторые аулы в сторону большевиков и заставили их драться еще отчаяннее против себя.

За время военных действий они угнали несколько десятков тысяч баранов, несколько тысяч крупного скота, лошадей и проч. Они лишили плоскостный скот пастбищных гор, что было немалым экономическим нажимом на барановодов плоскости. Но пока противником был только Нажмуддин, справляться с затруднениями не было трудно.

При общих затруднениях на фронте не легко оказалось справиться со своими войсковыми частями и в тылу. Насколько выдержаны были туземные части. настолько мало дисциплинированы оказались красногвардийские части, которые пришли впоследствии в Шуру на подмогу после открытия фронта против Нажмуддина. Один факт, для характеристики трудностей. В июне месяце, узнав, что Джафаров и Гоцинский подступили к Караная, Махач ушел в наступление еще ночью, с расчетом на рассвете выбить противника. В томительном ожидании мы выжидали результатов.

Вдруг часа в 4—5 утра просыпаемся от учащенной ружейной пальбы, выглядываем на улицу—свист пуль. Сердце замерло. Думаем, что наших обошли, неприятель входит в город. Что же оказалось на самом деле: красногвардейская часть, долженствующая выступать утром на фронт, отказалась идти без того, чтобы им раздали фруктовые консервы. Она окружила консервный завод и начала нагружаться персиками и абрикосами. Для водворения порядка вызвали другую часть и между ними завязалась перестрелка. В таких условиях работать было чрезвычайно трудно. С таким противником, как Нажмуддин, можно было преодолевать эти затруднения, но когда показался на горизонте Бичерахов со своими казаками, а в горы прибыли турецкие части—дело стало хуже.

С появлением Бичерахова со стороны Баку—прервались последние связи с советской Россией. Молодая советская власть Дагестана оказалась отрезанной от своих баз Баку и Астрахани и окруженной со всех четырех сторон такими врагами как: Турки, Гоцинский, Тарковский и Бичерахов. А советский Баку—ближайший мощный союзник—в это время сам пылал в неприятельском кольце*.

* См. Приложение. Приказ по Кавказской Армии.

„НАШИ ЗА ГРАНИЦЕЙ“!

Мы уже говорили, что в марте 1918 года на глубокую разведку в Закавказье, а может быть и дальше, в Турцию, выехала делегация Дагестанского Национального Комитета в поисках внешней силы, которая могла бы поддержать шариатский блок в его политике в Дагестане. Прибыв в Тифлис, делегация застала закавказские народы в „растрепанных чувствах“. Народы Закавказья волеизъявлением своих „представителей“ точно также, как и народы Северного Кавказа и Юго-Востока, чтобы отгородиться от октября, заключили между собой союз,—нечто в роде Юго-Восточного Союза,—и учредили так называемый Закавказский Сейм, который должен был служить гарантией порядка и демократизма в Закавказьи. Но на горизонте показались турки с требованием Батумской и Карской областей, а грузины и армяне оказались не склонными делать такие уступки, т. к. эти области мыслились уже поделенными между Грузией и Арменией. Ссылаясь на союз, они требовали от азербайджанцев участия в борьбе против Турции для защиты внешних границ, но у Азербайджана была своя особая политика, как у всякого „приличного“ буржуазного государства, с его тайной дипломатией и прочими атрибутами. Турки для мусоватского Азербайджана, не претендующего ни на Карс, ни на Батум были желанными гостями, поскольку они могли служить партии Мусават еще и для защиты от большевиков, более реально, чем закавказские „братья“ армяне и грузины. Поэтому азербайджанские воротилы решили совсем уйти из Закавказского об'единения и искать мира и дружбы у турецких пашей. В борь-

бе за Батум и Карс до окончательных военных действий скорее для формы была созвана турками так называемая трапезундская конференция с участием представителей Грузии, Армении, Азербайджана и в качестве „кунаков“ даже горской делегации, которая участвовала на конференции по просьбе братского Азербайджана.

Конференция, конечно, ни к чему не привела, и турки силой заняли Батум и Карс. После занятия Батума, уже в турецком Батуме созвали новую конференцию турок с Южно-Кавказскими правительствами. На ней все Закавказские правительства были признаны государствами самостоятельными и таким образом уже официально распался Закавказский Союз. На этой же конференции, примерно в середине мая месяца 1918 года, была „признана“ Республика Союза Горцев Кавказа в составе Дагестана и горских народов Северного Кавказа, которая о своем „рождении“ выпустила следующую декларацию о независимости, переданную, между прочим через германского посла в Москве графа Мирбаха, и нашему Комиссариату по Иностранным Дела.

„Нижеподписавшиеся полномочные делегаты правительства союза горцев Кавказа имеют честь довести до сведения всех правительств нижеследующее:

Народы Кавказа закономерно избрали национальное собрание, которое, собравшись в мае и сентябре 1917 года, заявило об образовании Союза Горцев Кавказа и вручило исполнительную власть настоящему правительству, в составе которого имеются и подписавшиеся. В виду царящей в России анархии и пользуясь признанным самим петроградским правительством правом за всеми народами бывшей империи царей свободно создавать свою политическую будущность, правительство Союза Горцев решило принять следующую резолюцию:

1. Союз Горцев Кавказа решает отделиться от России и образовать независимое государство.

2. Территория нового государства будет иметь своими границами на севере те же самые географические границы, какие имели области и провинции Дагестана, Терека, Ставрополя, Кубани и Черного моря в бывшей русской империи, с

запада—Черное море, с востока—Каспийское море, на юге—границу, подробности которой будут определены по соглашению с Закавказским правительством.

3. Полномочным делегатам, подписавшимся здесь, поручено довести до сведения всех правительств это решение и прокламировать этим заявлением образование независимого государства Союза горцев Кавказа, а посему нижеподписавшиеся заявляют, что от сегодняшнего дня независимое государство Кавказского Союза рассматривает себя закономерно установленным.

Подписи: Абдул Меджид Чермиев, Гайдар Бамматов“.

Начинается сложная политика горских представителей с турками и немцами по оказанию помощи и признания государств не только турками, но и немцами.

О работе наших за границей к нам попала интересная переписка председателя горской делегации при четверном союзе Гайдар Бека Бамматова и председателя горского правительства Тапа Чермиева. „Чтобы быть красивым—надо страдать“—говорят французы, а чтоб быть „независимым“ от трудящихся масс и пользоваться продуктами массового труда—тоже надо немного попотеть в передних у сильных сего мира. Иметь дело с немцами оказалось не так просто, как с турками. Эти подходили к вопросу реально, ничего не упускали из виду. Но горские делегаты, к их сожалению, ничего реального немцам дать не могли. Бамматов пишет: „немцы хорошо осведомлены о том, что происходит у нас. Все зависит от хода событий в России и в особенности у нас на дому. У них впечатление, что независимость—это наша искусственная работа, что большевики пользуются влиянием в народе, который нас не признает. Это ложное мнение является выводом из того бездеятельного состояния, в котором пребывают наши народы“.

Что может быть более ложного, чем утверждение о том, что в августе месяце 1918 года (письмо датировано августом) горские народы пребывают в „бездеятельном состоянии“. Это тогда, когда, обливаясь кровью, горцы Северного Кавказа в знаменитые „августовские дни“ защищали от бело-казаков красные Владикав-

каз и Грозный; это тогда, когда обессиленная офицерско-бекскими налетами с гор советская власть Дагестана вынуждена оказалась бороться с новым врагом, белым полковником Бичераховым за завоеванные земли и октябрь. „Бездеятельность“ может быть с точки зрения сидящих в Тифлисе и Константинополе сибаритов, представлявших революционный процесс, как дипломатическую игру у дверей дипломатического корпуса четверного союза.

Но как хорошо поняли их немцы! „Бернсдорф, германский посол в Константинополе,—пишет Бамматов Чермоеву,—мне вчера между прочим сказал, что мы хотим создать правительство заново, что даже наша столица в руках наших врагов, что мы сами не проявляем самостоятельности и желаем сделать свое политическое дело немецкими руками“.

Как великолепно сказано! Не „бездеятельное состояние масс“, друг Баммат, а отсутствие самостоятельности у самой верхушки горского правительства, происходящее от отсутствия базы и морального разложения, помешали Вам создать горскую республику. „Конечно, продолжает Баммат, я указал Бернсдорфу, что города наши не могут отражать народных настроений, что и г. Владикавказ кажется уже взят нами (?!). Но если это не совершилось, то мы это можем сделать в несколько дней(?!)—и если этому он придает политическое значение, я не премину просить мое правительство сделать распоряжение о занятии города“. Какое впечатление должна была произвести эта тирада горского Эренталя, как называл Баммата товарищ Хизроев, на умного немца?! Как будто города берутся „по просьбе“ или „если этому придается политическое значение“ и т. д.

Как же выслушал Бернсдорф это заявление? Баммат вынужден сознаться, что „Бернсдорф все это выслушал довольно рассеянно с явным недоверием на лице“. Немецкий граф не пожелал даже скрыть свои чувства из дипломатической вежливости и Баммат нервничает: „для нас овладение Владикавказом, пишет он, делается вопросом громадной политической важности. Наша политика, как это ни тяжело при нынешних условиях, должна выразить-

ся в некоторой самодеятельности. Надо немцам доказать, что наше население—с нами. Надо взять проклятый Владикавказ и „создать“ „народное движение“. Милый Баммат, как Вы не требовательны к „своему правительству“! От них требуется только „некоторая самодеятельность, как это ни тяжело,“ а целые народы, представляемые Вами, Вы без всяких оговорок обвиняли в „бездеятельном состоянии“. Еще маленькое замечание: можно ли создать „народное движение“? Правительство ли создает движение, или движение выдвигает правительство? „Друг Баммат“, у Вас было наоборот, и потому ничего не выходило. Не мог же народ в угоду кочующему правительству копать себе яму, передав только что полученные от революции земли обратно помещикам, которых Вы и представляли.

Немцы отказались признать Горскую Республику и реально подкрепить признание дачей вооруженной силы, ссылаясь на свои обязательства по Брестскому договору, которым запрещалось немцам поддерживать на Кавказе вновь возникающие правительства, фактически к моменту заключения Брестского договора не существовавшие. На самом же деле главной причиной, повидимому, было нежелание портить отношение с казачеством, с которым германское командование через Украину и генерала Краснова было связано. Была боязнь, что создание Горской Республики преломится в казачьих кругах, как шаг, направленный против казачества, а так как последнее представляло более реальную силу, чем горцы, которые к тому же вовсе не проявляли симпатии к своему правительству, Германия и не спешила согласием на выраженное Бамматом желание поехать по этому поводу в Берлин. Берндорф, по словам Баммата, сказал буквально следующее: „Если вы надеетесь переубедить мое правительство, что я лично бессилен сделать, поезжайте! Теперь все ездят в Берлин, почему бы не поехать и Вам?“

Но турки думали иначе. В их интересах, конечно, было создание на Кавказе таких мусульманских государств, как Азербайджан и Горская Республика, но немцы всячески мешали более энер-

гичным выступлениям турок в данном вопросе. Однако горской делегации удалось добиться более реального и официального вмешательства Турции и посылки в Дагестан инструкторских кадров. Вот что пишет Баммат по этому поводу: „С целью оживления нашей самостоятельности мы двинули вопрос назначения к нам Юсуф Изет-Паши и организации добровольческих отрядов из беглых черкесских солдат. Юсуф Изет-Паша выезжает на днях к нам — с ним кадр офицеров. Нижних чинов и унтер-офицеров, он получит в Батуме. Ему отпускают все технические принадлежности: радио, телеграф, телефон и средства. Оружие и патроны в достаточном количестве. Мы должны использовать дорогу Нуху-Ахты, получить по ней максимум того, что можно и поставить Германию перед совершившимся фактом восстания наших народов“.

В работе „наших за границей“ интересен еще один момент. Когда все меморандумы, как говорит сам Баммат, „с описанием нашей политической и практической жизни с Адама и до наших дней“ не помогли перед державами четверного союза, — делегация с правительством начали фальсифицировать события, происходящие на Кавказе. Так делегация получает от Чермоева сообщение, что „нашими войсками“ взяты станица Тарская и город Владикавказ и делегация с таким козырем выступает на дипломатическом рынке как купец с ворованным товаром, в то время как Владикавказ и Тарская твердо занимались советской властью, только что отбившей наступление бело-казаков в августе 1918 года. Правда, советская власть, переселив восставших казаков, передала земли Сунженской, Тарской и др. станиц ингушской бедноте, но это совсем не то, что прокламировал Баммат.

Финансовые операции Горского Правительства повидимому были не лучше военных. Вся финансовая политика его состояла в получении займов. Баммат пишет Чермоеву: „относительно займа, о котором я имел беседу с Талаат-Пашей я должен повторить, что этот вопрос турки ставят в зависимость от политического общего положения. На военные расходы Изет-Паша кое-что получил, Энвер обещал только телеграфировать Изет-Паше выдать нам

10.000 лир“. Зная барскую привычку Чермоева, Баммат предупреждает: „у меня на руках средств очень мало и пожалуйста, посылая ко мне курьеров, не давай им таких неопределенных визитных карточек, как ты сделал с Саутиевым: „дай сколько ему нужно“. (Совсем по Чермоевски! За чей счет только..) А сей тип заявляет, что он с апреля ничего не получали желает здесь эпикироваться с головы ног“.

В переписке министра иностранных дел с премьером встречаются дела и „семейного“ характера. „Здесь получают, пишет Баммат, доносы на тебя и на меня, рисующие нас, как случайных авантюристов. В общем, настроение было скверное“. Дальше он жалуется, что глава правительства или совсем не информирует о положении дел на местах, или, если информирует, то только турецкое правительство в лице Энвера или др. высоких лиц, а не свою делегацию. „Я писал тебе уже, говорит Баммат по этому поводу, о неуместности твоих сношений помимо делегации с Турецким Правительством. Что это? недоверие к нам!.. Или ты не понимаешь, что роняя таким образом наше значение тут, ты роняешь достоинство правительства и свое собственное достоинство. Согласись, что наша тяжелая задача может увенчаться успехом только тогда, когда внутренний мир и согласие будут царствовать между нами. Сюда прибывают пароходы, все получают сведения о положении на местах, ты можешь регулярно мне телеграфировать, ты ничего этого не делаешь, ведешь персональную политику и персональную переписку с турецким правительством—это едва ли достойно серьезного политического деятеля, искренно преданного общественным интересам. Я поставлен, к сожалению, в такое положение, что не могу немедленно выехать домой и просить правительство принять меры к правильной постановке этого дела, так как это правительство никак собраться не может. Тем, казалось бы, осторожнее и щепетильнее тебе надлежало быть“. Не тут то было. Чермоев—серьезный политический деятель?! Да ведь он и поступал так только потому, что он действительно был „случайный авантюрист“ и играл в политику точно также, как играл бы в рулетку.

Потому он и вел персональную переписку и политику. Но повидимому негодование Баммата было недостаточно серьезно, так как, заканчивая письмо, он не забывает сказать: „ты не сердись на меня, что я пишу тебе порою горькие фразы. Я хочу быть честным и прямолинейным с тобой. Я не думаю, чтобы ты мог сознательно делать некорректности. Если ты допускаешь в отношении нас неприемлемые вещи, то очевидно это бессознательный промах“. Персональная политика трактуется уже только как корректность и бессознательный промах главы целого государства.

Вот еще интересный штрих для характеристики „наших за границей“, или правительства Чермоева в целом. „Арсамаков расскажет тебе пишет Баммат Чермоеву, о его пребывании в Берлине. Германский посол запрашивал меня во время его пребывания в Берлине, кто он такой, ссылаясь на то, что у него, т.е. Арсамакова, есть письмо, подписанное тобою и удостоверяющее его связь с тобой. Это было для меня новой неожиданностью, т.к. ты категорически заявлял, что решительно никаких документов ты Арсамакову не выдавал. Арсамаков, повидимому, ничего отрицательного в в Берлине не сделал, хотя вел себя немного легкомысленно, называя себя главою революционеров на Северном Кавказе и князем. Появились его фотографии в журналах в фантастической форме с опереточным титулом „уздень-фюрст-Арсамаков-Газават“.

О невинность! „Ничего отрицательного не сделал!“ Человек с письмами главы целого правительства дискредитирует вся и все и это ничего! Бедные правители, которые не замечали опереточность своих титулов.

Наконец терпение начинает лопаться и у горской делегации, а главное у турок, которые решили поставить немцам ультиматум относительно кавказской политики. Баммат пишет Чермоеву: „Талаат-Паша на последнем свидании в день отъезда в Берлин подтвердили мне, что правительство желает образования на Северном Кавказе сильного и организованного правительства и что оно даст все необходимые для этого средства, людьми, оружием и деньгами, что он, будучи практиком, желает в настоящий момент добиться

от Германии не признания нашей самостоятельности, а свободы действий у нас. В результате чего явится неизбежное признание совершившегося факта—образование сильного самостоятельного государства. Великий визир заявил мне, что Султан обратил особое его внимание на благоприятное разрешение нашего вопроса (с некоторых пор мы принимали меры через близкие ко двору круги заинтересовать Султана нашим вопросом. Он проявляет большую активность, о нем сейчас очень много говорят)“.

Не с парадного, так с черного хода. Цель оправдывает все, в том числе и пошленькие средства, и в итоге, после пуска всех средств, мы имеем договор турецкого правительства с правительством Союза Горцев Кавказа о мире и дружбе, а также и о том, что империя обязуется дать в распоряжение горского правительства необходимое количество войска для установления внутреннего порядка и защиты внешних границ, а горское правительство обязуется предоставлять все выгоды экономического и политического свойства Оттоманской империи.

Отсюда берут свое начало и первые группы турецких отрядов в Дагестане, которые, вместе с офицерско-помещичьим блоком, и повели наступление на молодую советскую власть в Дагестане.

ГЕНЕРАЛ БИЧЕРАХОВ и ДИКТАТОР ТАРКОВСКИЙ.

Войсковой старшина, Лазарь Бичерахов,—офицер русской службы из осетино-казаков Моздокского отдела Терской области,—был со своим партизанским отрядом на персидском участке Турецкого фронта. По разложении фронта перешел на иждивение англичан, которыми был использован за большие деньги. Обманул советскую власть в Баку, предал ее, позорно бежал из Баку от турок и двинулся по направлению к Дербенту и Петровску. Советская власть в Дагестане, обессиленная наступлениями с гор полу-турок, полу-офицеров, в один прекрасный, но не для нее, день в конце лета 18 года, обернувшись в направлении к Баку, увидела вместо дружеского лица бакинского пролетариата - офицерскую физию в эполетах—Лазаря Бичерахова. Без всяких заявлений и предупреждений, он походным порядком, действуя с моря и с суши, с боя занял Дербент и двинулся к Петровску. В распоряжении Исполнительного Комитета Дагестана оставалось очень мало войсковых частей: почти поголовно все части валились от малярии. Окруженные со всех четырех сторон врагами, изнывая от болезней, в кольце огня, отчаянно билась горсточка уцелевших красногвардейцев. Но все было напрасно. Биться на все фронты—значило быть битым всюду. Петровск тоже пал. Оставалось или ликвидировать соввласть, или получить передышку путем временного компромисса, который предлагал Бичерахов, и затем с новыми силами, а может быть и с новой подмогой—бороться и победить. Выбрали второе, т. к. фактически оказалось, что только территория города Шуры еще не занята неприятелем, обложившим боль-

шевиков. Был заключен с Бичераховым договор называемый „деловым контактом“, на основах разделения территориальной власти. Бичерахов „идет“ к себе домой на Северный Кавказ, а до „открытия“ дороги на север остается в Петровске хозяином положения, предоставляя Шуру и остальной Дагестан большевикам и одновременно помогая им в борьбе против турок, наступавших на Шуру. Но „контакт“ продолжался недолго. Несколько раз казаки Бичерахова выходили на фронт к Дженгутая, имели даже перестрелку с бело-турками, но в один день Исполкому стало известно, что есть приказ Бичерахова об аресте членов Исполкома и разоружении гвардии. Обезоруживать в сущности уже было некого, т. к. часть была на фронте, а большая часть, „обезоруженная“ болезнями, была в лежачем положении. В таком положении Исполкому ничего не оставалось делать, как перейдя в подполье, вести работу в массах, нелегальными, но испытанными методами. Решено было, что Махач свяжется с горами, попытается использовать Али Хаджи и расколоть вражеский лагерь, а Джелал Коркмасов останется на плоскости, организуя новое выступление.

Но по дороге в горы Махач был убит бандами кумыкских князей. Из гордости, чтоб никто не мог сказать, что Махач тайно скрылся, он, вопреки здравому смыслу, среди белого дня садится в экипаж и едет из Шуры в Нижний Дженгутай, ночует там у кунака и на следующий день выезжает в горы в направлении к сел. Дургели также открыто, как и всегда, несмотря на то, что в нескольких верстах находился неприятельский фронт и разгуливали их раз'езды. Штаб Тарковского, осведомленный о выезде Махача, делает распоряжение о его задержании и у узкой тропы, где нельзя было развернуть сопротивление, банда хватает и ведет Махача в штаб, а по дороге у селения Верхний Дженгутай расстреливает его и сопровождавшего его кунака, не пожелавшего оставить своего гостя одного в опасности. Юнкер, руководивший расправой, прибыв в штаб Тарковского, доложил: „дело большевиков бито: Махач убит“. Негодяй не ошибался. Контр-революция поразила революцию прямо в сердце и тем оттянула свою собственную гибель на довольно долгий срок.

Что же случилось? Почему так быстро оказался нарушенным деловой контакт с большевиками и Бичерахов изменил раньше, чем большевики ему? Рыбак рыбака узнает издалека. Так случилось после первой же перестрелки казаков Бичерахова и бело-турок во главе с князем Тарковским. Через головы большевиков и только что заключенный „деловой контакт“, царские полковники Лазарь Бичерахов и князь Нух Бек Тарковский, главнокомандующий турецкими и горскими силами в горах, ментально нашли общий язык и сговорились за счет большевиков (16 сентября 1918 г.).

Вот собственноручное письмо князя Нух Бека Тарковского, имеющееся в нашем распоряжении, которое лучше всяких описаний объясняет это новое предательство Бичерахова в отношении советской власти. Письмо адресовано председателю Горского Правительства Тапа Чермоеву.

„Дорогой Тапа!“

В сентябре (9-го), получив от Исмаил Хакка-бея приказание собрать в Хунзахе всех всадников и офицеров 1-го и 2-го конных полков, я находился там. 9 сентября, получив от него же экстренную бумагу, в которой Исмаил Хакки-бей очень просил меня по чрезвычайным служебным обстоятельствам приехать немедленно к нему в Леваши, куда к этому времени должен был прибыть и турецкий кадровый батальон и откуда все собравшиеся партизанские отряды направлялись в наступление на Т.-Х.-Шуру. Я прибыл в Леваши 11 сентября и войсковых частей ни турецких, ни наших там не застал. Как потом я узнал, эти части, оказывается, пошли в наступление на большевиков по выработанному самими турками плану. Мне они предложили принять общее командование над всеми наступающими на Шуру отрядами...

По настоянию Исмаил Хакки... я на это согласился и поехал вслед за войсками в Н. Дженгутай. До моего приезда туда все оперативные распоряжения оказались сделанными представителями турецкого командования и мне, как главнокомандующему, оставалось только одно, а именно: нести ответственность перед народом за распоряжение турок. Фронт против нас занимали не только большевики, но и казаки.

Зная их техническое превосходство, что они очевидно договорились с большевиками, я вступил с ними в переговоры. Турки, тоже сознавая, что пока в их распоряжении не будет регулярная воинская сила все усилия их останутся тщетными, оттянули свой батальон, не дожидаясь моего приказа, как общего назначенного ими же главнокомандующего. Я же продолжал свои переговоры с Бичераховым. Бичерахов, соглашаясь на все условия мои, требовал только одного, а именно: отвода турок в почти месячный срок и даже больший на Гуниб—Хунзах—Ахты и далее в Кубинский уезд Бакинской губернии. Отвод турок на Гуниб он считал обязательным условием для занятия Шуры моими войсками. При занятии мною Шуры вся власть представлялась мне, и я объявлял временную военную диктатуру впредь до созыва Дагестанского Учредительного Собрания, вернее Совета Народов Дагестана. С этим принципиально согласился тогда и Исмаил Хакки бей и все остальные наши деятели, бывшие с ним. Все они находили, что мой выход это—единственный при создавшемся положении. В противном случае, большевики в союзе с казаками (большевики русской ориентации) повели бы совместное наступление на горы и имели бы крупный успех, что безусловно заставило бы турок отложить свою работу в Дагестане еще на неопределенное время. Принимая во внимание все это и что мы, эти пять-шесть месяцев боролись с большевизмом, который Бичерахов обещался в корне ликвидировать, я нашел его условия приемлемыми и просил турок войти в наше положение, не осложнять его и отойти.

Я этим спасал и положение Дагестана и вместе с тем давал возможность нашим единоверцам оправиться от долгого похода и организовать местные силы. Не нам, маленькому и совершенно неподготовленному народу, решать свою судьбу в международном отношении. Этот вопрос должен разрешиться силой оружия на главном фронте (Дербентском). Я же формировал полки с исключительной целью поддержания порядка и спокойствия (а кто его нарушал? Крестьяне разве, захватывая у помещиков земли?) в Дагестане и водворения в нем гражданственности (какой?). Этот шаг мой был единственным выходом из создавшегося тяжелого положения. Никто из изображавших из себя власть Дагестана не решился на него. Достаточных сил занять Шуру, а главное удержать ее в своих руках, у нас не было. Поэтому я во-

шел в Шуру на условиях мною выше упомянутых и приступил к воссозданию областной жизни и власти в корне разрушенной советским управлением (или вернее вашими наступлениями!). Мною спешно принимаются меры к созыву Совета Дагестанских Народных Депутатов на 20 ноября в надежде, что к этому времени вопрос выяснится и мы сможем сохранить Шуру с его учреждениями от разгрома. На днях приезжал Саракаев для информирования. Я его просил передать чеченцам, чтобы спокойно выжидали событий, так как без прихода регулярных сил турок ничего не выйдет. Посылаю тебе копии моего отношения к Исмаил Хакки-бей, для сведения, и нахожу что кроме все остальное совсем не золото.

Целую. Нух.

Письмо датировано 2 октября 1918 года .

Так волею „войскового старшины“ Бичерахова Нух Бек стал военным диктатором Дагестана. Так в больших событиях выдвигаются ходом событий на авансцену ничтожные люди. Человек, который не мог за собой повести никого, кроме как сбившихся в кучку в целях самосохранения офицеров и группы всадников своего полка, ходом событий попадает в диктаторы... Но Бичерахов знал кого он „ставит“ в диктаторы, Тарковскому кажется по его письму, что он делает великое дело, а Бичерахов знал, что Тарковский только игрушка в его руках, что за Тарковским нет никого, кроме кучки офицеров, которая ставленнику англичан Бичерахову продается вместе с самим диктатором, стоит только поманить пальчиком войсковому старшине. Почему же не поставить такого игрушечного „диктатора“, который к тому же обязывался признать над собой власть России, когда царящая в ней анархия будет ликвидирована и в ней установится „законная власть“. Кроме того Тарковский по словам Гасанова (сотрудника его по гражданской части) обязывался оказывать содействие отряду Бичерахова в деле продовольствия и снаряжения и в частности передать отряду предметы войскового снаряжения, находящиеся в г. Т.-Х.-Шуре на складах продовольственного Комитета.

Да и сам Тарковский понимал, что он весь во власти Бичерахова. Это сквозит и в его письме к Чермоеву.

В своих воспоминаниях помощник Тарковского по гражданской части, касаясь взаимоотношений двух полковников, говорит: „Обязательство Бичерахова не вмешиваться во внутренние дела Дагестана оставалось мертвой буквой, так как и после организации управления Тарковского, политические агенты Бичерахова продолжали производить аресты в Т.-Х.-Шуре и в окрестных селениях и далеко не все ходатайства Тарковского об освобождении невинных или безвинных арестованных удовлетворялись“. „Кроме того агенты Бичерахова по снабжению, продолжает то же лицо, забрали в Областном Продкоме все товары, в том числе и не имевшие никакого отношения к войсковому снабжению, а энергичный протест Тарковского со ссылкой на соглашение имел последствием присылку некоего Петросьянца с вежливым разъяснением, что Бичерахов—представитель центральной государственной власти, а Тарковский лишь местный правитель“.

Вот тебе и диктатор! А если еще иметь в виду, что за Бичераховым по договору оставались в полном владении г. Петровск, железная дорога и море, т. е. все то, что командовало Дагестаном—спрашивается, что же оставалось у диктатора и над чем диктаторствовал Тарковский. Лучшего договора Бичерахов и не мог заключить: „обеспечь меня от нападений со стороны гор, постарайся быть диктатором там, а я буду командовать тобой“. То же самое в 1919 году примерно заявил Деникин: нам только Петровск и железная дорога и море, а Вам... все остальное. Живите себе вольно и безвыездно на „высотах Дагестана“. Но то, что Дагестанские массы не приняли в 1919 году, то принял в 1918 году полковник князь Нух Бек Тарковский, так пекущийся об общественных „народных“ интересах.

В чем же все-таки проявил Тарковский свое „диктаторство“? Прежде всего он арестовал всех имеющих какое либо отношение к большевизму вплоть до ученых алимов, такого умеренного типа, как Абдул Басир Хаджи Казанищский (впоследствии будущий муфтий добровольцев), Абусуфьяна Казанищского, Юсуф-Кади Дженгутайского и многих других. А единственным актом социаль-

ного характера оказался приказ „диктатора“, анулирующий декрет дагестанской соввласти о передаче частновладельческих земель крестьянским обществам.

После этого приказа Тарковский мог сказать про себя: „Мавр сделал свое дело—Мавр может уходить“. Он выполнил свое назначение, как опекун бекско-дворянского сословия Дагестана, вернув им отнятые большевиками земли. Более того от него не требовалось.

По словам его помощника, он даже не согласился в земельном вопросе на такой умеренный корректив, как возвращение бекам по 50 десятин на душу из уже переданной крестьянам земли, а согласился только на возвращение земли целиком. И это в то время когда, по словам помощника диктатора, жизнь округов и городов шла разобщенно, без объединяющих директив и без контроля со стороны областной власти. Бичерахов фактически хозяйничал не только в Петровске, но и в Дербенте и даже в Т.-Х.-Шуре. Дербентский городской голова Касум Бек Гайдаров и его племянник были Бичераховым арестованы и „выведены в расход“, как „и многие менее известные местные деятели“. (Восп. помощ. диктат. по гражд. части).

Или тот же помощник диктатора пишет, что по всем его данным офицерство Тарковского было на содержании Бичерахова, о чем Тарковский мог и не подозревать. Кругом шла вакханалия грабежей со стороны милых сотрудников диктатора того „общественного“ добра, о котором так горячо пекся диктатор. Когда остатки складов Продовольственного Комитета забрал Бичерахов, кругом, особенно те, кто не успели окончательно обчистить склады, говорили: ну какой смысл было беречь добро, которое все равно досталось Бичерахову? Остались в дураках, мол, те, кто ничего не брал. Хорошенькая идеология! С ней далеко пойдешь по пути опекунства „общественных интересов“. Вообще система диктатуры и близость Бичерахова, представителя „центральной государственной власти“, повидимому очень устраивала как самого диктатора, так и класс—идущий за ним.

Беки к этому времени уже не говорили о шариате, а только о своих законных правах и чувствовали себя превосходно за спиной Тарковского и Бичерахова. Увлечение Бичераховым было настолько сильное, что даже турки, давшие как будто согласие Тарковскому на временный союз его с казаками, и те были встревожены „трогательностью“ этой дружбы и забили тревогу. Они начали рассылать по аулам летучки, чтобы Тарковскому не давали в полки людей, как продавшемуся казакам и России, не доверяли бы и проч. и проч. Такая агитация турок против власти диктатора вызвала со стороны Тарковского „взрыв негодования“ и он разразился нотой, где пугает турок тем, что если он, Тарковский, уйдет от власти, то Бичерахов возьмет продовольственные склады дагестанского народа себе (кстати уже разграбленные его же сотрудниками), и поэтому просит турок не мешать ему „безблезненно вооружать свой полк“ с помощью сельских обществ, как большевицкий Чиркей и др. из розданных этим обществам большевиками винтовок и патрон*.

Но, к сожалению беков, диктаторство их „опекуна“ безвременно должно было скончаться, точно также, как и пребывание в Дагестане представителя „центральной государственной власти“ войскового старшины, Лазаря Бичерахова, который 8 ноября 1918 г., на 15 пароходах „отплыл“ из Порт-Петровска под натиском турецкой дивизии Юсуф Иззет Паши, не успев мало мальски обосноваться в Дагестане и воплотить в жизнь свою идею о создании Каспийского Союза Национальных Республик, как здоровой ячейки для собирания больной большевизмом России.

* Текст этой ноты Тарковского см. приложение.

ТУРКИ.

Итак в итоге придворной политики представителей Горской Республики при блистательной Порте—в Дагестане появились турки, сначала в дозах микроскопических, а затем и поболее. Но и целый батальон турок с Исмаил Хакки-беем, целых два Дагестанских конных полка со всем генералитетом и офицерским корпусом и „вся страна“, жаждавшая, по словам Тарковского, освобождения от большевиков, в течение целого полугода не смогла выгнать и сбросить в море „кучки“ большевиков, „насильно“ засевших в Дагестане. Дело в том, что горская масса под влиянием большевистской агитации понемногу стала „раз‘яснять“ своих вождей. Гоцинский определенно терял репутацию и за ним никто уже не шел. О том, что он сражается из-за своих баранов и кутанов стало общеизвестным в горах. А Узуна Хаджи просто жалели. Если кто из сельских обществ и поддерживал их, то только по инерции и из-за дагестанского намуса—довести начатое дело до конца, как „подобает джигитам“. Казалось неудобным из-за неудач покидать вождей, и молодежь из аулов, с самого начала событий примкнувших к имаму (как то: Ходжал-Махи и Куппа Даргинского округа, Гергебиль Гунибского округа и еще из нескольких других аулов) скорее из-за соревнования с другими аулами, которые выступали против имама, или просто подсмеивались их воинственному пылу из-за Нажмуддина, еще выходили на фронт и присоединялись к турецкому батальону и Дагестанским полкам.

Масса же населения тяготелась белопогонниками, на которых, как на собак, и палкой никто не хотел замахнуться. Куда делось

дореволюционное обояние „белых“ и „желтых“ погон? Его как бы не было. При таком настроении масс даже турецким частям, предназначенным быть только кадрами, вокруг которых предполагалось развернуть национальные Дагестанские части, ничего не оставалось другого, как заключить вместе с Тарковским союз с Бичераховым и просить у него ликвидации большевизма. И только тогда, когда в Дагестан пришли „настоящие турки“—дивизия Иззет Паши—и когда нужно было воевать не против большевиков и не под командой Нажмуддина и Тарковского, а против казаков, против Бичерахова, население всколыхнулось и первый период можно было говорить даже о некотором энтузиазме, во имя ислама, братьев турок и прочего.

Нури Паша, взяв 15 сентября Баку и оформив территориальное бытие Азербайджанской Республики, выделил часть своих сил, для создания Горской Республики. Заняв почти без боя Дербент, турки двинулись на Петровск, где сидел Бичерахов, укрепив Таркинскую гору и надеясь на свое техническое превосходство и количество винтовок. Не будь турок или командуй ими Тарковский или Чермоев, можно было с уверенностью сказать, что у заправил горского правительства нашлась бы точка примирения и с представителем „центральной государственной власти“, т. е. случилось бы то, что мы имели в 1919 году, приблизительно при такой же обстановке, когда добровольцы заняли Петровск и договорились с горским правительством за счет дагестанского трудящегося.

Но турки не ради прекрасных глаз Чермоева дошли до Петровска. Они шли подгоняемые историческими задачами своей кавказской политики и шутить и медлить не думали. Не позволили делать это ни Чермоеву, ни Тарковскому, которые, чувствуя себя между молотом и наковальней турецкой и русской ориентации, все колебались. „Турок - то привели, думалось им, а что будет с нами, „русскими“ офицерами, если „представитель центральной государственной власти“ восторжествует и Россия, дореволюционная, сиятельная, офицеро - помещичья, со своими лучшими традициями, воскреснет. Не будут ли они сочтены изменниками русскому

престолу, присяге и т. д. Но ведь они „отуречились“ не ради турок, не ради даже горского дела и какой-то национальной идеи—Боже сохрани! Только ради борьбы с большевизмом, только ради самой великой, неделимой России, где и они были не последними участниками „большого барского пирога“. Об особых симпатиях диктатора Тарковского и беков к Бичерахову мы уже знаем, но может быть председатель совета министров Горской Республики Чермоев был другой ориентации: национальной или оттоманской? Ни чуть не бывало. Он тоже сторонник „великой России“. Вот его письмо на имя Тарковского, очень интересное для характеристики его „политического кредо“. Письмо на бланке председателя правительства Республики Союза Горских Народов Кавказа от 25 октября 1918 года, из Дербента. (Относится к периоду когда диктатор с Бичераховым делили власть, а турки во главе с Чермоевым шли гнать Бичерахова.)

„Временному диктатору Дагестанской области
полковнику князю Нух Бек Тарковскому.

Выразив свою твердую уверенность в том, что войсковой старшина Бичерахов не хочет воевать с Союзом Горцев, я просил его письмом от 17 октября, с одновременным отводом своих сил, отойти к Петровску без боя. Срок назначил до утра 20 октября; но 20 октября утром я увидел, что войска не отходят, а в 12 ч. 15 минут получил от него письмо с отказом это сделать по стратегическим и государственным соображениям. Из этого же письма я узнал, что он действительно не хочет воевать с горцами, но претендует на то, чтобы горцы отказались от турецкой помощи. Совершенно понятно, что это не приемлемо для меня, как председателя правительства Союза Горцев Кавказа, ибо все горцы в данный момент почти на всей нашей территории стонут под пятой кучки пришлых авантюристов, называемых представителями советской власти. Войсковой старшина Бичерахов знает лучше чем я, что если бы мы могли внутри организовать, получить технические средства борьбы с этой самой советской властью, то, конечно правительству горцев не зачем было искать помощи у своих друзей и единоверцев турок, которым на арене мировой войны дорог каждый аскер. В том и трагедия нашей жизни, что без этой помощи мы сейчас не можем

организоваться, для чего нужно прежде всего очистить свою территорию от пришлого элемента. Он знает также, что не я стал бы возглавлять шовинистическое течение со следующей за таким течением агрессивностью в отношении не горцев. Далее горцы слишком бессильны, да и не их это задача воссоздания России, тем более федеративной, построенной на принципе самоопределения народов, как пишет сам войсковой старшина Бичерахов о своей цели. Совершенно не понимаю создавшегося положения: мне говорят, что в сердце Дагестана, в Т.-Х.-Шуре, — его силы, которые даже держат раз'езды против меня, т. е. Союза Горцев. Я ему писал письмо еще 22-го, что по моим, чисто стратегическим соображениям, направленным не против него и его задач, я должен двигаться вперед и двинусь, но ближе двадцати верст к Петровску не подойду, не исчерпав все способы соглашения с ним. Письма этого до вчерашнего дня я знаю не могли передать, ибо, не смотря на парламентарский белый флаг, его отряд не принимает письма на поле, а послать парламентаров офицеров, я не решаюсь ввиду невозможного и недопустимого с ними обращения в прошлый раз. Так вот повторяю то же, что сказал в этом письме: я прошу его отвести свои войска в 20-ти верстную зону и начать переговоры. Само собой разумеется, что из Шуры немедленно должны быть выведены его силы. Подождав дня 2—3 ответа с одновременным отводом войск за указанную мною зону, я вынужден буду силой осуществлять права горцев на их территории и мне будет жаль, что во—первых вынужден действовать против него, а во—вторых, что это обстоятельство у меня может отнять возможность предотвратить от разгрома гор. Т.-Х.-Шуру и Петровск и вместе с этим от ненужного кровопролития непричастных к столкновению людей. Я имею гарантию от Азербайджанского правительства и Нури Паши, что все армяне независимо от прошлой их деятельности, следующие под охраной горских сил в поездах через территорию Азербайджана в Эривань, будут неприкосновенны персонально и имущественно. Этого я добился, дабы не переносить национальный антагонизм с юга на север — раз, а во—вторых проложить путь к будущему мирному сожительству и на юг мусульман и армян. Конечно, все это будет, если армяне положат добровольно оружие. Пусть поверят мне, что это не политический ловкий ход, а моя гарантия от имени Союза

горцев. Нечего и говорить, что русские, положившие оружие, вольны ехать куда им угодно и тоже под нашей гарантией или оставаться у нас в полной уверенности, что их личность, имущество в обоих случаях будут неприкосновенны. С казаками у нас есть домашние вопросы, но я убежден, что и они могут быть разрешены мирно.

Передай содержание письма Бичерахову и дай скорый ответ.

Само собой разумеется, что, если войсковой старшина Бичерахов и на этот раз откажется отвести войска согласно настоящего письма, то Ваше положение благожелательного к нему нейтралитета должно кончиться и Вы должны быть уже определенно представителем Дагестана, одного из членов Союза Горцев Кавказа, и Ваше место, как и каждого дагестанца горца „должно быть рядом с нами“.

Письмо это—сплошное оправдание перед неизвестным грядущим, реабилитация перед представителем „центральной государственной власти“, хотя бы он был только „войсковым старшиной Бичераховым“.

„Войсковой старшина Бичерахов знает лучше, чем я, что если бы мы могли внутри организовать и получить технические средства борьбы с этой самой советской властью, то конечно, правительству горцев не зачем было искать помощи у турок... В том и трагедия нашей горской жизни, что без этой помощи мы сейчас не можем организовать, для чего нужно прежде всего очистить свою территорию от пришлого элемента. Бичерахов претендует на то, чтобы горцы отказались от турецкой помощи, но это не приемлемо—ибо все горцы в данный момент почти во всей нашей территории станут под пятой кучки пришлых авантюристов, называемых представителями советской власти“.

Какая убийственная самокритика! Более реально продемонстрировать свое бессилие и сил „кучки пришлых авантюристов“ невозможно. Далее: „Бичерахов знает, также, что не я стал бы возглавлять шовинистическое течение... Далее „горцы слишком безсильны, да и не их эта задача мешать воссозданию России“. Какие еще доказательства большей беспринципности председателя горского правительства нужны? Удивительно только, как турки могли думать, что такие люди смогут создать для них что либо

на Кавказе. На этот раз турки просто оказались Дон-Кихотами Востока и не более.

С казачеством он тоже думает мирным порядком решать „домашние“ вопросы, т.е. земельные. Все это он очень просит передать „войсковому старшине“, и уверить его, что с его стороны это не политически ловкий ход. Тарковского, однако, он считает своим долгом вывести из состояния беспробудной дружбы к Бичерахову, указывая ему на его обязанности в том случае, если Бичерахов и при таких его заверениях откажется отвести войска „мирно и без боя“. „Ваше положение, пишет он ему, благожелательного к нему (Бичерахову) нейтралитета должно кончиться и Вы должны быть уже определенно представителем одного из членов Союза Горцев Кавказа и Ваше место, как и каждого дагестанца—горца, должно быть рядом с нами“.

Как видите, даже об этом приходилось напоминать представителю шариатского национального блока, каким был князь Тарковский, когда он в объятиях у „представителя центральной государственной власти“ забывался от тяжелых кошмаров современности и грезил о былом, невозвратном милом прошлом.

Но Бичерахов оказался принципиальнее своих друзей из горского лагеря и бросил занимаемую территорию только после упорного и отчаянного боя. Дагестан оказался освобожденным и турки вручили власть правительству горцев Кавказа, точно также, как Бичерахов вручил ее Тарковскому. Какие все несовершеннолетние! То Бичерахов, то турки в качестве опекунов. А сами!?

ПОЛОЖЕНИЕ НА ТЕРЕКЕ.

В каком „бездейтельном состоянии“ пребывали, по выражению министра Иностранных дел Горской Республики, народы Дагестана мы видели. Мы видели, как в течение почти полугода одна часть населения с оружием в руках, окруженная кольцом неприятеля, отбивалась, защищая рабоче-крестьянскую власть, а другая, спровоцированная своими „духовными руководителями“ тоже с оружием в руках билась о советское железо за „шариат и хурийат“. Для связи событий и для более ясной картины остановимся кратко еще на том „бездейтельном состоянии“, в котором находились другие горские народы Северного Кавказа в 1918 году. С большевистским выступлением в Петрограде, когда „всеобщая анархия охватила русскую землю“, нам известно, что казацкие верхи, в контакте с верхами горскими, заключили так называемый Юго-Восточный Союз казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей, в целях борьбы с большевистской анархией и насилиями, как говорила декларация союза от 28 ноября 1917 года. Однако события показали, что союз этот оказался мало жизненным и плохо склеенным, т.к. начавшаяся борьба с большевизмом дала, как говорит одна из деклараций Союза, „временный“ успех последним. В виду этого ориентация Терского казачества меняется. Терские казаки начинают ориентироваться на появившихся весной на Тереке большевиков. По приглашению казачества устраивается народный съезд в Моздоке (центре моздокского казачьего отдела), откуда казачество с места в карьер пыталось нанести чуть ли не с участием самого съезда лобовой удар ингушам „народу разбой-

ному и подлому". Только благодаря социалистическому блоку съезда, объединенному вокруг большевистской фракции, удается смягчить настроение казачьей части съезда, отложить вопрос, начать с ингушами переговоры с тем, чтобы впоследствии и вовсе урегулировать вопрос. Нужно было проявить железную энергию, величайший такт, чтобы в этой обстановке предотвратить столкновение. Это было время весенней и политической распутицы. Горские и казачьи верхи с появлением большевизма исчезают с быстротой молнии. Зародыш горского правительства, выросший из Центрального Комитета Горцев Кавказа во Владикавказе, сложив с себя полномочия, в один день ликвидировался и увел с собой свои части из города, а генералитет туземного корпуса с Половцевым, Лазаревым и персидскими принцами эвакуировался кто куда. Горцы Терской области остались без „правительства“ и „вождей“. В таком же положении оказалось и казачество, которое к этому времени тоже „порастеряло“ своих „вождей“: атаман Караулов был убит, Медяник пленен ингушами и тоже убит. Народам самим неожиданно пришлось без главков определять свои судьбы. Более поворотливым оказалось казачество, которое в большевизме увидело нечто русское, объединяющее, централизующее, сильное.

.В том состоянии войны, в каком находилась к весне 1918 г. Терская область и населяющие ее национальности—иметь лишнего союзника, значило победить наверняка. А обстановка была такова, что без единой, сильной, авторитетной власти народы Терека, по своей исторической традиции, привитой старым режимом, ошетинившись как звери, готовы были загрызть друг друга. В основе тут был, конечно, земельный вопрос между горцами и казаками, начиненный разными надстройками и историческими наслоениями. Основные группировки Терека: ингуши и чеченцы с одной стороны, казачество—с другой. Обе группы искали себе союзников в остальных народах. Ингушам и чеченцам было трудно найти союзника, т.к. на них уж очень злы были за беспорядочные грабежи, как горожане, так и сельчане. Злы были горожане, злились и мужики, и осетины, и кабардинцы. Они пользовались дружбой разве

только осетин мусульман, и преимущественно у остатков привилегированных сословий Осетии, у которых были свои счеты с осетинами христианами. Казаки же, наоборот, сговаривались с осетинами-христианами как более дипломатичными и тактичными. Города также симпатизировали казачеству и ждали от них твердой власти.

В обстановке безвластия темные элементы всех национальностей пользовались случаем и грабежи росли. На почве грабежей росли и убийства, а там, где единичное убийство, да еще с каким-нибудь национально-религиозным привкусом: казак ли убил ингуша или ингуш осетина, далеко ли, при наличии шептунов, и до всеобщей драки? Тем более, что все это так было знакомо Тереку.

При старом режиме между ингушами и осетинами бывал целый фронт, создаваемый самой же администрацией для легкости управления. А тут, при безвластии 1918 года, можно себе представить во что могло это вылиться.

В эти страдные дни, полные тревоги, пропитанные провокацией и слухами, смешанными с дымом пороха, происходил народный съезд в Моздоке, а затем в Пятигорске. На съезде намечалось новое правительство для Терека. Терскую область октябрили Терской Республикой, правительство-Советом Народных Комиссаров и Народным Советом, а власть называли—Народной властью. Верховной властью признали ВЦИК и Совет Народных Комиссаров в Москве. Народная власть—это была уступка времени, по существу же это была советская власть, руководимая коммунистической партией.

Оформивши свое бытие, новое объединяющее правительство Терека, пришедшее на смену национальным правительствам и атаманствам, осторожно стало забирать массы в лоно своего влияния. Народный Совет Терской Республики состоял из представителей всего населения Терской области и всех национальностей и по своей структуре делился на национальные фракции. Так была ингушская фракция Народного Совета, казачья фракция и т.д. Правительство—Совет Народных Комиссаров—выделялось Народным Советом.

Первым председателем Совнаркома был большевик Ной Буачидзе, председателем совета меньшевик Богданов; комиссаром земледелия левый с-р Пашковский. Нужно удивляться мудрости, с какой регулировала народная власть все сложные вопросы национально-политических взаимоотношений между народами. Время народной власти было, повидимому, самое спокойное время, за последние полгода царства атаманов, национальных правительств и советов. Оно длилось примерно 3—4 месяца, в течение которого партией и молодой властью была проделана большая созидательная и агитационная работа. Но приближалось лето и обстановка стала сгущаться вновь. Над Терекom опять запахло кровью и порохом. Во первых резко изменилось настроение казачества. Оно было разочаровано, ожидания не сбылись, власть оказалась не „русской“, никаких привилегий казачество не получило, наоборот „ингушния“ подняла голову, имея в Народном Совете и в Совнаркомe столько же представителей, что и казаки. Но чему особенно встревожилось казачество, так это декрету о земле *. Совнарком Терской Республики опубликовал декрет о национализации земли и „байгуши“ потирали руки, думая о казачьей земле. „Ну и дозволись, шептались казаки, не большевики, а мерзавцы. Ингушу отдать свою землю. Никогда! хоть убей. Вместо ура, заставили караул кричать. Ну, постой же „большевик проклятый“. А отовсюду известия благоприятные, на сердце у казака надежда. С юга, говорят, Бичерахов Лазарь, „войсковой старшина“ с казаками с фронта победителем, и „с мандатом“ от англичан идет, уже в Дербенте, разбивает под Петровском дагестанских большевиков, а на Юго-Востоке Алексеев, генерал, с добровольческой армией движется, скоро, говорят, Минеральные займет. Преобразились казачки, руки начали чесаться. А тут Георгий Бичерахов, брат родной полковника, того что из Дагестана движется. Хоть инженер, а „боевой“, связь имеет и с братом, и с Алексеевым, с ним полковник Соколов и Рощупкин, и еще др. также присланные от Алексева и доброармии, для подготовки почвы, чтобы облегчить до-

* Текст декрета см. приложения.

рогу наступающей армии, настоящей, русской. Отозвалась на эти настроения часть осетин, главным образом офицерство, блокировались казачье-осетинские верховоды и пошла подготовка. А в одно прекрасное солнечное утро почти без боя с зарею вошли в город Владикавказ казачье-осетинские сотни и чуть было не захватили и самый большевитский штаб, а комиссаров так $\frac{1}{3}$ переарестовали, да только случайно не удалось расстрелять всех.

Но захватить врасплох большевиков легче, чем победить их. Гром грянул и большевики уже под огнем стали организовываться. Сильно помогла Курская слободка: почувствовали рабочие—кто идет. Пошли знаменитые уличные августовские бои во Владикавказе. Бились за каждую улицу, которая в течение одного дня переходила несколько раз из рук в руки. Бились за каждый „командующий“ дом, который после взятия сжигался. Свиристествовали китайцы—эти удивительные люди, не боящиеся смерти. Каждый из них был героем советской власти. Сидя на земле, окруженный патронами, он стрелял с азартом в идущего неприятеля до последнего патрона, не зная что такое окоп и осторожность. На улице брались бронированные автомобили с пулеметами и бойницами. Как ловят в прериях мустангов—диких лошадей, так красногвардейцы, закидывая петлю, отбили у казаков бронированный автомобиль, попавший случайно в руки неприятеля. Город превратился в ад. Центр города был объектом—там жила безвольная робкая интеллигенция, с трепетом сердечным ждавшая „победителя“. Слободки—были суб'ектами. Их было пять: три за большевиков, две за казаков. Курская рабочая слободка, Шалдон, Молоканская за большевиков, Осетинская и Владимирская—за казаков.

Все слободки окаймляли город и перекрестный огонь серпантинном ложился на город. Испуганный горожанин только успевал прижимать голову к углу или к стене своего домишки слышав свист летящих над собой гранат и пшиканье пуль. На улицах, на глазах случайно выглянувших обывателей, „выводили в расход“ попавшего неприятеля. Особенно свиристествовали казаки: им некуда и некогда было возиться с пленными. Когда Владикав-

каз подсчитал свои раны, оказалось сожженных 400 домов, так как горели целые улицы. С одного конца Александровского проспекта на другой конец били из 4-х дюймовки на расстоянии одной версты в большевистский штаб, в бывшую гауптвахту. Пробивали каменные стены радиусом в целую сажень.

Но всему бывает конец. Полковник Соколов издал приказ, что к ним пришло подкрепление людьми, а снарядов у них хватит чтобы засыпать весь город Владикавказ. Обыватель мог радоваться за свою голову, но... проснулся он по привычке на заре, ожидая звуки тра-та-та, прислушивался с полчаса, удивился почему не возобновлялся со светом бой, робко выглянул и узрел отходящих в сторону „деревянного“ моста казаков и всех тех, кто усумнился в своих симпатиях к большевикам или в тех же чувствах большевиков к себе. Это был действительно „исход“ владикавказцев.

Августовские события знаменовали поворотный момент в политике партии и власти на Тереке. После августа уже не сговаривались, не нянчились с каждой национальностью, а воздавали только должное. Сейчас же после отступления из Владикавказа казаков непосредственно начались боевые действия по периферии. Очищали от неприятеля Моздокскую и Сунженскую линии. Казаки упорно сопротивлялись, но окрыленная победами горсточка советских войск при ближайшем участии ингушей—победила. Победен был и „Черный Моздок“, куда бежали с Бичераховым из Владикавказа меньшевики и эс-эры, которые изменили народной власти и организовали моздокское правительство и откуда, вскоре, напуганные гимнами „Боже царя храни“, оглашавшими Моздок, спешили ретироваться кто куда. Искали „демократию“, а нарвались на Моздокскую „Божью мать“ и пьяное офицерство. Вечное невежество! Часть вернулась во Владикавказ, как блудные сыны, оправдываясь, писала воспоминания, ругалась, отплевывалась. Простили, хотя режим после августовских дней изменился. Людей, что были до событий и после, трудно было узнать. Стали ожесточеннее, злее. Усиленнее стала работать ЧЕКА. Тогда только владикав-

казцы узнали, что такое „Чека“. Интеллигенция была взволнована и писала к власти петицию, собирала подписи.

Сунженскую линию ликвидировали скорее. „Успокоили“ казачество тем, что из ряда станиц—Сунженской, Тарской и др. оно было выселено поголовно. Это было начало ликвидации знаменитого Сунженского казачьего клина, вбитого царизмом руками генералов типа Ермолова сотню лет тому назад в тело ингушей. Акт этот знаменовал целую эру в жизни ингушского народа, эру в жизни всех горских народов. История повернулась „хоть раз в жизни“ лицом к малым и потому слабым, и потому озлобленным, и потому „разбойным“ и страшным. О, какое это было ликование! И это распоряжение исходило от представителя центральной советской власти. Одно имя выкрикивалось между нечленораздельными гортанными звуками ингушской речи рядом со словом „большевик“. Ордженикидзе! „Дель коран —наш челвек Ордженикидзе! Хорош челвек Ордженикидзе“. Заветная мечта поколений избавиться от победителя соседз-кровника, вопреки всем горским традициям, на „глазах“ расхаживающего в полном вооружении исполнилась. Кровники выселяются, ликвидируются и кто же в этом помогает? Кто делаел? Брат, отец, близкий родственник, ингуш, чеченец?—Нет! Большевики, советская власть,—Центр, Ордженикидзе!

Марш Воол большевики! Перевернулся весь строй ингушского мирозерцания. „Может-не на этом свете живем, а на том! Во сне все видим, шайтан подшучивает“? Нет алхам (молитву) прочли, имя Аллаха выкрикнули вполголоса несколько раз, все благополучно. Кажется—на яву. Ингуш может свободно без боязни спускаться со скал на плоскость и с винтовкой, „настоящим мужчиной“, не сворачивать при встрече каждому казаку, не слышать обидное: проклятый гололобый, да сверни сукин сын с дороги. „О, как хорошо. Все хорошо“.

Ликвидировали Моздок и Бичерахов с компанией бежали. Гнали их и ингуши, и кабардинцы вместе с Красной Армией.

„Шариат и хурият“—лозунг, ставший в Дагестане символом контрреволюции, не нашедший там другого выразителя кроме, как

контрреволюционера Гоцинского,—на Тереке нашел нового адепта в лице молодого арабиста и ученого муталима Назира Катханова, который со своей шариатской колонной первый водрузил советское знамя над черным Моздоком. „Молодец Назир Катханов, наш Назир, говорили горцы“. Туго пришлось казачеству и виновным и безвинным. Разбились, раскололись казачьи семьи. Виновников искали своих несчастий—да те уже пропали давно и невинные ушли с ними. Много детворы осиротело тогда. Половина отцов—в бегах оказалась. Томительным ожиданием стало жить казачество, а затем и злобой, какая возможна у привыкших к оружию людей.

Ждали благоприятных вестей и дождались. Показались зимой 19 года на казацкой земле большевики много, много, но не сильные, не победители, а слабые больные, зато страшные до ужаса, тифозные, с сыпняком, со вшами и не было конца большевистскому беспорядочному шествию полумертвых, несущих с собой смерть.

Были слухи, что за ними идут свои „казачки“, гонят большевиков и скоро придут. Оживилось казачество и старики поглаживали только бороды. Из Астрахани прибыли в Кизляр „Ленинские полки“, но и они не спасли положение. Сами заражаться стали смертью от бредущей в тифу 11, когда-то грозной-боевой, а теперь хотя и смертоносной, но уже не врагу, а себе же армии. Тысячами ползла она, эта 11-я, по шпалам железной дороги незная куда: только уйти от врага, или от смерти. Но несущий с собой смерть не мог уйти от ее об'ятий. Так и погибла 11-ая. Остатки ее только довершили свой „крестный ход“ „без имени Христова“ по Астраханским степям и бурунам до самой Астрахани, в холод, в стужу, в вьюгу степную. Это было одно из исторических потрясений, которое переживают армии. Не враг, так стихия. Если правда, что морозы погубили французов в 1812 году, так правда и то, что вошь разбила и 11-ю советскую армию.

А вслед за отступающей, шла уже наступающая армия противника—армия офицеров и погон, служившая даже не себе, а более важным господам, что спокойно отдыхали где нибудь на курортах за границей, в то время, как простые люди, их слуги, в

чинах и орденах, как ливрейные лакеи, жертвовали жизнью ради могущества их капиталов и самих капиталистов.

Владикавказ, который уже после августа не знал покоя, только сильнее сжался от приближения нового незванного гостя, забеспокоился. Молва шествовала впереди. Шел Шкуро с эмблемой смерти и волчьими хвостами, вешая направо и налево. Шествие меж большевистских виселиц было лучшим парадом для „героя“. Дней десять держали под городом врага, а потом ушли уцелевшие. Ушла большая часть по Военно-грузинской дороге в Грузию к меньшевикам, лишь бы уйти от Шкуро, от добровольцев. Часть в Ингушетию к ингушам, которые рядовым красноармейцам из российской губернии стали символом дружбы на чужбине, на погибельном Кавказе. Ингуш, бывший стражник помещичьих усадеб в России, теперь был другом крестьянину и рабочему, которые своей справедливостью пробудили и в нем человеческие чувства. Ингуш—значит свой. Иди смело в аул, на арбу, в дом, в сарай,—ингуш свой. И пошли сотнями, как тени. Шли, как другие братья их на Астрахань, тоже тифозные, голодные, полуумирающие. Падали по скатам, поднимали головы, жалостно просили воду утолить жажду. Побавивались ингуши, напал и на них страх от „больших хабаров“ о силе доброармии, но принимали большевиков, ибо законы гостеприимства и дружбы были сильнее страха. „Да не доживет человек до того дня, когда увидит он за добро зло“, говорила горская пословица и не хотели ингуши, чтобы они дожили до этих дней.

Отчаянно бились ингуши, зная, что значит казачья плеть. Сомкнутой единой фалангой ошетинулась маленькая Ингушетия перед смертельной опасностью. Даже муллы были впереди, командовали частями, но против силы и количества трудно бороться, а бороться без надежды того хуже. Некоторые вспоминали: где же горское правительство. Где же союз с казаками, где же верхи, которые говорили о спасении через казаков. Сжалась в комок маленькая Ингушетия, как малый, но ядовитый зверек; замолкла, ожидая, следя за первыми шагами сильного победителя.

От всего Советского Юга России оставалась одна героическая советская Ингушетия. Там нашли приют и весь Совнарком Терской Республики и сам чрезвычайный комиссар Юго-России т. Ордженикидзе. Если бы личности могли спасать положение, этот человек с изумительной энергией и исключительной решимостью должен был бы победить, но сила солому ломит, а обстановка и соотношение сил, включая сюда и тиф, были таковы, что в тот отрезок времени должны были, повидимому, одолеть добровольцы. Двойственная политика горского правительства в отношении добровольцев, якобы идущих по сговору с горским правительством, настолько озадачила на первых порах некоторые слои горских масс, посеяв в их умах сомнение, что даже лозунг „независимой горской советской республики“, выброшенный на вооруженном с'езде ингушского народа по предложению т. Ордженикидзе—не мог поднять в достаточной степени их сопротивляемость и усилить сплоченность. * Когда же стала ясна измена горского правительства—было поздно, ибо враг стоял у ворот горских сакель и жертвы отчаяния делу не помогли.

Вместе с Советской Властью „пала“ душа и у горских народов и вновь они после советской свободы увидели у себя правителями генералов добровольческой армии. Генерал Алиев в Чечне, генерал Мальсагов в Ингушетии, князь-Бекович Черкасский в Кабарде и т.д. и т.д. Станицы опять начали заселяться казаками и воскрешались потихоньку столь знакомые картины владычества наказных атаманов Терского казачьего войска. В таком-то „бездейтельном состоянии“ провели горцы Терской области весь 1918 год, в то время, как верхи их, игравшие правителей, околачивались в передних турецких пашей и германских генералов, обвиняя массы в „бездейтельности“.

*) О с'езде ингушского народа. См. приложение.

РЕСПУБЛИКА ГОРЦЕВ И ЕЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО.

Что же делало так называемое горское правительство, получив власть из рук турецких пашей? Как использовало оно победу над большевиками и Бичераховым, одержанную турецкими крестьянами в форме аскеров? Как вело себя уже у власти правительство помещиков и шариатского блока, имевшее претензии упрекать горские массы в бездействии?

Какую политику могли предложить массам люди, родившиеся и воспитавшиеся на идеологии готового хлеба—помещики и князья, промотавшиеся гвардейские офицеры и скудоумная, не выдавшая дальше бутылки шампанского, офицерская челядь, идеалом которой в лучшем случае были серебряные подковы на кровной лошади. Если эти люди в бытность за границей, вдали от родины, в Константинополе, Тифлисе и пр. местах, где делали остановки дипломатические агенты четверного союза, которых они обслуживали, могли еще представлять некоторый интерес и самим им казалось, что они заняты какой-то работой вроде писания „нот“, которых никто не читал, то по вступлении в дело, на месте, обнаружили их полная непригодность. Эти люди, входящие в дело уже банкротами, не могли массам дать ни одной новой мысли, ни одного нового лозунга.

В лучшем случае они могли заполнить борозду, проведенную какой либо силой и, повторяя зады, быть отзвуком прошлого. Самый интересный, самый животрепещущий для крестьянина земельный вопрос горский парламент похоронил в недрах одной из своих комиссий,—в комиссии, которая должна была согласовать несо-

гласуемые понятия, как шариат, и социализация. А кроме земельного и пастбищного вопросов, что могло еще интересовать широкие крестьянские массы*. За то члены правительства живо интересовались своими личными делами. Не веря ни в себя, ни в творческие силы масс, правители признавали только силу кредитных билетов и золота и потому в составе правительства трудно было остановиться на члене „кабинета“, который прежде всего не занимался бы устройством своих личных материальных дел, и в частности торговлей. Пользуясь взаимной круговой порукой и властью, эти деятели в компании со спекулянтами, так как последним труднее было получить разрешение на вагоны и проч., отправляли целыми вагонами орехи, фрукты, шерсть и прочие продукты Дагестана на бакинский рынок, чтобы на „черный день“ обеспечить себя. И это не считалось у них „очень стыдным“. Ведь это были люди мелкобуржуазной психологии, воспитанные в обстановке вечного торгашества. Если уж большие люди, как английские и др. западноевропейские министры, ведут торговлю, эксплуатируют труд рабочего класса и продукцией их труда заполняют сейфы европейских банков для своего безмятежного существования, то какие претензии могли быть к этим мелким дельцам, изображавшим тоже министров. Погоня за наживой, которую они даже не старались прикрыть, началась особенно тогда, когда турки, бывшие опорой их власти, вдруг оказались вынужденными уйти вследствие поворота событий на западном фронте, получив предложение англичан эвакуировать Дагестан в 48 часов.

Напрасно вопило горское правительство лишаясь своей опоры. Чтобы задержать хоть часть турок, был заключен с турецким командованием формальный договор о персональной службе горскому правительству турецких чиновников, офицеров и солдат. Каждый из них, согласившийся остаться на службе, уже не как турецкий, а как горский гражданин был обеспечен „генеральным“ договором. Более кабального договора для горских масс, которые должны были оплачивать содержание турецких чиновников и солдат, не

* Резолюцию Союз. Совета по земельному вопросу см. Приложения.

видал мир. Ни один договор, защищающий интересы рабочего класса даже в Советской России не защищал их с такой силой, как этот. Каждый турецкий чиновник ценился договором на вес золота. Каждый турецкий офицер, чиновник и солдат получал от горского правительства содержание в четыре раза более, чем на службе у турок.

Вот пример их прав по договору. Если кто из них пожелает перевести семью из Турции—весь расход относился на средства Горской Республики, независимо от того, что все они получали при этом единовременное пособие. Если с кем либо из них нарушался правительством контракт, оно обязывалось выдавать шестимесячное „выходное“ вознаграждение. Ежегодно они пользовались двухмесячным отпуском. Прослужившие три года, сразу получали вознаграждение в размере шестимесячного жалованья. Мало того, при всем этом распоряжение всеми турецкими чинами оставалось за высшим в чине турецким офицером, от которого зависело назначение того или другого на военную и гражданскую службу. Это на службе у иностранного государства! Но к счастью для горских народов, договор этот не был долго в действии и безработным горцам не пришлось выплачивать 50 р. золотом ежемесячно каждому турецкому солдату по генеральному договору, т.к. англичане не признали договор и велели всем чинам до единого в 48 часов эвакуироваться из Дагестана. Горское правительство осиротело—осталось без опекуна. Правда, не на долго. Быть с глазу на глаз со своим народом без какой-то третьей силы—вот чего больше всего боялось правительство. Не успел скрыться из виду последний турецкий солдат, как правительство уже готовилось встретить у себя англичан, к которым уже ездило на поклон в Баку.

В декабре прибыла в Шуру английская военная миссия „акредитованная“ при горском правительстве во главе с знаменитым полковником Роландсоном; понюхала что чем пахнет и через некоторое время, ничего подозрительного и опасного не найдя, уехала обратно в Баку, а в Петровске остался небольшой отряд англичан и индусов, не столько в качестве силы, сколько как сим-

вол силы и покровительства Британии. Но горские „вожди“ не успокоились и на этом. Жить в тихой Шуре, заниматься крестьянскими делами—это ли удел избранных натур! Нет. Подальше от мужика и ближе к салону. И глава правительства—Чермоев, совместно с министром иностранных дел Гайдар Бамматовым и министром внутренних дел Ибрагим бек Гайдаровым, „взмолились“ пустить их вновь из Шуры за границу, в Париж, в новое плавание по волнам дипломатии, проникнуть, что делается за дверями Лиги Наций и узнать нельзя ли и им в качестве представителей „наций“ хотя бы „бочком, бочком“ пролезть к новым ревизорам. Обещали вернуться „с подарками“. Пришлось пустить. Деньги и „снаряжение“ подзаяняли у Азербайджана, торговавшего нефтью. Остался возглавлять правительство новый президент „социал-демократ“—Коцев маленький кабардинец с большими запорожскими усами. Правительство жило надеждой уже не на турок, а англичан, которые в победном трансе благодушно обещали покровительство всем малым народам, всем „страждущим и обремененным“. Составился „настоящий“ парламент горских народов пока что из одних только дагестанских представителей, т.к. остальные горцы Северного Кавказа еще самостоятельно строили свою рабоче-крестьянскую жизнь, вместе с советской властью на Тереке. Скамьи представителей этих народов в парламенте были пока заняты бежавшими от большевиков, случайными людьми, приехавшими по своим личным делам в Шуру. Благо и на родину не надо было ехать, где могли „с’есть“ большевистеующие народные массы и жалование платили еще как членам парламента. Чеченцы прямо выставили Чуликова, ездившего за набором „настоящих членов парламента“, заявив, что они не признают никакого горского правительства. За этими разговорами и пересудами о формировании парламента, о реконструкции кабинета, за проводами турок, встречей англичан прошли целых полгода—шесть медовых месяцев Горской Республики, когда добровольческая армия казачьей нагайкой вновь напомнила горцам и его правительству блаженной памяти недавние времена царского режима. А тут еще под боком в Петровске

генерал Пржевальский с офицерским отрядом добровольцев, изгнанных из Баку англичанами и азербайджанцами. А в Шуре — большевики во главе с Буйнакским и Коркмасовым, разрушающие неокрепшие устои нового режима. Закружилась голова у горских верхов.

Видя, что вопли перед Антантой и одно голое достоинство правительства шествия доброармии по горской территории не останавливает, парламент постановил отправить делегатов к ген. Деникину для объяснения, а также к англичанам в Баку. В Баку отправился Коцев, которому генерал Томсон только пожал плечами и ничего определенного не сказал, а с делегатами парламента, поехавшими в ставку, ген. Деникин не захотел и разговаривать, отправив их к ген. Ляхову, как своему представителю и Начальнику Терско-Дагестанского края. Ляхов же „отрезал“ парламентам, что никакого горского правительства он не знает и знать не желает. Великая неделимая Россия и... баста! Тем аудиенция закончилась*.

Так как к этому времени Ляховым уже был взят Грозный и шло покорение ближайших к железнодорожному полотну чеченских аулов, правительство отправило части Дагестанского полка во главе с полковником Джафаровым на подмогу Чечне. Однако желания драться у полка повидимому не было, т. к. полк, не поладив с чеченцами, ушел в Хасав-Юрт, оставив чеченцев одних. Полк жаловался на чеченцев, которые якобы не хотели драться и подчиняться полку, а чеченцы обвиняли полк в том, что он служит более добровольцам, чем горским интересам. Судя по поведению командного состава второе предположение было вернее. Неприязнь чеченцев к войскам своего правительства вылилась в обезоружении одной сотни полка. Так кончилось совместное сотрудничество армии и народа.

К этому времени приехал в Грозный и сам Деникин, который вызвал делегатов от горского парламента (на этот раз поехали

* Доклад председателя Союзного Совета о переговорах с представителями Доброармии. См. Приложение.

Капланов и Гоцинский) и объявил уже самолично, что он не признает Горской Республики, которая к тому же и не существует, так как все горцы Северного Кавказа уже подчинились и признали его власть.

Выслушав уже не в первый раз такое заявление, делегаты, не солоно хлебавши, повернули в сторону Чечни. Капланов, как председатель парламента, попытался даже агитнуть среди чеченцев против добровольцев. Гоцинский же наоборот, совсем обнаружил свою природу и стал агитировать, за добровольцев после того как, яростно ковыряя в носу, с наслаждением выслушал заявление Деникина. Чеченцы сделали попытку к сопротивлению, но после нескольких довольно упорных боев оказались вынужденными признать власть доброармии. Особенно способствовали этому кулаки и лавочники, которые терпели убытки от беспорядков и чувствовали сокращение оборота своей кассы. А председатель правительства Пшемахо Коцев ничего не нашел более реального, как поехать на автомобиле в Даргинский округ к Шейху Али-Хаджи и, вызвав туда Узуна-Хаджи, с обоими старцами вернулся в Шуру для совместного совещания парламента с шейхами. На торжественном объединенном заседании парламента шейхи заявили, что во имя шариата и спасения мусульман надо драться. А Узун так прямо и заявил, что он первый с Али-Хаджи пойдет умирать и погрозил своей саблей по направлению к „гяурам“, но тем и кончилась их подмога. Все кругом напоминало опереточную игру в Вампуке. Все кричали „на врага, за республику“, а никто не шел. Напрасно одиночки народники, случайно попавшие в парламента в качестве депутатов, пытались с трибуны парламента называть правительство изменническим. Из этого ничего не вышло.

В минуту смертельной опасности не только идее Горской Республики, но и всем завоеваниям революции и самому физическому существованию горцев — горское правительство не нашло ни слов, ни дел. Оно не смогло поддержать и организовать даже вековую ненависть горцев к казачеству. Привыкшее жить наготовом и в частной жизни и в государственной (опекунство турок,

англичан и т. д.), оно оказалось не в состоянии самостоятельно двинуть массы на оборону. Оно не нашло не только революционного долга, но даже национального пафоса для движения масс. Президент и правительство позорно подали в отставку в самый ответственный и тяжелый момент, когда казалось только и нужно было с оружием в руках в союзе с кем угодно, хоть с чертом, с шейхами и муллами защищать то дело, из-за которого приходилось унижаться в передней европейской дипломатии. Все шло к концу. И слепые уже поняли к чему идет игра, и всеобщее презрение горских народов было ответом на эту отставку. Массы только наглядно узрели, что ничего того, что им хотелось видеть в правительстве, нет. Что нет в нем ни любви к родине, ни мужества, ни национальной гордости, ни просто человеческого достоинства. Позорный конец только раскрыл глаза им на то, что единственное их спасение в самих себе, в самодеятельности, в борьбе за свое существование и достоинство, а не в иллюзиях, которыми до сих пор усыпляли их правители.

К тому же большевики сделали все, что можно было для развенчания правительства помещиков и спекулянтов иковки нового народного сознания. Почти открыто работал Дагестанский Комитет Большевиков, имея свои заседания то в одном, то в другом ауле. Раз'езжал для оргработы Улубий Буйнакский. Чуть ли не каждую неделю бывал в Шуре Коркмасов из Кум-Торкале, где он скрывался. Координированными действиями подпольной группы с явной и легальной проделывалась громадная работа по обработке общественного сознания, а также по организации вооруженных сил для прямого захвата власти.

В воинских частях пропаганда шла чрезвычайно успешно. Почти треть или четверть правительственных войск состояла в списках красной армии, вербуемой подпольным военным советом. Правда, не обходилось тут и без дутых списков и авантюризма со стороны явных агентов Военного Совета, но общее настроение кругом было таково, что почти легально можно было вербовать сторонников. Как показатель настроения окрестных аулов, можно

привести следующий факт: председатель правительства—Коцев поехал в большевистский аул Кум-Торкале чтобы переговорить с главарями большевиков о возможности совместных действий, но большевики не только не пожелали разговаривать с ним, но на обратном пути еще обстреляли его и чуть было не пленили. И это в 15 верстах от столицы республики! Или другой пример: жители нескольких аулов Чиркея и др. угнали несколько тысяч баранов, принадлежащих Гоцинскому и пасшихся под носом у центральной власти. Отправленная по просьбе имама сотня Дагестанского полка вернулась во свояси, т.к. общества отказались вернуть похищенную баранту. Таков был престиж не только советской власти и правительства, но и духовной, возглавляемой муфтием или имамом Нажмудином Гоцинским.

Девять—десять месяцев после ликвидации Бичераховым советской власти в Дагестане прошли в такой усиленной подпольной работе со стороны дагестанских большевиков, что население уже было подготовленно вновь с радостью принять большевизм. Ждали только со дня на день переворота, приуроченного к появлению советской эскадры из Астрахани. На виду у Петровска была налаженная связь и бедный Уллубий Буйнакский, а с ним и все остальные вот—вот ожидали сигнальных знаков советской флотилии. Но случилось крушение и там и тут. Советская эскадра, вышедшая из Астрахани, оказалась разбитой добровольческой флотилией в районе форта Урицкого, а Военный Совет с Уллубием Буйнакским был настолько не осторожен в своей конспирации, что весь в полном составе попался в руки офицерства, за исключением Коркмасова, случайно отсутствовавшего. О заседании Совета, оказывается, узнало офицерство, которое, получив разрешение у Коцева уже после его отставки, обложило квартал и дом, где заседал совет, надежной сотней и всех переарестовало. Тогда же были произведены аресты и „легальных“ большевиков по всему городу. Но сказав А, нужно сказать и Б. Худой мир, хотя и нелегальный, существовавший между властью и большевиками, кончился. Военщина предупредила выступление большевиков, она

же должна была взять и бразды правления в свои руки. Так оно и случилось. Парламент, приняв отставку Коцева, поручил формирование кабинета генералу Халилову, который решился взяться за это нелегкое в то время дело. Первым актом Халилова была посылка арестованных большевиков в Петровскую тюрьму, из боязни, что в Шуре их освободят тем или другим порядком. Халилов с своей точки зрения был прав, т. к. он учел окружающее настроение. Куда уж дальше, когда даже в парламенте ему предъявили запрос: почему большевиков он перебрал в Петровск. Этот запрос был замаскированным протестом против ареста большевиков. У части членов парламента—людей мягкотелых и случайно попавших в политические деятели—хватило мужества только на этот запрос. Они были против ареста большевиков, но у них не было активности и к тому же была еще растерянность перед сложностью событий. Это была особая группа в революции. Они не были матерые контр-революционеры, хотя были с кадетской программой, но они не являлись достаточно идейными бойцами для проведения хотя бы понятной им идеи национального объединения. Это были просто либеральные клячи, как называл их покойный тов. Хизроев, для которых нужен был чей либо кнут. У этой интеллигентной слякоти было даже сознание, что большевики в тот момент представляют реальную силу для борьбы с Деникиным, что их арест—это прелюдия дагестанской военщины к приему добровольцев. Но „суждены нам благие порывы, а свершить ничего не дано“! Кнут военщины сделал их слишком безвольными. Со своими мыслями они так и остались пустоцветами, не претворив их в идею активную. На арест большевиков парламент только реагировал запросом, а массы реагировали вооруженным выступлением. Аулы Т.-Х.-Шуринского округа, наиболее связанные с большевицкой работой, во главе с молодым активом в спешном порядке организовались и подступили к Шуре, желая захватить город. Тревога получилась здоровая. Всполошились в Петровске даже англичане. Прислали в помощь правительству аэроплан и наступление большевиков удалось отбить. Не удалась и попытка большевиков уеел.

Кум-Торкале еще до наступления на Шуру отбить арестованных товарищей по дороге в Петровск. Для ареста виновников нападения Халилов послал было в Кум-Торкале отряд, но из этого ничего не вышло.

Пока происходили все эти события внутреннего порядка, примерно к 20 мая в Порт-Петровск прямешенько по жел. дороге подкатила первая колонна добровольческой армии и градоначальник г. Шамиль-Кала представлявший сам один дагестанскую власть, прискакал, выпучив глаза, с докладом к парламенту в Шуру о том, что в городе—добровольцы, не признающие республики горцев Северного Кавказа, но вместе с тем готовые считаться с Дагестанским Правительством, если такое организуется. Вообще вся политика и добровольцев и англичан сводилась к тому, чтобы отделить во что бы то ни стало горцев Дагестана от горцев Северного Кавказа, дабы, воспользовавшись принципом „разделяй и властвуй“, легче управиться со всеми. С помощью дагестанских „добровольцев“ им это и удалось. К этому моменту мы сейчас и перейдем.

ПОСЛЕДНЯЯ УСЛУГА ШАРИАТА.

Один из дагестанских ученых арабистов говорил, что у шариата 133 ветви. Какую угодно ветвь в зависимости от надобности выбирай. Беки, а отчасти и социалисты и даже большевики не раз пользовались, каждый в своих интересах, шариатом — лозунгом, за которым в известный отрезок времени шли массы. Шариатом доказывали беки собственность на землю, шариатом доказывал Гоцинский необходимость своего имамства; в числе других аргументов фигурировал шариат и у дагестанских социалистов, когда они доказывали необходимость отобрания земель у тех же самых беков. Но повидимому не все разветвления шариата были использованы к приходу казаков и потому еще одной веточкой щегольнула бекско-помещичья группа и военщина, чтобы доказать возможность воевать с доброармией и генералом Деникиным.

Мы уже говорили, что одним из аргументов к уничтожению Горской Республики было заявление командования добровольческой армии и вместе с ним англичан о том, что добровольцы не придут в Дагестан и не будут вмешиваться в дагестанские дела, если Дагестан отделится от горцев Северного Кавказа, которые уже признали Деникина и имеют своих правителей, поставленных от Деникина. Кроме того обе стороны добавляли, что и это при условии, если Дагестанская власть сама справится с большевиками.

Отношение английского командующего на имя Коцева — президента Республики в мае месяце 1919 года, приуроченное к событиям, когда аулы Шуринского округа пытались захватить город после ареста т. Буйнакского и др. и освободить арестованных у с. Кум-Торкале, говорит следующее:

„Господину Коцеву, Министру председателю Горской Республики.

Я получил серьезное донесение относительно движения большевиков в с. Кум-Торкале и в селениях вокруг Т.-Х.-Шуры, а также сегодня утром разведка аэроплана доносит, что в Т.-Х.-Шуре большое собрание в 7 час. утра, а также движение в селениях вокруг. Так как это—причина волнения здесь в Петровске, не можете ли Вы сообщить как можно раньше в чем дело.

Я напомнил бы Вам условия, при которых генерал Деникин согласился не идти в Дагестан (справка: мое письмо от 24 апреля, о получении которого я не был уведомлен, и предложение англичан). Ваше правительство должно последовать этим условиям включая подавление большевизма“. Следует подпись полковника командующего Британскими войсками в г. Петровске.

Тут уж была совсем ясная директива: разгромите себя как республику, отделившись от горцев Северного Кавказа и примите политическую платформу Деникина, уничтожая большевизм, т. е. станьте добровольцами и Деникин не тронет. Всеми этими аргументами очень хорошо козыряли беки и офицерство в своем желании скорее перекинуться к добровольцам.

Более умные подняли вопрос об объединении с Азербайджаном, с которым еще имелось несколько нереализованных объединительных договоров. Последний из них относился к совсем недавнему прошлому, когда Азербайджан только что сложился с помощью турок в Республику. Совет министров, заслушав доклад своего министра иностранных дел о союзе с Союзом Объединенных Горцев Кавказа, постановил от 10 июля 1918 года:

1. Признать желательным самое тесное объединение правительства Азербайджана и Союза Горцев Кавказа.

2. Пока же приступить к осуществлению намеченного доклада объединения четырех областей управления:

а) вооруженных сил, в) иностранной политики, б) духовных дел, г) связанных с вышеуказанными вопросами финансов.

3. Одновременно с заключением договора по вышеуказанным вопросам установить и оформить особым дополнением: а) взаимоотношение союза обоих правительств к Турции „а“ и „б“ ст. 11-ой и б) военные границы обоих государств.

4. Для редактирования договоров и для выработки под-

робной конституции союза избрать особую смешанную комиссию.

Далее следовал проект самого договора заканчивающегося ст. 9-ой, которая гласила:

Настоящий договор вместе с разработанной особой комиссией, указанной в предыдущей статье, подробной внутренней формой воссоединения двух республик Союза Об'единенных Горцев Кавказа и Азербайджанской должен быть утвержден не более шести месяцев со дня подписания сего договора полномочными представительными и народными учреждениями обеих республик: с'ездом всех горских народов Кавказа и учредительным собранием Азербайджанской Республики“.

Договор так и не дождался своего утверждения полномочными с'ездами, а вместе с ними жизнь похоронила ст. 6 договора, которая гласила, что „Халифом всех мусульман признается Его Императорское Величество султан Оттоманской Империи“*.

Но умнее всех оказался, конечно, тот, кто догадался схватиться за одну из „веток“ шариата, а им оказался никто иной, как помещик Даниель Апашев, председательствовавший в Дагестанской фракции парламента по случаю обсуждения доклада Шамиль-Калинского градоначальника о приходе добровольцев. Приглашенный на фракцию командующий вооруженными силами Республики полковник Арацхан Хаджи-Мурат сообщил, что сил для борьбы с Деникиным недостаточно, а приглашенный Апашевым для дачи заключения по этому случаю заместитель Шейх Уль-Ислама Абдул Басир Хаджи Казанищенский заявил, что при таких обстоятельствах, когда мусульмане слабее чем их противник шариат драться не разрешает. Дело Апашева было сделано. Раз и сам воинствующий шариат за добровольцев--внужно было складывать оружие и собирать аманатки. Вопрос мог быть только о том кто куда. Кто к добровольцам, а кто от добровольцев. И совещание дагестанской фракции Союзного Совета Республики Горцев Северного Кавказа приняло следующее постановление от 23 мая 1919 года:

Выслушав доклад Шамиль-Калинского градоначальника полковника Магомедова о том, что значительные силы добровольческой армии прибыли в город Шамиль-Кала и Дербент и что

* Текст проекта договора см. Приложение.

высшее командование этих сил заявило, что оно Горского Правительства не признает и с ним, как с правительством, разговаривать не желает, а если есть Дагестанское Правительство или если оно будет организовано, то таковое признает и в управление внутренними делами правительства, избранного дагестанским же на родом, вмешиваться не будет, а также выслушав заявление и. об. Шейх Уль-Ислама Абдул Басира Гаджи Мустафаева о том, что шариат запрещает главарям народа тянуть его в неравную борьбу и тем самым подвергать физическое существование народа опасности, единогласно постановили:

1. Внести в союзный совет предложение раз'ехаться членам Союзного Совета на неопределенное время и если такое предложение не будет принято, то в дальнейших заседаниях союзного совета дагестанским членам участия не принимать.

2. Немедленно организовать временное дагестанское правительство из трех лиц для охраны порядка и общественного спокойствия в Дагестане.

3. Организацию такого правительства поручить генералу Халилову.

4. Правительство генерала Халилова правомочно действовать лишь до с'езда дагестанских народов.

5. Настоящему совещанию оставаться в Шуре в качестве временного Дагестанского органа до с'езда дагестанских народных представителей.

Что же было делать после этого членам парламента от других горских народов, когда сами хозяева положения, дагестанские помещики и военщина, выносят такое постановление? Вывод был один: спасайся кто как может. Так и сделали. Большинство дагестанских делегатов заседало с Халиловым, а представители других горцев или уехали потихоньку к себе, или ушли в Азербайджан. Ушли в Азербайджан также и некоторые идеологи Горской Республики из дагестанцев, как Капланов, Темирханов и др.

Так позорно растеряли горские деятели все то, что в течение 2—3-х лет собирали по „за границам“ и прочим местам.

Так „отцвела не успевши расцвести“ Республика Горцев Кавказа, и Петровск с Дербентом перешли в руки доброармии.

ПРАВИТЕЛЬСТВО ГЕНЕРАЛА ХАЛИЛОВА И ПЕРВОЕ ВОССТАНИЕ.

Итак, Даниэль Апашев, фактический хозяин положения и выразитель бекско-офицерских настроений, передал власть над Дагестаном генералу Халилову, который, прежде чем приступить к управлению, отправился в Петровск на поклон к добровольческому генералу Драценко. Получив от него соответствующие директивы, Халилов начал „управляться“, а дагестанская секция парламента, которая, согласно своего постановления, должна была остаться при Халилове, теперь оказалась излишней. Он взял к себе только одного помощника и одного духовника—того самого и. об. Шейх Уль Ислама, который дал блестящее заключение от имени шариата о необходимости дружеской встречи с казаками. Для удобства управления Дагестан был разделен на три района: средний, южный и горный. Первым актом вступления Халилова в управление оказался поход его против большевистского Нижнего Дженгутая для примерного наказания за непочтительное отношение к одному из его офицеров.

В этом деле было арестовано несколько десятков большевиков и забрано некоторое количество оружия. Приблизительно к этому времени относится братание казачьих и дагестанских верхов по случаю приезда нового начальствующего Терской и Дагестанской областями ген. Эрдели. Назначением главно-начальствующего выполнялся первый пункт о невмешательстве в дагестанские дела. Шумный пир с фонфарами и со всеми необходимыми атрибутами генеральского кутежа закончился душевными излияниями

братских чувств и здравий ген. Деникину, ведущему к единой, неделимой и великой России.

Удивив стойкостью в отношении массы выпитых спиртных напитков и очаровав всех дам, Эрдели уехал, а Халилов остался лицом к лицу со страной, с которой так боялись оставаться наедине его предшественники по Горскому Правительству. Если бы генерал захотел видеть лицо Дагестана—первое, что он увидел бы—это презрение к себе, а второе—протест против его действий.

Сознавая это, он в слепой ярости спешит с помощью добровольцев разделаться хотя бы с арестованными большевиками. 12 июня 1919 года в газ. „Вестник Дагестана“ появляется объявление за подписью правителя о том, что:

„Ввиду изменившихся обстоятельств, а также ввиду того, что возможны опять попытки со стороны населения к освобождению большевиков Буйнакского и др. при перевозке их из Шамиль-Калинской тюрьмы в Шуру, правительство, дабы избежать осложнений, решило дело о них рассмотреть в Военно - Шариатском суде, командировав в Шамиль - Калу сессию Военно - Шариатского суда“.

Что может быть показательнее для характеристики правительственного бессилия, чем это правительственное же сообщение? Но, к сожалению, праздник на этот раз был на стороне контр-революции. И уже 13 июня Военно - Шариатский суд постановил тов. Буйнакского с четырьмя другими расстрелять за преступление, предусмотренное кодексом законов царского правительства. Даже суд из рядовых офицеров и шариатистов оказался более мягким, постановив ходатайствовать о замене смертной казни, чем правитель, который отверг ходатайство суда и утвердил расстрел, приведенный в исполнение тотчас добровольческими частями.*

Но, оправившись после ареста товарищей и наступления, оставшиеся на свободе большевики вновь лихорадочно стали готовиться к организованному охвату масс. Обстановка этому благоприятствовала, т. к. Республика, обещавшая золотые горы, ничего не дала и разочаровала, а арест большевиков и связанное с этим

* Текст приговора см. Приложение.

замедление темпа большевизации Дагестана с надеждами на мануфактуру и сахар из Москвы только усилили тягу масс к большевикам.

А тут добровольцы стали забирать все вооружение б. армии Горской Республики. Допустить это и дать пушки, снаряды и винтовки добровольцам для борьбы с большевиками, которые уже давно мыслились дагестанскими союзниками, это уже было выше выдержки и сил масс. А большевитские тройки и пятерки в аулах работали. Дагестанский Комитет большевиков в каждый район посылал товарища, который должен был создавать ячейки в несколько бойцов при чем каждый входящий в эти ячейки в свою очередь тоже обязывался наберечь новую ячейку. Таким образом получалась кольцевая большевицкая сеть.

Помню, первым прибывшим ко мне в Даргинский округ по хабару о том, что я собираю сторонников большевиков, был Алибек Богатырев с товарищами. Сначала я отнесся было даже с опаской к его энергии и активности, т. к. он был не то старшиной, не то помощником старшины в сел. Мекеге, и только потом понял, кого мы приобрели в его лице. И так, с одной стороны общее недовольство создавшейся обстановкой, с другой агитработа наших пятерок и, наконец, уже как бы „освятившее“ это антиказачье настроение масс, неожиданная активность Али Хаджи Акушинского, испугавшегося за шариат, сделали свое дело и Левашинские равнины и холмы, выдавшие у себя и шамилевские полчища, и Ермоловских солдатиков стали заполняться вооруженными людьми, стекающимися со всех сторон. Аул Леваши и Даргинский округ сделались центром движения против Халилова и добровольцев. За краткостью времени, а также недостаточностью сил на этот раз удалось привести в движение против добровольцев только четыре округа: Даргинский, Казикумухский, Темир-Хан-Шуринский и Кайтаго-Табасаранский.

Примерно к 10 июня прибыл из Шуринского округа Кормасов с остальными местными работниками плоскости и работа по организации воинских сил закипела. Была установлена связь с

городскими организациями Петровска и Шуры, с Баку и Бакинским бюро Краевого Комитета большевиков, которое по мере возможности присылало и денежные средства и людей. Али Хаджи от своего имени отправил делегатов к Азербайджанскому Правительству, которое тоже выдало некоторую сумму денег и обещало в случае серьезности движения еще.

Наиболее популярным лозунгом движения были: а) воспретить бекам, князьям и офицерам продажу Дагестана и его имущества добровольцам; в) не давать дагестанское оружие казакам для борьбы с большевиками; с) Халилов и офицерство в стачке с белыми, не спросясь народа продают его казакам оптом и в розницу.

Не обошлось, конечно, и без предварительных переговоров с врагами до начатия военных действий. От имени Али Хаджи послано было несколько писем к генералу Халилову. Тот писал ответные. Ходили посредники по Шуринскому тракту. Надо было оттянуть время и с'организоваться. Али Хаджи писал членам парламента и офицерству:

„Если вы подчинитесь Вашим главарям в случае приглашения ими в Шуру казаков и будете им отдавать оружие, то за это вы будете отвечать перед аллахом. Все живущие на небе и на земле Вас проклянут и это проклятие падет и на Ваших детей и Ваше имущество. Вас проклянут все народы живущие на земле, проклянут Вас священные Мекка и Медина. Приверженцы казаков находящиеся среди Вас будут изменники своему народу, который веками будет проклинать то место, где эти изменники будут жить. Я, Али Хаджи Акушинский, прошу очень энергично Вас сообщить мне, кто из Вас стоит за ислам и кто с'ойт за казаков. Я думаю, что молодежь, чтобы не быть участниками в этих позорных для народа делах и чтобы не взять на свою душу тяжкого греха, останется далеко в стороне от этих изменнических действий“.

Одной из целей письма было разбить офицерство, т.к. ходили слухи, что младший комсостав с национальным душком недоволен братаньем верхов и готов итти с народом. Повидимому это оказалось или хабарами или они слишком были напуганы большевистской западней, которая чудилась им за словами Али Хаджи.

Халилов ответил контр-агиткой, сразу поняв, что тут действует не Али Хаджи, что он только ширма, а что тут режиссируют большевики.

„Как могу я не удивляться, писал он Али Хаджи, ведь до сих пор я всем говорил, что Али Хаджи не большевик, но из Вашего письма ясно вот что: Вы готовитесь пойти на Шуру совместно с восставшими вместе с Вами большевиками. Не удивительное ли дело! Вы человек обязанный ради аллаха предотвратить кровопролитие между мусульманами, стоя во главе, идете на такое дело. Помните ли год тому назад Вы упрекали Муфтия Нажмуддина, что он, будучи духовным лицом, берет на себя военное дело. Но теперь ясно Вы на старости лет берете на себя тот же грех, за который Вы другого упрекали.

Возможно, что Вы хотите воевать с добровольцами, но они не пришли, чтобы воевать с дагестанцами, они пришли в Дагестан, преследуя две цели: первая их цель—исправление железных дорог, после чего мы можем получать пшеницу за 40—50 руб. пуд вместо теперешней 150—160 руб. пуд. (знал куда бить!). Кроме того по этой железной дороге мы получим сахар, мануфактуру и все другое необходимое для нашего народа. Вторая их цель изгнать эту анархию большевизма, от которой мы так много терпим, из тех мест, где она воплотилась. Добровольцы не будут вмешиваться в наши внутренние дела. Мы учредим свою власть, шариатские суды, школы и свои доходы и расходы так, как мы сами захотим. Когда дела обстоят так, разве можно считать добровольческую армию врагом Ислама. Разве вы на это имеете право. Нет! Добровольческую армию нужно считать другом Ислама (это называется заговорился!), так как она воюет против тех большевиков, которые считают бога, религию и пророка за выдуманных и их не признают. Что же касается того, что добровольческая армия берет оружие в Темир-Хан-Шуре, то это не так, как Вы слышали. Они берут отсюда пушки, снаряды, которые для нас не годятся (почему?) Для войны с большевиками ни винтовок, ни патронов, ни хлеба они у нас не брали и не берут, и, наконец, о Ваших приготовлениях и о сборе войск в Левашах узнали помимо нас добровольцы. В виду этого с сегодняшнего дня к нам в Шуру начали прибывать войска казаков. Отсюда они направляются в горы. Конечно,

за все это перед богом и перед народом Вы одни будете отвечать*.

Т.е. все сказано, что можно было сказать и даже более того. Тут затронуты все слабые места Али Хаджи и бедняцких масс: тут дешевый хлеб с сахаром и мануфактурой, и казачество „исконный друг Ислама“, и грех перед богом и людьми. Но.. оно породило еще только одно новое письмо от Али Хаджи и нового посланца, но не более. Деловым же ответом был налет на сел. В. Дженгутай, как исконно-контрреволюционный аул, находящийся под влиянием своих беков и убивший Махача. Затем был послан от имени Али Хаджи Акушинского ультиматум командованию добровольческой армией в Петровске, составленный нами, сидящими, как Али Хаджи выражался, в „ишкапе“, т.е. в штабе, с требованием немедленно уйти из Дагестана и ограничить себя пребыванием в той зоне, каковая, согласно газетных извещений, была установлена добровольцам союзниками. Как видите, мы строго соблюдали международные приличия и свое большевистское лицо вынуждены были для внешнего мира до поры до времени скрывать ввиду буржуазного окружения Азербайджаном, Грузией и добровольцами и отрезанности от Советской России, и на авансцену выпускать Али Хаджи, от имени коего и шла вся внешняя „дипломатическая“ переписка за период обоих восстаний. Отсюда вся та известность Али Хаджи на „внешних рынках“ и переоценка его значения в событиях людьми имевшими дело только с документами. Но добровольцы все же сразу поняли, кто скрывается за этой дипломатической нотой и лиц, поехавших с ультиматумом, чуть не арестовали. В середине июля встречные бои наших частей с казачьими у Дженгутая, Дургели и Кадар кончились для нас неудачей. Очень пострадали два последних аула. Тут добровольцы и казаки и дагестанские показали себя во всю грабежами восставшего населения этих аулов. Офицеры командиры угоняли для своих нужд крестьянских коровенок, лошадей и забирали домашний скarb.

Грабеж был настолько наглый, что на них посыпались упре-

* Текст переписки см. Приложение.

ки даже их единомысленников. Повстанцы после разгрома Дургели и Кадара уже больше не сумели оправиться и рассеялись кто куда. Этому еще способствовала организационная сторона и порядок снабжения повстанцев. По распоряжению штаба обороны десять „дымов“ должны были выставить из своей среды одного бойца и дать ему винтовку и продовольствие на две недели. После разгрома эта еще неокрепшая система распалась, а вместе с ней и фронт, не чувствуя за собою дыхания организованного тыла, потерял свое бытие. К тому же добровольцы повели наступление с двух сторон и обходное движение особенно напугало бойцов за свои незащищенные семьи. Одновременно с наступлением на Дургели и Кадар добровольцы повели наступление через ст. Инче на Мурегу, Утемишь, Дешлагар, Маджалис и Леваши. Заняв после упорного боя Утемишь и Мурегу, добровольцы подступили к Дешлагару и это обстоятельство совсем расстроило повстанцев, так как это уже была непосредственная угроза тылам Даргинского и Кайтагского округов. После Кадарского поражения для защиты с этой стороны у повстанцев сил не оказалось. Кулачьи элементы — лавочники и торговцы, а вместе с ними и беки торжествовали. Кстати, беки были проводниками у добровольцев при их наступлении. Отступающих членов повстанческого штаба в Левашах пытались арестовать левашинские кулаки, натравивши общество. Коркмасов с Хизроевым даже были задержаны, но потом с помощью Али Хаджи и группы партизан им удалось освободиться. При всеобщей растерянности и пред лицом сильного неприятеля трудно было говорить о восстановлении порядка и временно пришлось руководящему штабу и всему активу уйти „за границу“ и эмигрировать до тех пор, пока нажим добровольцев не довел население до градуса кипения. Верхами, вплавь через Самур на Яламу, по направлению к Тифлису и Баку, потянулись эмигранты, где начали подводить итоги и учитывать перспективы.

Для дагестанских работников ясно было, что первое неудачное восстание было только прелюдией к большому всенародному восстанию, более организованному, как со стороны масс, так и ру-

ководителей. При первом восстании все же оставалось у большинства населения сомнение: „а может и с казаками можно жить“. Надо было изжить и эти иллюзии. Руководящие товарищи предполагали в Баку, заручившись санкцией Краевого Комитета большевиков, получить возможную помощь и от Грузии и от Азербайджана. Особенная нужда была в артиллерии и пулеметах, которых нельзя было ни купить, ни получить иным легальным образом. Азербайджанцы, считая руководителей движения большевиками, вели разговоры только с б. членами горского правительства и делегатами Али Хаджи, поэтому мы рассчитывали в большей степени на Грузию, но министры - меньшевики также нашли для себя неудобным разговаривать с повстанцами против Деникина и только председатель и начальник народной гвардии Джугели обещался дать пулеметы и даже несколько орудий, но с тем, конечно, условием, что это будет в большом секрете.

ВТОРОЕ ВОССТАНИЕ ДАГЕСТАНА.

К лету 1919 года вся горская территория оказалась в руках добровольцев и почти все активные горские силы после неудачных первых восстаний в Ингушетии, Чечне и Дагестане оказались в эмиграции в Закавказье. Всю эмиграцию можно было разбить на три группы. Первая—обломки горского правительства, окончательно потерявшие надежду на воскрешение Горской Республики и потому уже почти отставшие от политики, устроившиеся на службе у Закавказских Республик. В их среде находились, правда, единицы, которые еще барахтались на спине, воображая, что дрыганье их ножищ дает какой-то политический эффект. Другая группа, возглавляемая Ахмедом Цаликовым, людей уже работавших с советской властью, и в общем и целом стоящая на советской платформе, но порвавшая с большевиками из „тактических“ разногласий, усилившихся особенно с эвакуацией Терека. Эта группа занимала срединное положение и сидела на двух стульях, т. к. не имела твердой позиции, за которую бы дала бой. Она считала себя стоящей на демократической платформе и ближайшей целью ставила очищение Горской Республики от доброармии. А там, мол, видно будет, говорили ее лидеры, во что выльется. Эта группа объединялась вокруг так называемого Меджлиса горских народов Кавказа.

Оторванный от мест и масс Меджлис вел больше дипломатическую игру, казавшуюся ему работой, с представителями Антанты, Грузии и Азербайджана. Ссылаясь на принципы, положенные в основу Лиги Наций, он добивался создания Горской Респуб-

лики путем дипломатических комбинаций. В общем Меджлис пошел по пути горского правительства с его ориентацией на внешнюю силу. Мы помещаем в приложении несколько протестов Меджлиса, обращенных к англичанам и к Закавказским республикам для уяснения физиономии и сущности Меджлиса.

До создания в Дагестане Совета Оборона Северного Кавказа официальные разговоры о горских делах со всеми внешними силами вел Меджлис.

Наконец, третья группа эмигрантов это— группа коммунистов связанных с Кавказским Краевым Комитетом партии (большеви-ков), которые уже не надеялись ни на какую внешнюю силу, а, рассчитывая только на массы, старались держать связь с ними, организовать их на новое большое восстание, используя для этого удобный момент и действия самой добровольческой армии. А действия доброармии развивались с головокружительной быстротой. После первого дагестанского восстания Али Хаджи оказался плененным добровольцами и в с. Леваша Даргинского округа отсиживал у кунаков домашний арест под присмотром начальника среднего Дагестана полковника Магомедова. Во все округа были назначены начальники округов, подкрепленные казачьими отрядами. В догонку им полетели приказы о мобилизации населения в доброармию согласно данной каждому округу разверстки.

Вот один из таких приказов.

ПРИКАЗ ПРАВИТЕЛЯ ДАГЕСТАНА

№ 19.

4 августа 1919 года

гор. Т.-Х.-Шура.

В настоящее тяжелое положение Всей Великой России никто из числа населяющих ее народов не может быть бездельным, не имеет права не принимать участия в смертельной борьбе с язвой, раз'едающей государственный организм— большевизмом.

Также и Дагестан должен внести свою лепту в дело освобождения от ига большевиков и послать своих сыновей в ряды бойцов, грудью своей защищающих родину. Только при этих условиях он станет равноправным членом в будущей

семье Единой Великой России и будет пользоваться всеми благами, представленными ее гражданам.

Глубоко уверен, что нет ни одного Дагестанца, в котором призыв этот не вызвал бы отклика.

Поэтому предлагаю Начальникам Округов выставить следующее число бойцов в ряды войск: от Темир-Хан-Шурина округа—1111 человек, Самурского—910, Кюринского—1073, Кайтаго-Табасаранского—1004, Казикумухского—658, Даргинского—1187, Гунибского—914, Андийского—739, и Аварского—433. Из этого числа округа должны выставить конных: Темир-Хан-Шуринский—250, Кюринский, Кайтаго-Табасаранский и Андийский по 200, Казикумухский, Даргинский, Гунибский и Аварский по 150 и Самурский—130, а остальных пеших.

Все выставляемые должны быть снабжены одеждой и обувью; конные, кроме лошади, седлом и буркой. Выставляемые в пехоту должны быть вооружены кинжалами, конные—кинжалами и шашкой. Все обмундирование и снаряжение производится средствами самого населения. Для чего начальникам округов определить размер военного налога, причитающегося с каждого дыма, не выставляющего людей в войска.

Главкомандующим вооруженными силами на Юге России Генералом ДЕНИКИНЫМ определен возраст призываемых горцев от 19 до 40 лет, т. е. родившихся в 1900 г. и до 1879 года включительно. Ни моложе, ни старше этих возрастов выставлять нельзя, кроме добровольцев.

Кто именно должен быть выставлен в ряды войск зависит от самого сельского общества, причем обществом должно приниматься во внимание семейное положение призываемого.

Весь наличный состав всех Дагестанских войсковых частей, согласно положения о Дагестанском конном полку, *утвержденном в 1904 г.*, считается военнообязанным до прекращения военных действий, причем ему предоставляются льготы по семейному положению, о каковых командирам частей теперь же войти с ходатайством.

Принимая во внимание, что от некоторых сельских обществ в войсках уже находится известное число жителей, этим сельским обществам надлежит выставить только дополнение до требуемого числа за вычетом уже служащих.

Если какие нибудь сельские общества уже дали в войска более того числа, которое им надлежит выставить теперь, то

излишек не возвращается в общества, но принимается в зачет другому сельскому обществу того же округа, которое и обязано уже их снабдить всем полагающимся.

Если для находящихся в рядах войск нехватает некоторых предметов обмундирования, снаряжения или вооружения, то соответствующее сельское общество должно пополнить этот недостаток.

Уверен, что Дагестанцы свято выполняют свой долг перед Великой Родиной, но если ктонибудь уклонится от его выполнения, то будет караться по законам военного времени *вплоть до смертной казни, для чего теперь же будут учреждены военно-полевые суды.*

Подписал: Временный Правитель Дагестана
Генерал-майор *Халилов.*

Верно: Начальник Отдела по делам о воинской повинности
Дагестанского Областного Управления Полковник *(подпись).*

Из этого приказа ясно, что из Дагестана предполагалось взять примерно 7--8000 бойцов, помимо уже отправленных на Царицынский фронт Шамилевского батальона и 2-х конных Дагестанских полков, т.е. „всей армии“ горского правительства. Жизнь окончательно посмеялась над горскими „самостийниками“, заставив их армию строить великую неделимую Россию.

Помимо всяких безобразий и издевательств казачьих частей в горах акт о мобилизации в доброармию уже был достаточен для взрыва нового восстания. Это была одна из основных ошибок добровольцев, которая только ускорила восстание.

— „Пойти в солдаты. Никогда!“

Это было самое больное место горца. В мобилизации и солдатчине со дня первого своего столкновения с русскими видел горец символ своего слияния с ненавистными „гяурами“— первый шаг к обрусению. Этого он больше всего боялся в жизни. Это означало для него потерю веры, кормежку свининой и проч. —Все, но только не солдатчина! Это обстоятельство учитывалось царским правительством, которое комплектовало только конные полки на началах добровольных с оплатой жалованья 10—15 руб. в месяц. И неудивительно поэтому, что в ответ на приказ о мо-

билизации первыми восстали Ходжал-Махинцы из Даргинского округа — наиболее непримиримые враги всего немусульманского и наиболее активная сила, борющаяся со всем новым, идущим из России. Они то в свое время, совместно с Куппинцами и Гергебильцами, и составляли главную опору шариата и Узуна Хаджи в борьбе с большевиками и Бичераховым. Поэтому не мудрено, что на историческое требование полковника Магомедова (кстати, родом тоже Ходжал-Махинца) они, по сговору с Цудахаром и Гергебилем, постановили, как рассказывает один участник, умереть до последнего, но не давать добровольцам войска, а также арестовать полковника Магомедова, находившегося в это время в ауле Ходжал-Махи. Магомедов, узнав об этом и хорошо зная нрав своих земляков, поспешил бежать в Леваши, а оттуда, не останавливаясь, прямо в Шуру, где и был, кажется, арестован добровольцами чуть ли ни как виновник восстания. А движение пошло, найдя свои пути, шириться, охватывать другие аулы, волновать и возбуждать умы. Первым актом, конечно, было освобождение Али Хаджи из Левашинской „домашней“ тюрьмы и приказ не выпускать из округа казачий отряд, в обхват которого выступили повстанцы из Цудахарского участка до 300 человек под командой молодого арабиста ученого из Ходжал-Махи Османа Османова. Первые дни прошли в перестрелке с начальником Мекегинского участка, который пытался отвлечь внимание повстанцев и дать отступить Акушинскому добровольческому отряду, и в схватке с самим отрядом, когда пришли сообщения о подходе большого карательного отряда из Дешлагара в сторону Мекеге, Урахи, Леваши. То были специальные и большие добровольческие силы, насчитывавшие до 1000 сабель и винтовок с артиллерией и пулеметами и направленные из Петровска для подавления восстания в Даргинском округе. Наскоро сколоченный неопытный штаб повстанцев, состоящий из простых крестьян, оказался настолько организованным, что подготовил и этому отряду достойную встречу. В виду отсутствия оружия многие вышли на фронт с дрючками и палками (приказ был выйти независимо от наличия оружия), которые должны были

создавать у противника иллюзию винтовок особенно издали при обходных движениях этих своеобразных деревянных солдатиков.

Участники знаменитого Ая-Какинского боя рассказывают, что эти маневры с древками сыграли большую роль в создании пораженческого настроения в добровольческих частях. Бой с карательным отрядом дал победу, о которой не мечтали и сами повстанцы. Мало кто успел уйти из 1000 отряда. Повстанцы забрали чуть-ли не целую батарею пушек и двадцать слишком пулеметов, не считая снарядов, винтовок и патронов. Было добыто то, чего у повстанцев не было, т.е. оружие для дальнейшей борьбы. Победа вначале это—почти пол-успеха для повстанческого движения, где настроение масс и вера в успех играют решающую роль во всем деле. Слава о победе на крыльях молвы облетела все уголки Дагестана и стала сигналом ко всеобщему восстанию против ненавистных добровольцев. Чуть ли не в те же дни в Кюринском округе повстанцы разгромили Окружное Управление, перебили Кюринский казачий отряд и начальника округа полковника Умашева. В Самурском округе повстанцы заняли крепость, тоже перебив казаков во главе с начальником округа полковником Магомедовым. Казикумухский добровольческий отряд эвакуировался в более надежное место—на Гуниб, но и Гуниб не спас его и уже совместно с Гунибским гарнизоном и этот отряд был почти весь перебит, и в Нагорном Дмгестане только в Аварском и Андийском округах сохранились ячейки добровольческого владычества в Дагестане. Андийский округ почти был накануне выступления, уже участвуя против добровольцев на территории Чечни, куда ушел Узун Хаджи, и лишь Аварский округ воздерживался, находясь под влиянием полковника Алиханова и Гоцинского. Опасаясь однако, что будет трудно защищать добровольческую позицию от движения масс, Алиханов считал за лучшее казачий гарнизон из Хунзаха под охраной своих людей проводить в Шуру, а самому уже с добровольческими наемниками из аварцев же запереться в крепости. Таким образом крепость Хунзах и полковник Алиханов представляли в горах добровольческий островок, на бур-

лящих антидобровольческими чувствами волнах Дагестана.

Добровольцы начали стягивание сил к Дагестану путем перебросок с других антибольшевистских фронтов, уменьшая таким образом их боеспособность.

Образовалось уже несколько фронтов со многими направлениями, аккуратно отмечаемыми в добровольческих сводках вследствие того, что движение уже нельзя было замаять „домашними средствами“. Шуринский фронт с Кизилярскими позициями, Дербентский фронт, где были сконцентрированы силы трех южных округов, Манасское направление, куда партизаны больше всего совершали налетов для порчи железной дороги. Страна кипела. Почти в каждом ауле организован был штаб, ведающий мобилизацией, снабжением и продовольствием. Режим проводился жестоким образом. Не считались ни с родовыми, ни с приятельскими отношениями. Брат—большевик сажал брата—меньшевика постановлением аульского штаба в тюрьму и держал его месяцами. Кто во время не сменил бойца на фронте или не выслал продовольствия е бойцу—штраф немилосердно взыскивался. В виде штрафа иногда резали быка, которого отправляли на продовольствие армии. Организация была хоть куда и все население чувствовало, что отступления нет, что нужно подчиниться и победить иначе будет хуже, когда победят казаки.

Но населению пришлось пережить помимо тягот внешней борьбы с добровольцами еще тяжести и внутренней борьбы—гражданской. Это был фронт внутри страны, независимо от внешнего добровольческого фронта. Сначала борьба идеологическая за влияние, а затем и с оружием в руках. Борьба между чисто национальной окраски движением, возглавляемым турками и казакофилами, нашедшими общий язык, и между большевиками. Борьба кончается военным столкновением обеих группировок и жертвами с обеих сторон. Но прежде чем перейти к самой борьбе несколько слов о движущих силах этой борьбы и о внешних влияниях на дагестанские события.

ПОЗИЦИЯ АНГЛИИ, МЕНЬШЕВИКОВ, МУСАВАТА.

Позиция Антанты в лице Англии была довольно неопределенной в отношении Дагестана. Если в отношении создания Горской Республики она была отрицательная и Деникин, с ее благословения разрезав горцев, беспрепятственно дошел до Петровска, то нельзя сказать, чтоб занятие всего Дагестана и в частности полосы далее Петровска по направлению к Дербенту совершилось также с согласия англичан.

Известна так называемая зона влияния, установленная англичанами, согласно которой Деникину отводился только Петровск, а территория южнее оставалась под опекой англичан. Несмотря на это, военные события так головокружительно развернулись, что дипломатическая переписка англичан не могла угоняться за ходом военных действий, и добровольцы, вопреки достаточно ясно выраженной воле Англии, нарушили директиву английского командования. По этому вопросу произошло даже некоторое охлаждение отношений между командованием Доброармии и Англией.

В Записках Лукомского, начальника штаба добровольческой армии, мы находим по этому поводу документы, которые говорят об особой заботе англичан о территории южнее Порта-Петровска.

Отстаивание англичанами этой полосы объяснялось конечно не заботой о Дагестане и в частности о южной его части, а по-видимому интересами самой Англии, а то и ходатайствами Закавказских Республик, которые боялись слишком близкого соседства с Деникиным.

Собственные интересы Англии могли заключаться разве в

том, что район между Петровском и Дербентом—один из самых богатых нефтеносных районов в Дагестане, где у станции Каякент и Берикей и др. еще до войны работали английские нефтяные компании: Мак Гарвей, Нобель и др. и где нефть давала мощные фонтаны. В виду того, что фонтаны неожиданно прекратились, ходили даже слухи, что Нобель нарочно прикрыл свои скважины, чтобы не конкурировать с самим собой, а также чтобы затушить интерес других нефтянников, жадно потянувшихся вслед за ним к этим местам.

Поэтому вполне возможно, что английская дипломатия в вопросе определения зоны влияния находилась и под влиянием частных английских нефтяных компаний, имевших в виду дагестанский южный нефтеносный район. В отношении остальных горских районов Англия повидимому считалась больше с фактами, так как пока была Горская Республика—представитель Англии на Кавказе и представитель ее при горском правительстве полковник Роландсон неоднократно заявлял, что поскольку нет большевизма—постольку добровольцы не тронут горцев, что не мешало ему по занятии Грозного и Чечни разбрасывать прокламации горским народам от имени Англии, что Антанта стоит за спиной добровольческой армии и с ее согласия занимаются горские земли и потому горцам нечего „рыпаться“. По поводу этого воззвания Тифлисский Меджлис выпустил протест против действий представителя Лиги Наций, долженствующего обеспечить права малых народов. В виду интереса прокламации Роландсона приводим протест целиком:

ПРОТЕСТ СОЮЗНОГО МЕДЖЛИСА ГОРЦЕВ КАВКАЗА
ПО ПОВОДУ ВОЗЗВАНИЯ ПОЛКОВНИКА РОЛАНДСОНА-

Союзным Меджлисом Горцев Кавказа подан Верховному Комиссару Великобритании на Кавказе Оливеру Уодропу следующий протест:

Представитель английской миссии при генерале Деникине, полковник Роландсон, обратился к населению Республики Союза Горцев Кавказа с воззванием следующего содержания:

„Я, представитель английской миссии при генерале Дени-

кине, полковник Роландсон, обращаюсь к представителям Ингушетии, Чечни и Дагестана и говорю:

„Правительство Англии поддерживает генерала Деникина и его цели: Великая Неделимая Россия и широкое самоуправление горских народов.

Вы не должны думать, что Англия вывела свои войска из Тифлиса и Баку потому, что она против Деникина.

Выгнав из Закавказья немцев и турок, Англия, исполнив свою задачу, отвела свои войска.

Представитель Англии в Закавказье 4-го августа н. ст. объявил, что в Дагестане право водворить порядок принадлежит генералу Деникину, и что должны помогать Деникину в его борьбе с большевиками, иначе Англия будет смотреть на это, как на акт недоброжелательства к союзникам. Однако, точно установлено, что и сторонние элементы поддерживали восстание, поднятое большевиками в Дагестане и Чечне.

Английская миссия хорошо знает, что восстание горцев не есть национальное движение, а большевистское и вызвано отдельными лицами, преследующими личные цели; большевики Гикало и Шерипов имеют связь с Астраханью и тамошними большевиками, против которых тысячи здравомыслящих горцев теперь воюют в рядах войск Деникина.

Англия помогает Деникину снаряжением, танками, аэропланами, пушками, пулеметами и будет помогать до исполнения Деникиным его цели.

Англия дала для этого своих инструкторов.

Будет очень жалко, если придется обратить это оружие против горцев, и их аулы будут разрушены. Англия знает, что виновны в восстании отдельные лица, а не все.

Одураченные люди до сих пор верят обещаниям большевиков, но большевики никогда не держали своего слова и не исполнили ни одного обещания.

Конец большевикам близок, так как войска Деникина в 300 верстах от Москвы. Нет сомнения, что Россия, очищенная огнем и кровью, станет Великой и Неделимой.

Она тогда справедливо воздаст тем, кто помогал ее возрождению, а те, кто мешал этому, будут наказаны.

Я прошу Вас передать это Вашим народам и распространить среди всех.

Полковник Английской службы *Роландсон*.

Сентябрь 1919 г.

Ознакомившись с приведенным документом, Союзный Меджлис считает своим неперменным долгом выразить перед Вашим Превосходительством чувство глубокого недоумения по поводу совершенно недопустимого и некорректного с точки зрения международной этики поступка представителя английской миссии по отношению к горским народам в момент величайшего напряжения их сил в борьбе за национальное освобождение и государственную независимость, в борьбе не во имя торжества чуждых горцам лозунгов русского большевизма, а единственно во имя тех высоких принципов и прав угнетенных народов на распоряжение по своему усмотрению своими судьбами, которые были неоднократно провозглашаемы, как во время войны, так и после нея ответственными государственными деятелями Великобритании и других держав Антанты, во имя которых боролись эти державы и которые легли в самую основу работы Парижской и Мирной Конференции.

В своем воззвании полковник Роландсон находит возможным говорить не только от имени Великобритании, но он присвоил себе право выступать и от имени других Союзных Держав и даже от имени России и генерала Деникина.

Мало того, названный британский офицер не останавливается перед прямыми угрозами английскими инструкторами, танками, аэропланами, пушками и пулеметами по адресу горских народов и их аулов, которые уже не раз разрушались генералом Деникиным при помощи, может быть, того же английского оружия.

Полковник Роландсон откровенно говорит, что Россия должна быть великой и неделимой, предвосхищая и предрешая, таким образом, решение Парижской Мирной Конференции относительно назависимого существования государственных новообразований на территория бывшей Российской Империи, и не только Горской Республики, но и всех остальных Республик Закавказья, Прибалтики, Финляндии, Польши, Украины и Литвы.

Полковник Роландсон, от имени английской миссии и за ответственностью этой миссии за правильность сообщаемого, утверждает, „что восстание горцев есть не национальное движение, а большевистское“. Между тем полковнику Роландсону более, чем всякому другому англичанину, должны быть известны характер и цели настоящего движения в горах, так как названный офицер во время господства на Северном

Кавказе большевиков находился осенью прошлого 1918 г. вместе с другими английскими представителями в г. Владикавказе и только благодаря энергичному, с оружием в руках, вмешательству ингушей (ингуши, защищая англичан, вступили даже в бой с бронированным автомобилем большевиков) и других представителей горских народов в этом городе, английской миссии была сохранена жизнь, а сам полковник Роландсон имел возможность при помощи тех же ингушей устроить свой побег из большевитского плена. Равным образом полковник Роландсон состоял представителем английского командования при Правительстве Республики Союза Горцев Кавказа и пользовался у последнего таким высоким доверием, что был облечен званием Главнокомандующего всеми горскими вооруженными силами. Наконец, начальник полковника Роландсона, генерал Томсон, официальным письмом благодарил ингушей за оказанное ими английской миссии содействие и гостеприимство и признал, что горцы никогда не были большевиками.

Обвинение горцев в большевизме является старым и излюбленным приемом генерала Деникина, чтобы оправдать свою агрессивность и бросить тень на стремление горцев к национальному самоопределению и государственной независимости. Усвоение же этого ошибочного взгляда английским офицером и открытое обвинение, брошенное им в лицо горским народам, указывает, по мнению Союзного Меджлиса, на то, что полковник Роландсон, являющийся членом английской миссии при генерале Деникине, не обладает должным беспристрастием и находится вполне во власти одностороннего враждебного горцам влияния реакционных кругов добровольческой армии.

В виду вышеизложенного, а также полагая, что выступление полковника английской службы Роландсона и открытое вмешательство его в борьбу Горских Народов Кавказа с реакционными силами России, имея при этом явно в виду ослабить своей угрозой английским оружием силу сопротивления горцев не может содействовать поднятию и укреплению престижа и авторитета Соединенного Королевства среди народов Кавказа, Союзный Меджлис просит Ваше Превосходительство довести до сведения Британского Правительства в Лондон о чувстве глубокого негодования горских народов по

поводу совершенно недопустимого воззвания полковника Роландсона к населению Северо-Кавказской Республики*.

Что же касается позиции Закавказских Республик в борьбе горцев и в частности Дагестана против добровольцев, то Мусават и меньшевики играли приблизительно ту же политику в отношении нас, какую Антанта играла в отношении доброармии. Им хотелось, чтобы на Северном Кавказе и на горской территории была непрерывная война, дабы под шумок за спиной у горских народов спокойно заниматься своими делами. Победа доброармии для них означала начало их конца, победа горцев и в частности восставшего Дагестана приблизительно тоже самое, т.к. Дагестан тогда становился базой большевизма и советской власти, которая не преминула бы оттуда взорвать все карточные домики меньшевиков и Мусавата. Поэтому лучшей политикой считалось натравливание „до бесконечности“. Этим обстоятельством только и объясняется та помощь грошами в микроскопическом количестве, какую уделяли восставшим горцам Грузия и Азербайджан. Посылкой нескольких тысяч патрон, сотни гранат, одной пушки и нескольких полуиспорченных пулеметов, Грузия поднимала с одной стороны дух восставших, во-вторых свое реноме перед горцами, в третьих затягивалась драка, а в итоге—Закавказье в выигрыше. Азербайджан и Мусават усвоили другой метод. Они решили чужими руками загрести жар и овладеть самим дагестанским движением. Исходя из тех же меньшевистских соображений, что победа горцев Дагестана означает победу большевиков и советской власти, Мусават решил быть хитрее и умнее, чем на то был способен и прыгнуть выше своих пятков. Он думал, что там, где участники насчитываются миллионами, события можно повернуть вспять различными политическими комбинациями и в частности отдельными личностями, как Нури Паша. Мусават решил руками Нури Паши захватить дагестанское движение, грозящее стать большевистским плацдармом для будущего взрыва меньшевизма и Мусавата. К тому же одно чрезвычайно важное обстоятельство помо-

* Газета „Вольный Горец“ от 27 октября 1919 г. № 7.

гло тут планам Мусавата. Нури Паша, только что бежавший из английского „плена“ и появившийся в Азербайджане, вел себя чрезвычайно радикально. Во-первых появление его было конспиративное и замаскированное от Антанты, которую он якобы ненавидел, во-вторых суждения у него были почти революционные и при этом все симпатии его были на стороне большевизма. У него появилась тенденция связаться даже и с самими большевиками. В таких случаях на ловца и зверь бежит. И завязались у дагестанских большевистских руководителей с согласия Краевого Комитета Партии переговоры с Нури Пашей, в частности относительно поездки в Дагестан для руководства военными силами. Этим имелось в виду с одной стороны использовать опыт и авторитет Нури Паши в военных действиях, а во-вторых через него взять в руки турецкого авантюриста Кязим-Бека и его сотрудников, которые, занимая командные высоты на фронте, проявляли нежелание считаться с большевистской частью Совета Оборон. Кязим-Бек же был командирован еще вначале восстания Горским Меджлисом. Его нашли, кажется, где то в Зангезуре или Карабахе и рекомендовали, как головореза, офицера турецкой службы, ищущего после разгрома Турции приключений на Кавказе. Проявляя отчаянную решительность, быстроту в действиях, повесив на первых же порах несколько контрреволюционеров кулаков сторонников Деникина и тем заручившись поддержкой и левых элементов, он оказался „баши комендантом“ т.е. главнокомандующим в Дагестане, а получив это звание использовал положение уже согласно своим тенденциям, стараясь не считаться с большевиками и наоборот особо осторожно ведя себя, „по сыновьему“, с Али Хаджи, которого называл отцом. Это обстоятельство несколько мешало Дагестанскому комитету большевиков большевизации повстанческого движения и потому было дано согласие на приезд Нури Паши. На самом же деле получилось, что Нури Паша имел один мандат Совета Оборон, официально его приглашавшего, и неофициальный от Мусавата. Но где тонко, там и рвется и игра Нури Паши скоро открылась. По его стопам, но уже в более ши-

роком масштабе и позже пошел и Энвер Паша, брат Нури, но только еще неудачнее. Казалось, опыт с Нури должен был научить нас не носиться с Энвером, как с писаной торбой, особенно в Баку на с'езде народов востока. Правда, в Туркестане узел его все таки развязался. Почти такую же развязку нашел в 1919 году и Нури Паша. Каким „большевиком“ представлялся сначала Нури Паша можно видеть из приводимого ниже обращения Совета Обороны к массам, написанного рукой тов. Коркмасова и подписанного Нури Пашей, как командующим антидобровольческим горским фронтом:

„Война, которую Вы ведете с Деникиным, есть борьба против контрреволюции. Победа Деникина означает торжество контрреволюции и возвращение старого николаевского режима, когда помещики, князья и капиталисты господствовали над трудящимся народом, когда малые народы были лишены всякого права самостоятельно устраивать свою жизнь, когда Ваша религия, шариат всячески преследовалась. Ваша победа над контрреволюцией в лице Деникина будет означать для Вас начало новой жизни, когда Вы можете устраивать свою жизнь согласно Вашей воле, когда земля и власть будут принадлежать трудящемуся народу. Славная Красная Армия, победоноснодвигающаяся на юг, взяв Ростов, Царицын, спешит к Вам на помощь против общего врага. Для своего блага, для блага Ваших детей, Вы должны приложить все свои усилия, чтобы сломить упорство врага; для этого Вам предстоит приложить не меньше старания в тылу, чем на фронте. В интересах лучшего ведения всех дел тыла и фронта Совет обороны отправляет национальных уполномоченных для организации власти на местах. Все трудящиеся, все друзья народа призываются приступить к немедленным выборам советов; все контр-революционеры, князья и приверженцы старого режима лишаются права выбирать в советы. В новой жизни, основанной на труде, в новой организации, представляющей власть трудящихся и бедных, заключается спасение таких малых народов, как Вы. В своей борьбе против мирового империализма Вы не одни: восставшие народы порабожденного мусульманского Востока—Турции, Индии, Афганистана, Египта и Африки борются против того-же мирового империализма, которому, в лице Деникина, наносит сокрушительные удары Красная Армия советской России.

Совет Оборон Северного Кавказа, являясь единственным полномочным революционным органом власти, призывает Вас тесно сплотить свои ряды вокруг его местных органов для того, чтобы успешно вести войну на фронтах и вместе с тем освободиться от ига местных контрреволюционеров—агентов Деникина“.

Совет Оборон Северного Кавказа.

Командующий фронтом Северного Кавказа *Нури*.

Что же оставалось делать после такой декларации Дагестанскому Комитету, как ни взять этого человека, заключив с ним, так сказать „деловой контакт“ второго издания. К тому же в тот момент важна была победа вообще на антидобровольческом фронте, а ко времени победы предполагалось, что мы сумеем подготовить и советизацию Дагестана. В этом отношении сомнений не было, ибо политическая обстановка считалась обеспеченной. Сначала Кязим—Бек испугался нового назначения Нури, дал отбой и стал „нежней“ к большевикам, но когда увидел, что большевиков этим не проведешь, „снюхался“ с Нури Пашой и как будто успокоился, перейдя с должности главковерха на должность командующего Темир-Хан-Шуринским фронтом. После этого он стал держать себя еще более развязно с Советом Оборон, который возглавлялся уже большевиками. Нури, как опытный дипломат и главковерх, старался держаться выше всяких разногласий, думая занять в последний момент положение супер-арбитра. Но симпатии его, прежде завуалированные, стали тоже проявляться и в итоге создалась натянутость и с ним. Эти перебои отношений в верхах между большевиками и турками отражались на взаимоотношениях низов, как на фронте, так и в тылу, и служили поводом к их обострению.

Отношения горцев Кавказа к Турции, платонически всегда теплые, всякий раз при соприкосновении с турками охлаждались до точек замерзания. Так было в 1918 году, когда турецкие кадры, комплектуя у нас из Дагестанских горцев боевые части, пытались применять такие методы командования, как плетка, палка и методы устрашения, совсем не подходившие к психологии горца, для которого смерть кажется блаженством по сравнению с позором.

Получить удар палкой или плетью — это позор, который ни один горец, уважающий себя, не должен перенести, не смыв его кровью. Религиозная же публика была разочарована полным отсутствием у турок того религиозного „ража“, который горцы по своей наивности, приписывали сынам Османской Империи.

Вообще весь склад турецкого аскера, возникшего на режиме деспотизма, извивающегося перед начальством, ничего святого не имеющего, кроме приказа своего начальства и легкого авантюризма в „варварской“ стране — совершенно не подходил к быту, психологии и понятиям кавказского горца. После разочарования дагестанцев в турках в 1918 году только сильная нужда в командном составе заставила их пойти под новое ярмо турок в 1919 году, но опять старое непонимание моментально воскресло, и, несмотря на внешний фронт и нежелание внутри создавать склоку, были моменты, когда партизаны не выдерживали турецкого обращения. На Манасском фронте дело дошло до того, что один турецкий офицер, кажется Осман Нури, побрил ус одному партизану за какую-то его оплошность или неисполнение приказа. Это совсем взорвало партизан. Если у турок на первом плане было исполнение приказа, то у горцев это место занимало сознание собственного достоинства, а уж потом приказ и пр. За вину можно повесить, расстрелять, посадить в тюрьму — это будет понятно массам, но побрить ус — этого горская традиция не допускала. Осман Нури был своей же частью арестован, но кажется на этот раз ускользнул от кары.

Так что отношения партизан, — особенно большевицки настроенных, — с турецким командованием желали быть много лучшими. А тут еще внезапное охлаждение Али Хаджи к туркам, в которых он стал видеть угрозу фанатизму и религиозным началам дагестанцев. Эти обстоятельства, может против желания и самого Али Хаджи, тоже лили воду на большевицкую мельницу. А все вместе взятое, шаг за шагом, день за днем отдаляя большевиков и их приверженцев с одной стороны, турок и загипнотизированные ими группы с другой, к весне 1920 года вырыло между ними целую про-

пасть, через которую уже нельзя протянуть друг другу руку. Победа в борьбе за влияние на массы ясно склонялась в сторону большевиков. Попутно же шла и борьба за симпатии „первосвященника“ Али Хаджи, которого обе стороны старались завоевать. У старика же была всегда своя линия, которая правда с 1917 года была в „плёну“ сначала у социалистической группы, а потом, после вхождения группы в РКП, у большевиков.

Идея старика состояла в том, чтобы дать крестьянину в мирной мелко-буржуазной обстановке возможность удовлетворять свои протребности трудом и торговлей с тем расчетом, чтобы в балансе крестьянского хозяйства нашли бы отражение и такие статьи расхода, как „спасение душ“, поддержание „святых отцов“ и проч. Его лозунгом было: максимум шариата! Вот все несложное мирозерцание знаменитого старика и Шейх уль Ислама.

Али Хаджи из сел. Акуша Даргинского округа, глубокий старик, один из полдюжины даргинских шейхов, наиболее почитаемый за свою седину, смирение и ученость, в лице которого, по словам горцев, светится „нур“—свет, (т. к. Али Хаджи в пример крестьянам никогда в своей жизни не был под полящими лучами солнца ни на своей, ни на общественно-крестьянской работе, а сидел в мечети, или у себя дома, над „священными“ арабскими книгами)—был приобщен к революционным событиям и выдвинут на арену политической борьбы в 1917 году социалистической группой и противопоставлен ею Нажмуддину Гоцинскому. Так как массы, тогда еще находившиеся под влиянием духовенства, бессознательно тянулись к шариату, то был брошен лозунг: если шариат—так мирный, Али Хаджинский, а не помещечий, контрреволюционный шариат Гоцинского. Али Хаджи не протестовал против своего выдвижения и осудил Гоцинского за его „не шариатские“ выходки. Цель была достигнута. В 1918 году Али Хаджи не дал ни одного человека контрреволюционерам против большевиков, и не пропустил полчищ Узуна Хаджи, идущих против советской власти через Даргинский округ, лично выехав в аул Цудахар и создав туда же все даргинские общества.

В 1919 году он выступил против добровольцев совместно с большевиками, испугавшись за участь шарната, но увидев, что прибывшие на помощь турки, вопреки ожиданиям, вовсе, не фанатики и представляют не меньшую опасность для шарната, чем казаки, и что путем соглашения с казаками можно выговорить право на существование шарната, а также необходимый для крестьян мир с последующей затем и мелкой торговлей, он не выдержал и пытался связаться с командованием Доброармии с целью завязать переговоры и кончить восстание на почетных для шарната условиях. Это был момент, когда он захотел уйти от плена большевиков, но твердость последних и заявление Совета Оборон, возглавляемого большевиками, что в данном случае он только один из членов Совета Оборон, который не уполномочен заключать мир, разбила его мечту о шарнате для духовенства, о мире и мелкой торговле для крестьян, а главное для окружающих его акушинских лавочников, под сильным влиянием которых он все время был и у которых он главным образом инспирировался в тяжелые моменты жизни.

Переговоры эти относятся примерно к Ноябрью—Декабрю месяцам 1919 г. Обеспокоенный растущим влиянием на массы с одной стороны большевиков, а с другой турок и не видя ни откуда спасения для шарната, старик на момент переметнулся в сторону казачков.

Одного из своих мюридов из сел. Параула, Узунай Хаджи, он посылает в Темир-Хан-Шуру к правителю Дагестана со следующим письмом.

„Я, как духовное лицо и как Шейх-уль-Ислам, обязан быть на страже интересов шарната и религии. Если Вы хотите заключить со мной союз при условии гарантии неприкосновенности религии и шарната, то я готов“.

А сам Узунай Хаджи, спрошенный Дебировым лично о том, как решился Али Хаджи на таковой шаг, заявил, что Али Хаджи боится как бы турки, оставшись в Дагестане продолжительное время, не отучили дагестанцев от молитвы и не отвратили их от шарната. Во избежание этого он хочет выдворить турок, прекратить

войну с казаками и заключить мир, надеясь, что последние не будут вмешиваться в религию и шарият и не смогут служить дурным примером атеизма для дагестанских масс. Обрадованное таким предложением Али Хаджи добровольческое командование живо откликнулось на него, изъявив согласие на переговоры. Был назначен даже пункт для свидания обеих сторон, но, к счастью, к условленному месту, в н. Дженгутай, прибыли только представители Добровольческой армии, которые послали Али Хаджи следующее письмо:

„В виду того, что Вы посылали через своих представителей нам приглашение, мы прибыли в сел. Н. Дженгутай, но Ваши представители не прибыли и поэтому мы возвращаемся в Шуру. Неисполнение Вашего обещания мы не считаем за перерыв переговоров, так как мы знаем хорошо, что Вы хотите мирного улажения войны.

Как мы полагаем, вы пришлите еще своих представителей и мы также еще приедем. Наше прибытие сюда является доказательством, что мы противники напрасного пролития крови. Если соглашение не состоится по причине происков некоторой партии людей, находящихся около Вас, эти люди будут нести ответственность за последствия перед богом и людьми“.

А в „Дагестанских Областных Ведомостях“ от 26 января 1919 г. за № 4 мы находим по этому поводу следующее сообщение, подтверждающее факт переговоров:

„21 января Дагест. Правит., с разрешения высшего командования, послало делегацию, во главе начальника Штаба Правителя Полковника Каблицкого, в сел. Н. Дженгутай для мирных переговоров с представителями Али Хаджи, изъявившего готовность к установлению мира. Однако, представители Али Хаджи не прибыли на эти переговоры. Наша делегация отправилась на имя Али Хаджи письменное заявление, что, несмотря на то, что он не прислал делегатов, наше командование, во избежание лишнего кровопролития, не отказывается от своего намерения придти к мирному соглашению. Но если мир не будет заключен благодаря проискам отдельных лиц, то ответственность за последствия дальнейшей вооруженной борьбы падет на головы виновников“(?).

Но, как мы говорили выше, большевики помешали Али Хад-

жи реализовать свое желание пойти на мировую с казаками несмотря на ряд довольно решительных шагов со стороны упрямого старика. Так, например, к моменту этих переговоров он делает распоряжение прекратить военные действия против добровольцев и пишет по этому поводу комиссару Даргинского округа Осману Османову следующее письмо:

„Довожу до Вашего сведения: в эти дни не должно быть ни войны, ни наступления на Т.-Х.-Шуру. Враг, добиваясь мира, посылает своих представителей и останавливает войну. Мы тоже отправляем к нему своих представителей и до их возвращения мы должны потерпеть, остановив войну“. Подпись Шейх Ислама *Али Хаджи* из Акуши.

Почти аналогичное письмо пишет он в это же время и к Коркмасову:

„Враг, добиваясь мира с нами, послал нам своего представителя. Я этого представителя послал к Нури—Паше, последний поговорит с ним и об условиях, при которых возможно мирное соглашение. Если только враг согласится с нашими требованиями, то мы заключим мир.

Причинами начатия переговоров о мире является то, что войска наши страдают вследствие недостатка пищи, теплой одежды и от холода. Я слышал, что ты препятствуешь отправлению наших представителей для переговоров. Это вещь недопустимая. Не мешай, пусть отправляются. Если они найдут подходящим для нас—подпишут этот договор о мире, если нет, то мира не будет“. Подпись *Али Хаджи* из Акуши.

Узнав обо всем этом Совет Обороны поставил вопрос на свое обсуждение и вынес следующее постановление.

„Совет Обороны, обсудив вопрос о мирном соглашении с врагом, постановил: с добровольцами ни в какие переговоры о мире не вступать и представителей не посылать. Этому причиной нижеследующее: 1) Если мы войдем в соглашение с добровольческой армией, то нарушим наш договор с русской большевистской властью кроме того свобода дагестанской бедноты будет отнята. 2) Входя в соглашение с добровольческими войсками нам придется вести дружественные отношения с нашим врагом Деникиным и с англичанами и этим самым мы явемся изменниками перед теми народами которые боятся за свободу“. Подпись: Председатель *С. Казбеков*.

А к Али Хаджи была послана отдельная бумага следующего содержания:

„Шейх-уль Исламу Али Хаджи. Мы слышали, что Вы хотите добиться соглашения между дагестанцами и добровольцами, кроме того слышали, что это соглашения желают также Ибрагим Хаджи (из Кучра) и Казимбек.

Не знаем, правда ли все это, но во всяком случае ни Ибрагим Хаджи, ни Нури Паша, ни Казимбек не имеют права входить в соглашение прежде обсуждения вопроса совместно с правительственными органами (Советом Оборона). Если же Вы хотите пойти на мир, то Вы обязаны обсудить этот вопрос с нашей избранной властью (Советом Оборона) и изложить ваши доводы и условия, при которых считаете возможным этот мир. Вы же состоите членом Совета Оборона. Исходя из желания заключения мира нескольких личностей с общим народным врагом, нельзя заключать этого мира. В таком случае враг вправе думать, что у дагестанского народа безвластие и анархия. Поэтому Вы помимо нашей власти самостоятельно от себя ответа о мире не давайте“. Председатель Совета Оборона *Казбеков*.

Видя свое бессилие изменить слагающуюся обстановку путем внешней добровольческой силы, Али Хаджи принимает все меры к тому, чтобы хоть „домашними средствами“ сохранить чистоту шариата. Совету Оборона он пишет по этому поводу письмо следующего содержания:

„До меня дошли слухи, что Вы тех из людей войск наших служащих, которые обмануты вашими обещаниями, зачисляется в красную армию, повязав им руки красными кумачевыми лоскутами. Вы чему служите—исламу, или же Вы хотите установить учение большевиков. По этому поводу я Вам писал и раньше, я взял гарантию от большевиков, что они не будут вмешиваться в наши дела. Я написал Казимбеку о том, чтобы он отнимал и бросал большевистские знаки. Ему и другим напишите также и Вы приказ“. Подпись *Али Хаджи* из Акуши.

В том же духе примерно составлена и декларация—обращение Али Хаджи ко всем органам Совета Оборона:

„Вы знаете, пишет он, нашей целью является установление нашей мусульманской нации и наших религиозных основ. Наш долг положить лепту своих трудов в этом направлении. Меж-

ду нами и большевиками нет вражды, но ни в коем случае нам, мусульманам, нельзя придерживаться их законов, противных нашему шариату. Мы с большевиками заключаем союз при условии некасательства к нашей религии. Они нам будут помогать в охране наших религиозных интересов. Когда дела обстоят так, какова же Ваша цель? Вы хотите вводить большевистские законы! От Вас исходят такие дела, которых я никогда от Вас не ожидал. Вот условия, принятые между нами и большевиками, переданные нам устами тов. Кормасова: Дагестанцы мусульмане, откол от шариатских законов—невозможная вещь. Напишите скорее ответ. 24 февраля 1920 г.". Подпись *Али Хаджи из Акуши*.

Совет Оборон, получив такую бумагу, дипломатично успокоил старика, не желая открывать внутреннего фронта—имея впереди такого заклятого врага, как добровольцы. Он сообщил Али Хаджи что Совет Оборон Сев. Кавказа работает не для распространения большевизма, что его целью является очищение Северного Кавказа от народного врага.

Казим-бек же, ободренный таким настроением Али Хаджи, со своей стороны вздумал угрожать Совету Оборон и прислал следующее сообщение:

„Я получил следующее известие: Вы подняли красное знамя! Что это такое?. В Дагестане не подымется другого знамени, кроме дагестанского. Немедленно выбросьте все красные значки, нашитые на рукавах мусульманских войск. Если это течение не будет быстро ликвидировано, то нет сомнения, что кровь прольется. Нужен ответ“. Командующий Т.-Х.-Шуринским фронтом *Кязим-бек*“.

Но как раз к этому времени до Совета Оборон стали доходить сведения, что Кязим бек сам ведет тайно переговоры с добровольцами и ему была послана бумага следующего содержания:

„Командующему Т.-Х.-Шуринским фронтом, Кязим-бею. Относительно вверенного Вам фронта до нас доходят разные слухи. В виду этого мы Вас приглашаем в Леваши на сегодняшнее вечернее заседание Совета Оборон для дачи подробных объяснений по этому поводу. Просим быть в Левахах в назначенное время“. Подпись: Председатель Совета Оборон *Казбеков*.

Но, готовясь к худшему, одновременно с вызовом Кязим бея Дагестанский Комитет большевиков, руководивший Советом Оборона, посылать письмо командиру партизанского конного отряда т. Гамиду Далгат следующего содержания:

„Завтра 6 марта решительный день. Кязим все подготовил. Мы перехватили письма, в которых он окончательно договаривается с купчинцами и др. сволочью. План такой: арестовать всех нас (в частности добирается до тебя и очень о тебе „беспокоится“) и перевешать, а там видно будет, как быть. Сегодня к нему приехало в Урму 20—30 купчинцев. В Магометовском отряде (хаджал-махинца) раскол: несколько человек пришли сюда, остальные колеблются. Завтра 6 марта Кязима вызывает в Левашу Совет Оборона и день решительный.—После обеда ты должен быть со всем отрядом в Левашах. Если тебя не будет, мы поплатимся головами и дело все погибнет. От имени всего Комитета совместно с Джелалом требуем, чтобы ты, не считаясь с усталостью людей и лошадей, прибыл завтра 6 марта после обеда в Левашу. Подходить должен в боевом порядке и прислать вперед разведку.

Борис (Шебалдаев).

Левашу 5 марта—20 г. в 9 час. вечера.

P.S. Возвращаясь в Левашу немедленно оттуда, где тебе будет вручено письмо *Борис, М. Далгат, Джелал*.

Но отряд прибыть не смог и опасение Дагестанского Комитета (б.) сбылись.

Поняв, что его игра раскрыта и что надо идти ва-банк Кязим-бек, повидимому не без ведома Нури Паши, решается на удар по большевистской части Совета Оборона. В начале марта 1920 г. надежный отряд из преданных Кязим-бею лиц ночью входит в Левашу, ставку Совета Оборона, переаристовывает почти всю голову большевиков, находящихся в Левашах в лице: Коркмасова, Дударова, Ахундова и др., гонит их в штаб Кязим-бея в сел. Урму и по дороге зверских убивает Председателя Совета Оборона Султан-Саида Казбекова.

Но при известиях об этом взволновалось все кругом. С одной стороны фронт, с другой тыл, в том числе и сам Али Хаджи. От Али Хаджи и Совета Оборона пошло в Урму требование об

освобождении, а Алибек Богатырев, снявший свой отряд с фронта, оказался под Урмою с требованием немедленно освободить арестованных или принять войну и бой. Кязим Бек, зная Богатырева, его решительность и смелость, граничащие с безрассудством с одной стороны, а с другой почувствовав, что им плохо учтено настроение масс, вынужден был подчиниться и освободить оставшихся в живых товарищей, а вместе с этим актом и вычеркнуть себя из списка участников дагестанского восстания. К тому же к этому времени пошли разговоры и о том, что у Кязима связи с добровольцами и пр. Чувствуя, что ему не сдобровать, Кязим снимает с фронта почти всю артиллерию, пулеметы и с отрядом преданных людей уходит в Леваши, а затем в Кака-Махи, распустив одновременно слух, что он меняет только позиции. Но все было шито белыми нитками. Обманывать было уже некого. Ясно стало, что Кязим-бек по старому принципу „после нас хоть потоп“ хотел прорыва фронта добровольцами. Организовали погоню и стали окружать его в ауле Кака-Махи. Однако, отчаянность авантюриста спасла его и на этот раз и Кязим, сбросивши несколько бомб с крыши дома, где остановился, на коне, со своими приверженцами,—такими же авантюристами из офицеров турок,—вырвался из беспорядочного кольца осаждавших его и удрал, оставив на месте несколько убитых товарищей, и с тех пор исчез из Дагестана так же незаметно, как и появился.

Нури Паша, прибывший с Дербентского фронта, где он был повидимому дипломатично во время всей этой истории, конечно осудил Кязима, хотя Кязим говорил, что он производил арест по распоряжению Нури. Это не помешало Совету Оборона лишить его звания главнокомандующего и предложить ему немедленно покинуть пределы Дагестана. Но тогда и самому Нури стало ясно, что с дагестанцами и большевиками ему мусаватской каши не сворить и что лучше по добру по здорову ретироваться, тем более, что и про него не без основания стали ходить слухи о связях с добровольцами и о предположительных комбинациях. Так под облагвидным предлогом уехал и Нури, чтобы более не возвращаться

к „большевизировавшимся“ дагестанцам, а вместе с ним были похоронены и последние попытки Мусавата создать живую завесу из дагестанских горцев для защиты Азербайджанских нефтяных буржуа не только от добровольцев, но и от уже побеждающих их большевиков.

Дагестанский крестьянин, вступивший в революцию младенцем, которого все Неизвестное пугало, пройдя шаг за шагом все революционные этапы, начиная с борьбы с шариятским блоком и помещиками в 1917 году, с диктатуры Тарковского и Бичераховщины в 1918-ом, испытал сладость добровольцев и турок в 1919 году, уже к 1920-му году был достаточно политически мудр, чтобы пуститься на какую-либо политическую авантюру. Он уже отрезвел от опьянения шариадом и жил не только фантазиями от хабаров, несущихся к нему по беспроволочному телеграфу народной молвы, — до его слуха стали долетать удары твердого большевистского молота, так знакомые ему по его собственной жизни, говорящие о жестокой правде жизни и о борьбе за существование, которую шейхи и муллы старались вытеснить из его головы, направляя его мысль в „вечность“ и твердя каждодневно: „Ей, человек! Не продавай вечность за этот бранный мир, думай о том свете. Все лишения твои и бедствия на этом свете — только испытания, и потому смирись, ибо ты будешь вознагражден за все на том, где богатые будут мучиться, а бедных ласкать гурии“. Большевики же говорили ему: „В лучшем случае неизвестно, что будет „там“ если только ты не хочешь верить, что там ничего нет. Одно только ясно: не упускай радости жизни во имя неопределенного будущего. Пока живешь, борись. „Пролетарии всех стран, соединяйтесь“, облегчайте свою жизнь сами, так как никто за Вас не выйдет в бой. Помните, что жизнь есть борьба и каждая группа и класс, в том числе и шейхи и духовенство, прежде всего думают о своем желудке, а потом уж, для отвода глаз, о желудке другого. Никто из духовенства не умер с голода, — такого случая не было и не было, в то время, как сотни и миллионы во всем мире умирают от голода, от холода и нищеты и в первую очередь

вымирают поработанные европейцами народы Востока, а вместе с ними и Вы, несчастные, невежественные, наивные столетние дети кавказских гор“.

И, как логический вывод из этой большевистской „проповеди“, после бегства всех авантюристов антидобровольческий фронт в Дагестане вновь оживился, спаянный бодростью и надеждой на скорую победу и выручку приближающихся красных армий первого в мире пролетарского государства. Еще одно после девятимесячной страды напряжение—и города Петровск, Шура и Дербент очищаются от добровольческих частей, которые, будучи сброшены в море весной 20 года, ищут и находят приют у тех же братьев—мусульман, мусаватских нефтяников Азербайджана. А еще несколько дней борьбы и жизни—и подлинное братство народов скрепляется на Каспийской равнине крепкими пожатиями мозолистых рук дагестанского красного партизана, на время боев бросившего свой плуг, и русского рабочего, пришедшего на Кавказ под красным стягом социальной революции и труда*.

* О встрече партизан Дагестана с Красной Армией см. Приложение: „Правда Единения и Свободы“.

ПОСЛЕДНЯЯ СХВАТКА.

Но радость первой встречи с прибывшей на помощь Красной армией длилось не долго. Над мирным трудом измученного гражданской войной горца Дагестана вновь нависли грозовые тучи. Контрреволюция, разбитая в своих надеждах, по физически не уничтоженная, стерегла дагестанские горы, желая воспользоваться удобным случаем, чтобы вновь нарушить мирную жизнь и покой бедняка. Мы, отчасти, помогли ей в этом. Молодая Советская власть в Дагестане оказалась под напором уже отживших себя и свое время, но продолжающих еще действовать циркуляров и положений эпохи военного коммунизма. Горец, который, борясь со всяческой контрреволюцией у себя, мечтал о Советской власти и ждал от нее награды и мира, вдруг очутился в окружении просто агентов и чрезвычайных агентов Упродкома, Губпродкома и др. организаций. Несмотря на протесты местных работников, люди с аршинными мандатами от централизованных учреждений, вроде Наркомпрода, делали свое, по существу контрреволюционное, дело. Начался учет кур, яиц, масла. Приступили к национализации горских мельниц величиной в хороший кулак и т. д. и т. д. „Куриная власть“, а не Советская, говорили крестьяне. Ко всему этому еще не совсем осторожные действия других органов власти—и антисоветская обстановка была готова.

Районы и округа, которые за время революции подверглись большой политической обработке и за время гражданской войны связали свои судьбы с Советской властью, сумели в себе переварить и тяжесть нового режима. Они понимали, что им не к кому

апеллировать, кроме как к самой Советской власти, которую они же сами с оружием в руках установили, что жалобы их на сторону могли вызвать разве только насмешки со стороны контрреволюционных элементов.

Иное настроение росло в районах более отдаленных, где не было достаточно политической работы и потому не оказалось и устойчивого сознания у самих масс.

Этими нашими ошибками и таким настроением более темных и отдаленных районов Гунибского, Андийского и Аварского округов и воспользовалась контрреволюция, чтобы разжечь пламя восстания против Советской власти. „Имам“ Гоцинский, полковник Кайтмас Алиханов и их сподвижники, частью скрывавшиеся в горах, частью после разгрома Доброармии эмигрировавшие в Закавказье к грузинским меньшевикам, почуяв добычу, заметно оживились. Но, будучи бессильны без посторонней внешней помощи что либо предпринять, они естественно, схватились за протянутую руку грузинских меньшевиков, действовавших в свою очередь опираясь на Антанту. А, так как для каждого движения, даже контрреволюционного, нужен хоть кусочек идеологии, то нашлись идеологи и нового антисоветского движения.

В то время, как дагестанский горец в муках пытался создать новую жизнь без господ, основанную на труде, люди то считавшиеся одними из лучших горских интеллигентов, уйдя и оторвавшись от родивших их масс, из теплых номеров дипломатической гостиницы „Ориант“ в Тифлисе повели преступнейшую агитацию против Советской власти в горах. Когда даже такой заядлый и ограниченный фанатик, как Узун Хаджи, создав организацию, которая по своей форме могла разве вызвать только нашу улыбку,* боролся ни на живот, а на смерть с добровольцами, понимая, что вне действительной, реальной работы нет выхода из положения, горские „демократические“ интеллигенты занимались пустыми декларациями и игрою в демократические бирюльки.

* Ноту правительства Узун—Хаджи к Грузинскому пр-ву см. Приложение. О государстве Узуна—Хаджи см. Костерин: „В горах Кавказа 1919—20 год“.

Ахмед Цаликов и Гайдар Бамматов, от имени несуществующих горских организаций как то: „Социал-демократич. Республики Союза Горцев Северного Кавказа“ и „независимых социалистов“ той же Республики, в 1920 году в Тифлисе обратились к социалистической делегации II Интернационала, прибывшей в Грузию для осмотра этого опытного участка мирового меньшевизма, с просьбой помочь горским народам сбросить с себя „иго“ Советской власти.

„Мы, социалистический авангард горских народов,—пишут они в своем обращении,—отражая интересы трудовых масс, считаем своей исторической задачей оформить этот стихийный процесс освободительного движения горских народов на основах последовательного демократизма, но в предвидении социализма, этой ближайшей мировой задачи нашей эпохи... и потому... борьбу за независимую (от кого?) демократическую Республику Союза Горцев мы считаем неизбежным этапом на пути этих народов к светлым идеалам человечества. Лозунгом настоящего момента для горских народов мы выдвигаем созыв на основах всеобщего избирательного права, при условиях всех демократических гарантий, верховного органа горских народов, который должен быть воплощением их суверенных прав, и который определит их государственное бытие и политические судьбы.

„Приветствуя на почве Кавказа,—заканчивают они свое обращение,—Вас, представителей западно-европейского социалистического движения, Вас, наших учителей в борьбе за раскрепощение человечества, мы в то же время льстим себя надеждой, что настоящий голос наш о той борьбе, которую мы ведем в глухих трущобах Кавказских гор против гнета и насилия над свободной волей народа, будет доведен до сведения западно-европейского пролетариата, этого единственного носителя в нашу эпоху всех ценностей и всех лучших надежд измученного человечества... Раздавленная сапогом русского красноармейца--большевика демократия Республики Союза Горцев Кавказа апеллирует в Вашем лице, члены международной социалистической делегации, к пролетариату Европы“.

И как бы в ответ на эти вопли из подброшенного Антантой в горы Дагестана яйца вылупился некий молодой человек, по име-

ни Саид-бек, назвавшийся внуком знаменитого героя кавказских гор имама Шамиля. Этот антантовский подкидыш и был поставлен дагестанскими контр-революционерами во главе своего движения, ибо имена их самих были настолько подмочены, что двинуть кого либо на что либо не могли.

Тропинки между Грузией и Нагорным Дагестаном стали шире и оживленнее, чем когда либо. В сторону гор потянулись окрестности с мануфактурой, оружием и патронами. На границе с Грузией образовался отряд из горских эмигрантов, а также из скрывавшихся в самом Дагестане элементов. К нему пристали спровоцированные, ближайшие к границе, районы в надежде на союз Гоцинского с „семью государствами Европы“.

Первый момент—бережного отношения Советской власти к повстанцам, а затем и первые неудачи Советского командования только увеличили задор и количество повстанцев и восстание вылилось в настоящую войну, длившуюся с сентября 1920 года по май 1921-го. Дагестан вновь оказался в огне, который охватил население не только восставшего района, ибо в подавлении восстания приняли участие и районы наиболее революционные и закаленные в гражданской войне.

Тысяча красных партизан из горцев пошли на фронт, образовав до двадцати отдельных отрядов под общим руководством командования Красной армии. Только с их помощью удалось ликвидировать эту последнюю попытку бывших владельцев и собственников вернуть себе свои старые права и привилегии. И на этот раз дагестанский красный партизан уже рядом с русским красноармейцем показал в борьбе с контр-революцией свою революционную закалку.

Мы не будем специально останавливаться на этом восстании поскольку ему посвящена особая книга тов. Тодорского*, комдива 32 дивизии, оперировавшей в то время в Дагестане. Добавим только, что оно было чрезвычайно упорным и носило характер настоящей гражданской войны, когда сосед-кулак оказывался в одном

* Ал. Тодорский. „Красная Армия в горах. Действия в Дагестане“. Москва 1925 г.

лагере, а бедняк в другом, когда ближайшие родственники, связанные узами крови, обнажали кинжалы друг на друга и обменивались свинцовыми пулями.

Интересно отметить в этом восстании одну его отличительную черту. В то время как в революционных событиях до 20 года играли основную роль большие и крупные аулы, в данном случае в море восставших аулов 3-х округов крупные аулы, как Ходжал-Махи, Гергебиль, Аракань и Гоцатль можно было перечесать по пальцам. Такие исторические, традиционные аулы времен Шамиля, как Согратль, Хунзах, Телетль, Чох, Цудахар, Салты, Унцукуль и др., т. е. те аулы, которые как наиболее активные и сильные подверглись большой политической обработке—все оказались против восстания, несмотря на нахождение их в районах, охваченных восстанием.

Поражение восстания было ускорено советизацией Грузии. Когда главари повстанцев увидели, что тыл их, меньшевистская Грузия, сама на краю гибели и что в случае поражения некуда будет уходить—настроение и активность их подкосились. Это передалось и остальной массе повстанцев. А с другой стороны нажим противника все увеличивался.

Ликвидировав вылазку Врангеля и заключив мир с Польшей, Советская власть получила возможность уделить дагестанскому фронту больше внимания и сил. К маю месяцу 1921 года наши части почти закончили очищение гор от банд. Главари бандитов частью сумели скрыться--Саид-бей в Турцию, Гоцинский в Чечню, частью, как полковник Алиханов с тремя сыновьями и другие были перебиты во время бегства.

Восстание 1920—21 года, оттянувшее мирное строительство жизни трудящихся Дагестана на целый год, стоившее массам неисчислимых бедствий—закончилось и Советская власть, в связи с поворотом в 1921 году к новой экономической политике, начала и в Дагестане новую политическую линию, более соответствующую хозяйственным возможностям горца и укладу его жизни. Только на фронте труда и хозяйственного восстановления обнищавшей

страны стало еще меньше бойцов, т. к. боевой фронт в Дагестане добавил на своих скрижалях к именам таких героев, как Дахадаев, Буйнакский, Саидов и тысячи других, погибших в огне гражданской войны в 1918—19 году, еще новые, свежие имена как Сафара Дударова, Алибека Богатырева, Мусы Карабудагова, Омара Чохского и много других безимянных, но не менее героических бойцов.

Печать
Республики Союза
Горцев Кавказа.

ПРИЛОЖЕНИЯ

—

РЕЗОЛЮЦИЯ С'ЕЗДОВ СОЮЗА ОБ'ЕДИНЕННЫХ ГОРЦЕВ КАВКАЗА И ВЫДЕРЖКИ ИЗ ОТЧЕТА ПЕРВОГО С'ЕЗДА*.

Проект союза об'единенных горцев.

Председатель предлагает заслушать доклад члена президиума с'езда Рашидхана Капланова об организации Союза Об'единенных Горцев.

Капланов. Горцы! С установлением нового строя стало ясно, что переживаемый момент должен будет определить судьбы народов России, быть может, на много веков. Этот момент диктует необходимость коренного переустройства всех политических и социальных норм. Наступило время переоценки всех ценностей. Ясно, что теперь все, кто имеет силы подняться в уровень государственного строительства, должны немедленно мобилизовать свои силы. Нужно понять, что кто не станет активным, организованным в этот ответственный момент, тот будет только материалом для строительства. В связи с этим определяются и наши задачи. События застали нас врасплох; мы не были подготовлены, не были организованы. И вот это последнее обстоятельство не могло не внушать нам опасений.

Не исключалась возможность старых приемов в отношении к народностям, приемов натравливания одной национальности на другую. Сама собою являлась мысль о необходимости объединения. Много трудностей возникало при этом. Мы были лишены всех источников и возможностей культурного развития. Все эти особенности положения и трудности мы учли и не останавливались и перед тем, что у нас есть моменты, затрудняющие общую

* 1) „Первый горский с'езд, Г. Владикавказ, 1-го мая 1917 г.“ Отчет составил Б. Датат. 2) Дополнение к отчету о первом горском с'езде.

работу,—например, разность языка,—ибо мы знали, что вместе со всем этим мы имеем могучие цементирующие нас факторы: религию, право, условия экономического быта. Мы не могли не учесть и того, что не так давно, мы, горцы Кавказа, бок о бок отстаивая свою свободу, орошали своей кровью наши горы. А это иногда может спаивать племена больше, чем что—либо другое. И вот все это дало нам возможность поставить на реальную почву вопрос об объединении. При этом мы не ограничились только Терской областью, мы стали искать союзников, и это легко было сделать. Наши соседи дагестанцы отделяются от нас только формальной границей, разделяющей одну область от другой. Ясно, что это деление чисто условное. Дальше. Мы отправились в Баку. Здесь не трудно было установить, что мусульмане Закавказья живут одними с нами идеалами. Так окончательно окрепла мысль о нашем Союзе. Каковы же основные цели нашего Союза? Прежде всего цель нашего Союза—чисто оборонительная. Мы говорим, кто задевает одного из нас, тот задевает всех нас, и в этом покушение на наши права, мы этого не допустим“ (*громкие аплодисменты*)

Эта часть речи Капанова была немедленно переведена на чеченский, кумыкский и кабардинский языки.

„Но,—продолжает Капанов—сохранение существующего положения нас не удовлетворяет. Мы должны добиться удовлетворения наших требований в реальных формах. В этом смысле наш союз наступательный. Это не значит, что мы кому-то угрожаем. Отнюдь нет. Мы хотим только добиваться осуществления наших политических, экономических и других прав. Союз наш не партийный, мы объединяемся на основах наших общих требований. Далее, каждое племя сохраняет полную возможность внутреннего самоопределения. Союз в этом отношении не будет делать никаких покушений, он хочет только обеспечить каждому племени возможность достижения его жизненных задач. Кроме того наш союз явится членом Обще-Кавказского мусульманского Союза. При этом мы не должны были забывать одной нашей народности, расколовшейся в отношении религии (*аплодисменты*).

Мы не должны были выставять положения, что только мусульмане могут быть членами нашего союза. Как известно, часть осетин православные, часть—мусульмане, но они—горцы и их интересы—наши интересы (*аплодисменты*). Высшей инстанцией нашего союза должны быть с'езды, созываемые из расчета по одному делегату на каждые 15000 душ населения. Постоянным органом, проводящим в жизнь постановления с'езда, программу его,

должен быть Исполнительный Центральный Комитет Союза Об'единенных Горцев. Вот в общих чертах тот проект Союза Об'единенных Горцев, который выдвигает Временный Центральный Комитет (*апплодисменты*).

Исторический момент.

Т. Чермоев. „У нас существует древний обычай закреплять свои постановления так: каждая сторона, заключающая соглашение, договор и проч., выбирает старейших из своей среды и они взаимными рукопожатиями утверждают соглашение“.

После этого все племена, представленные на с'езде, выбирают старейшин. Около сорока убежденных сединами представителей племен занимают места впереди президиума и взявшись за руки образуют цепь.

Один из мулл произносит на арабском языке слово, которое переводится на все наречия и языки.

Чеченский *шейх* говорит: „В коране, есть стих, каждое соглашение должно быть освящено. Кто порвет соглашение—тот порвет с Богом. Освятим наше соглашение“.

Затем читаются молитвы муллами и учеными разных народов.

Т. Чермоев. Среди нас присутствует представитель закавказских мусульман Х. Агаев. Необходимо, чтобы наш союз был общий.

Х. Агаев. Подчеркивает всю важность настоящего момента и говорит:—„У нас во времена язычества существовал обычай, по которому при заключении братских союзов обе стороны вскрывали на руках свои вены, выпускали по несколько капель крови и давали друг другу выпить. После этого обе стороны становились братьями по крови. С принятием Ислама этот обычай умер. Теперь мусульмане дают простую клятву, которая в переводе на русский язык значит, что „все мусульмане братья“.

Произносятся еще несколько речей. Затем старейшие жмут друг другу руки. В зале гром *апплодисментов* и громкие крики „ура“.

Доклад школьной секции.

Докладчик *Саид Габиев* произносит следующую речь: „Граждане—горцы! Вы все, здесь участвующие, были свидетелями одного из величайших моментов нашей горской жизни. Вы явились свидетелями исторического дня единения всех братьев горцев,

о каком единении наши отцы и деды, в лице даже великого има Чечни и Дагестана, не могли мечтать. Союз—совершившийся величайший факт истории нашей жизни. Но, граждане, этой формальности недостаточно.

Необходимо, чтобы в народной душе произошел желанный перелом к братству народов.

Лучшим проводником пожелания нашего должна явиться наша же родная общедоступная национальная школа и только школа, этот рассадник в народе света и пробуждения его самосознания, может сделать то, чего не сделает другое в смысле прочного засеяния поля нашего Союза. Перевоспитание людей в духе истинной гуманности возможно только при преобладающем положении в обществе школы. Школа должна служить истинным целям прогресса, всестороннего глубокого влияния знания на всю природу человека. Но...единая по своей научной основе школьная организация должна быть едина и по связи между школами разных ступеней. Все школы, начиная от начальных и до университета, должны иметь непосредственную связь. Необходимо также, чтобы каждое учебное заведение представляло из себя нечто законченное, пригодное к практической жизни. Должен сказать, что школьная секция через всю свою работу красной нитью проводила идею национальной родной школы, отлично сознавая при этом всю сложность и тяжесть той ответственной работы, которую предстоит нести.

Нас не должен смущать гигантский размах, который нам, горцам, предстоит сделать. Да не смутят никого из нас все эти предстоящие трудности“.

Затем С. Габиев предлагает следующий проект резолюции школьной секции:

1. О низшей начальной школе горцев. 1) Начальные школы низшего и высшего типа должны быть исключительно светские.

2) Во всех начальных горских школах обучение учеников должно быть всеобщим, обязательным и бесплатным.

3) Языком преподавания должен быть материнский родной.

4. В низшей начальной горской школе курс должен быть 4-х годичный.

5. За минимальный школьный возраст принять 7-ми летний.

6. Из предметов преподавания с первого же года обучения вводится обязательно закон Божий.

7. С третьего года обучения предметами преподавания вводится арабский и русский языки.

II. Высшая начальная школа. 8. Обучение в высшей начальной школе также всеобщее и бесплатно.

9. Курс—4-х годичный.

10. Язык преподавания—родной.

11. Предметом преподавания вводится тюркский язык с первого же года.

12. Обязательно открытие при высшей начальной школе отделений сельского хозяйства, ремесл и промышленных знаний.

13. Необходимо открыть с начала учебного года семинарии и институты для подготовки учителей горцев и учительниц горянок. В тех же видах организовать временные курсы в разных пунктах Северного Кавказа и Дагестана, дабы в самое короткое время могли быть выпущены в достаточном количестве подготовленные учителя и учительницы.

III. Образование горянок. 14. Тип школ для горянок должен быть одинаковый с типом школ для детей горцев.

15. В средней школе курс 4-х годичный.

IV. Профессиональное образование. 16. На ряду с общим образованием у горцев Кавказа должны быть открыты и профессиональные школы разных видов.

V. Управление учебными заведениями. 17. Должна быть образована специальная комиссия для составления проекта управления горскими школами.

18. На Центральный Комитет Об'единенных Горцев возлагается обязанность в ближайшем же будущем устроить с'езд учителей и учительниц.

19. Для всех горцев Кавказа за основной должен быть принят арабский алфавит с прибавлениями лишь тех букв для звуков, которых нет в арабском алфавите, с неперенным условием, чтобы одинаковые звуки в языках горцев обозначались бы одинаковыми начертаниями. Для обработки такой общегорской азбуки должен быть устроен с'езд вероучителей и народных учителей от каждой национальности по несколько человек с участием лиц из школьной секции первого С'езда Об'единенных Горцев.

20. Необходимо создать по всем горским центрам „пятничные курсы для взрослых“.

21. Необходимо создать лекторов для популяризации среди горцев идей нового государственного строительства, а также технических сельско-хозяйственных и других познаний.

Резолюция духовной секции.

Во имя Аллаха Единого и Пророка Магомета!

Религиозная секция первого свободного Съезда Об'единенных Горцев, заседавшая в г. Владикавказе 3—5-го мая 1917 г., пришла к следующим решениям:

1. Ввести во всех судах по всем делам мусульман правила Корана и Шариата.

2. В столице Российского Государства должна быть учреждена должность Шейх уль Ислама, избираемого мусульманами России на точном основании Шариата. Шейх уль Ислам пользуется правами министра по мусульманским религиозным и политическим делам. При Шейх уль Исламе должен быть Совет из шести представителей, избранных по правилам Шариата: по два от Шафитов, Ханафитов и Джафари.

3. Для мусульман Терской, Кубанской и Дагестанской областей, Черноморской губернии, Ногайцев, Караногайцев и Туркмен Ставропольской губернии учреждается должность „Кавказского муфтия“ с резиденцией в г. Владикавказе. При муфтии должен быть Совет из четырех кадиев по два от Шафитов и Ханафитов.

4. Для мусульман каждой области: Дагестанской, Кубанской и Терской, со включением в последнюю Ногайцев, Караногайцев и Туркмен Ставропольской губернии, учреждаются Областные Шариатские Суды, состоящие из кадиев по одному от мусульман каждого округа, избираемых правоспособными мусульманами на точном основании Шариата. Эти суды являются апелляционными в отношении решений Окружных Шариатских Судов.

5. Для мусульман каждого округа учреждаются должности Окружного Кадия и Шариатские Окружные Суды, состоящие из кадиев, избранных на точном основании Шариата по одному от каждого участка. Суды эти являются первой инстанцией для всех дел, возникающих между мусульманами, и апелляционной в отношении решений сельских кадиев. В округах, где существуют два горских Словесных Суда, Шариатские Суды учреждаются не менее двух.

6. Для каждого сельского общества учреждается должность сельского кадия, избираемого правоспособными мусульманами данного общества. Сельскому кадию подсудны только гражданские дела не свыше 300 руб.

7. Сельские имамы избираются правоспособными по Шариату

членами данного общества, а выборы кадиев всех судов производятся через уполномоченных от правоспособного населения соответствующего района, если затруднится собрание населения того района.

8. Сельские имамы и кадии экзаменуются окружными кадиями, а сии последние и все члены Окружных и Областных Шариатских Судов экзаменуются муфтиатом. До осуществления муфтиата лица эти экзаменуются Временным Религиозным Советом при Комитете Союза Об'единенных Горцев (см. п. 15).

9. Определение количества уполномоченных для выбора сельских и окружных кадиев и членов шариатских судов предоставляется усмотрению собрания правоспособных избирателей.

10. Выборщиками муфтия и членов его Совета являются по четыре уполномоченных от каждого участка, знатоков Шариата.

11. Срок всех перечисленных выборных должностей, кроме Шейх уль Ислама, исчисляется трехлетний. При вторичных выборах могут быть избираемы и выбывающие.

12. Порядок выборов Шейх уль Ислама и членов Совета при нем должен быть установлен правомочным собранием всех мусульман России.

13. В каждом округе или племени должно быть открыто мусульманское учебное заведение для подготовки мулл и кадиев с курсом Шариата и необходимыми предметами светской науки.

14. В г. Владикавказе, резиденции муфтиата, должно быть открыто высшее мусульманское учебное заведение (юридическая академия шариатских наук) с полным курсом Шариата и всеми нужными предметами светской науки.

15. Религиозная секция постановила просить Горский С'езд об организации при Комитете Союза Об'единенных Горцев особого Религиозного Совета из 9 лиц: по три от Дагестанской и Терской областей, два от Кубанской области и один от Ногайцев, Караногайцев и Туркмен Ставропольской губернии. Религиозный Совет должен ведать религиозными делами мусульман Северного Кавказа до учреждения муфтиата.

При выработке правил о выборах согласно п. 9 и вообще при судоустройстве необходимо иметь в виду мнения наших юристов, заключения коих должны лишь не нарушать прямых предписаний Шариата.

За Председателя Религиозной Секции, Тов. Пред. Магомед Абдулкадыров

Доклад аграрной секции.

Признавая в принципе, что земля должна принадлежать трудящемуся населению, съезд полагает окончательное разрешение аграрного вопроса предоставить Учредительному Собранию, в виду серьезности момента и сложности аграрного вопроса. Вместе с тем съезд выражает пожелание, чтобы в отношении горцев мусульман аграрный вопрос был разрешен согласно нормам шариата, который защищает интересы трудящихся. Вместе с тем, принимая во внимание, что не в пример остальному населению России, горские племена Кавказа не пользуются до сего времени правами собственности на землю, съезд находит необходимым:

1. Чтобы все земли и леса, занимаемые горским населением; Ногайцами, Караногайцами и Туркменами Терской, Кубанской и Дагестанской областей, Ставропольской и Черноморской губ. теперь же, не дожидаясь созыва Учредительного Собрания, были признаны неотъемлемою собственностью перечисленных племен.

2. Чтобы земли, леса и воды, отнятые казною у горцев и пр. народностей, входящих в состав Союза Объединенных Горцев, были немедленно возвращены сим народам.

3. Чтобы все свободные казенные земли крестьянского поземельного банка в пределах территории горского населения и смежных с нею поступили немедленно для обеспечения землею безземельных и малоземельных горцев и пр. народностей, вступивших в Союз Объединенных Горцев.

Резолюции съезда.

Съездом приняты следующие резолюции:

1. *Об отношении к войне.* Съезд Объединенных Горцев Северного Кавказа и Дагестана, обсудив вопрос о войне, постановил: всецело присоединиться к российской демократии, требующей завершения войны без аннексий и контрибуций.

2. *Об отношении к Временному Правительству.* Съезд, приветствуя пополнение состава Временного Правительства представителями демократии, признает необходимым всемерно поддерживать все начинания Временного Правительства России постольку, поскольку Временное Правительство будет последовательно и неукоснительно проводить в жизнь принципы декларации 6-го марта сего года, провозглашенные им в согласии с Советом Солдатских и Рабочих Депутатов.

3. *Об отношении к займу свободы.* С'езд постановил пропагандировать среди горского населения заем свободы.

4. *О чиновниках и офицерах.* Принимая во внимание, что некоторые чиновники и офицеры приглашены народом для несения ответственных общественных обязанностей и что при крайней недостаточности интеллигентных сил у горцев они не могут быть заменены другими работниками, в интересах поддержания порядка и водворения нового строя, с'езд находит необходимым поручить Центральному Комитету озаботиться, чтобы означенные выше лица были откомандированы с мест их штатной службы на службу общественную, на каковую они ныне народом призваны.

5. *Об отношении к другим народностям.* С'езд, обсудив вопрос об отношении к другим народностям, постановил всемерно поддерживать все народности Российского Государства в их стремлении к осуществлению их национально-политических идеалов, основанных на демократических началах. В частности, в отношении народностей Кавказа, с'езд признает необходимым тесное с ними сближение в целях осуществления общих демократических идеалов на началах взаимного уважения.

6. *О праве ношения оружия.* С'езд, принимая во внимание, что участвовавшие в последнее время случаи обезоружения горского населения, сопровождавшиеся актами насилия над горцами, даже воинского звания, являются оскорбительными для горцев, приравняемых тем самым огульно к разбойникам и грабителям, признает, что ограничения права ношения оружия, существовавшие при старом режиме, установленные под предлогом борьбы с разбоями, были вызваны желанием унижить горцев, что естественным последствием нового строя является устранение всех существовавших в этом отношении ограничений, объявляет, что он (с'езд) считает право ношения всякого оружия, за исключением винтовок казенного образца, неотъемлемым правом каждого свободного гражданина и будет всеми находящимися в его распоряжении средствами отстаивать это право. Поэтому с'езд предлагает Центральному Комитету принять в спешном порядке меры для того, чтобы случаи обезоружения, которые наблюдались в последнее время, впредь не повторялись. Настоящую же резолюцию немедленно сообщить для сведения всем комиссарам в штаб Кавказской армии и во все исполнительные комитеты, существующие в пределах Кавказского Края.

7. *О народной милиции.* С'езд признает, что для борьбы с возможными реакцией и анархией, а также с разбоями и грабе-

жами, необходима организация в пределах каждого округа, помимо постоянной платной милиции, недостаточность которой уже выяснилась, временной бесплатной народной милиции, и поручает Центральному Комитету обратиться по принадлежности с требованием о выдаче соответствующего вооружения и патронов.

8. *О представительстве в Учредительное Собрание.* Признавая за всеми большими и малыми народами в России одинаковые права на участие в определении политических судеб общего отечества, с'езд считает необходимым, чтобы каждой горской народности Кавказа предоставлено было, независимо от ее численности, право посылать в Российское Учредительное Собрание по крайней мере по одному депутату.

9. *О газете.* Принимая во внимание необходимость тесной связи между различными членами обще-горского союза и осведомления горцев относительно деятельности союзных организаций, а также наиболее видных с горской точки зрения событий, с'езд признает желательным, чтобы все сельские общества на территории Горского Союза выписывали печатный орган Центрального Комитета Об'единенных Горцев.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПЛАТФОРМА И ПРОГРАММА СОЮЗА ОБЪЕДИНЕННЫХ ГОРЦЕВ КАВКАЗА.

1. Цель учреждения Союза. Союз горцев Кавказа объединяет все горские племена Кавказа, а также ногайцев и туркменов, является членом Кавказского Мусульманского Союза и имеет целью, в видах обеспечения мирного сожительства всех народов Кавказа и России, сплочение горцев Кавказа для защиты и упрочения завоеванных революцией свобод, проведения в жизнь демократических начал и защиты общих для всех горских племен политических, социальных и культурно-национальных интересов.

2. Великие задачи Союза: упрочение свобод. Сознавая себя нераздельною составною частью Великого Российского Государства, горцы, как для общего блага их родины России, так и для собственного их блага и счастья, в данный революционный период ставят во главе всех задач упрочение завоеванных свобод и обеспечение свободного развития освобожденного от гнета государства. Но кроме внутреннего гнета нам угрожает еще более страшный гнет извне. Поэтому для осуществления великих задач,—упрочения свободы и счастья народа,—горцы считают необходимой борьбу с внешним врагом, угрожающим завоеванной свободе, до достижения почетного мира без аннексий и контрибуций.

3. Борьба с реакцией, анархией и объединение. Вместе с тем горцы на своем красном знамени свободы начертали борьбу всеми силами с возможной реакцией против нового строя и анархией. Свободные сыны гор, так дорого продавшие когда-то свою независимость самодержавной и чуждой для них в то время России, сумеют с еще большей энергией и мужеством отстоять свободу и счастье новой демократической, теперь родной для них, России, ставшей, наконец, из злой мачехи—дорогой матерью для всех сво-

их сынов без различия национальностей и вероисповеданий; в том порукою прирожденная им любовь к свободе и присущее им мужество—два стихийных начала природы горца, признанных историей.

Для сознательного же отстаивания нового строя горцы спланиваются в одну могучую организацию, так как как только в единении и организации сила.

4. Отношение к Временному Правительству. Эти основные задачи момента вызывают необходимость поддержки демократизированного Временного Правительства, являющегося до созыва Учредительного Собрания единственным носителем верховной власти в России в его стремлении осуществить возведенную им в декларации от 6 марта 1917 года политическую программу, венцом коей является созыв Учредительного Собрания.

5. Подготовка населения к выборам в Учредительное Собрание. Содействовать сознательному отношению горской массы к революции и к предстоящим выборам в Учредительное Собрание и проведению выборов в условиях свободы и гарантии правильного представительства народа—одна из важнейших задач Союза Горцев.

6. Реформа местного самоуправления, административного, духовного и судебного строя. Не ожидая окончательной организации местного самоуправления через Учредительное Собрание и новый Парламент, Союз Горцев ставит своей ближайшей задачей разработку и проведение в жизнь нового духовного и административного управления на выборных началах, а также широкого земского самоуправления и реформу местного суда, а также разработку проектов норм, или статута будущего автономно-федеративного устройства горцев Кавказа и их общественно-правовой жизни.

7. Необходимость Федеративной Демократической Республики. Первым условием для проведения в жизнь демократических начал свобод Горцы Кавказа признают установление в России через Учредительное Собрание Демократической Федеративной Республики, так как с одной стороны монархический принцип, чуждый духу Кавказских горцев, в жизни коих всегда преобладали начала республиканского строя, окончательно похоронен и дискредитирован в глазах всей России, и о возврате к монархии не может быть и речи, а с другой стороны для такого обширного государства, какова Россия, составляющая $\frac{1}{6}$ часть света и раскинувшаяся на двух континентах, с ее окраинами, отделенными от центра многими тысячами верст, только федеративное государственное устрой-

ство, т. е. союз отдельных самоуправляющихся автономных областей, с особыми законодательными палатами, сеймами в каждой и выборными правительственно-административными органами, не подчиненными союзным властям и ответственными перед своими сеймами, которым и принадлежит право местного законодательства без всякого участия центральной власти, во главе с единой общероссийской Палатой, или Конгрессом Соединенных Штатов Российской Республики, выборным Палатой Президентом и ответственным перед палатой министерством, явится наилучшей формой правления.

Централизация всего законодательства и управления, хотя-бы и в форме республиканского строя, в таком государстве, как Россия, не может повести к правильному и своевременному освещению местных нужд отдельных, в особенности отдаленных окраин России с их пестрым населением и особенностями в нравах и обычаях, языке, национальных культурах и условиях хозяйственно-экономической жизни. Местные нужды могут быть правильно разрешены только самим местным населением. Только устройство Республики на началах федерации даст прочную, вечную связь и целостность всему государству, т. к. с одной стороны оно не нарушает целостности государства, при наличии общего законодательного конгресса, общности президента и общности законодательства по вопросам общегосударственным, а с другой стороны не будет гнета целого над отдельными его частями и проистекающих вследствие этого центробежных течений, и население, ведая само свои местные нужды и достигнув тем лучших условий для проведения в жизнь начал свобод и культурного самоопределения, будет больше дорожить и целым государством. Для отстаивания в Учредительном Собрании принципов федеративной Республики и организации Кавказской Федерации требуется единение всех горцев не только Терской области, но и всего Кавказа и Союз всех народностей России, стоящих за федеративную Республику. Только Союз организованных горцев сможет через своих представителей осуществить эту великую задачу“.

Доклад принят 7 мая 1917 года единогласно.

СОЮЗНЫЙ ДОГОВОР **Юго-Восточного Союза Казачьих Войск, Горцев Кавказа и Воль-** **ных Народов Степей.**

20 октября 1917 года.

Мы, нижепоименованные Казачьи Войска, Горские Народы Кавказа и Вольные Народы Степей, заключаем между собою Союз с целью способствовать установлению наилучшего государственного строя, внешней безопасности в Государстве Российском, а также обеспечить членам Союза их неприкосновенность, поддержать внутреннее спокойствие, поднять общее благосостояние и тем закрепить завоеванные революцией благодетельства Свободы.

I. Состав Союза.

Ст. 1. Союз составляют Казачьи Войска: Войско Донское, Войско Кубанское, Войско Терское и Войско Астраханское, примкнувший к Войску Астраханскому Калмыцкий народ и объединенные в особый Союз Горцев Кавказа следующие Горские и Степные Народы: а) все народы Дагестана (Аварцы, Даргинцы, Лаки, они же Кази-Кумыки, Кюринцы, Кумыки, Табасаранцы и иные) и Закатальского округа (Лезгины); б) все горские народы Терского Края (Кабардинцы, Балкарцы, Осетины, Ингуши, Чеченцы, Кумыки и Салатавцы); в) все Терские Народы Кубанского Края (Карачаевцы, Абазины, Черкесы, Ногайцы и иные); г) Горский Народ Сухумского Края (Абхазцы); д) Степные Народы Терского Края (Ногайцы и Караногайцы) и Ставропольской губернии (Ногайцы и Туркмены).

Ст. 2. Территорию Членов Союза составляют земли, принадлежащие названным в статье 1-й Казачьим Войскам, Горцам Кавказа и Вольным Народам Степей.

Ст. 3. Союз именуется: „Юго-Восточный Союз Казачьих Войск, Горцев Кавказа и Вольных Народов Степей“.

Ст. 4. Каждый член Союза сохраняет свою полную независимость в отношении своей внутренней жизни и имеет право самостоятельно вступать в сношения и договоры, не противоречащие целям Союза.

II. Цели Союза.

Ст. 5. Союз ставит целью: а) достижение скорейшего учреждения Российской Демократической Федеративной Республики с признанием членов Союза отдельными ее штатами; б) всемерную поддержку других народов и областей, стремящихся к устройству Государства Российского на федеративных началах, и установление с ними связи и соглашений; в) стремление к образованию твердой и авторитетной демократической государственной власти, опирающейся на все живые силы национальностей и территорий страны и свободной от давления безответственных организаций; г) содействие Центральной Государственной Власти в борьбе с внешним врагом и в заключении достойного мира на основах самоопределения народов, в установлении в стране правопорядка и в борьбе с анархией и контр-революцией; д) гарантию полной самостоятельности и независимости членов Союза в отношении их внутренней жизни; е) содействие членам Союза в подготовке и реорганизации внутренней жизни их, как штатов будущей Российской Федерации; ж) защиту прав членов Союза: политических, земельных, культурно-экономических и национальных, а также урегулирование земельных отношений между членами Союза; з) согласование и объединение мер к обеспечению порядка и спокойствия на территории членов Союза; и) улучшение благосостояния членов Союза и содействие им в деле обеспечения населения предметами первой необходимости; к) осуществление при взаимной поддержке всех других, не противоречащих целям Союза, задач, выдвигаемых жизнью и политическим моментом.

III. Союзная власть.

Ст. 6. Союзная Власть действует в пределах прав, вытекающих из настоящего договора и особо предоставляемых ей отдельными членами Союза.

Ст. 7. Союзная Власть, в пределах предоставленной ей компетенции (ст. 6), самостоятельна и независима.

Ст. 8. Во главе Союза стоит *„Объединенное Правительство Юго-Восточного Союза“*.

Ст. 9. Каждый член Союза в состав Об'единенного Правительства посылает двух своих представителей.

Примечание 1-е: Союз Горцев Кавказа посылает четырех представителей, из коих два от Дагестана с Закатальским округом.

Примечание 2-е: Астраханское Казачье Войско и примкнувший к нему Калмыцкий народ посылают по одному представителю.

Ст. 10. Члены Об'единенного Правительства избирают (одного обязательно из своей среды) органы исполнительной власти Членов Союза.

Ст. 11. Члены Об'единенного Правительства ответственны перед своими избирателями (органами исполн. власти Членов Союза).

Ст. 12. Об'единенное Правительство осуществляет задачи Союза, действует от его имени и ведет сношения как с центральными и местными органами власти Государства Российского, так и с органами Управления Народов и Областей России.

Ст. 13. Порядок рассмотрения и решения дел определяется наказом, составляемым и утверждаемым Об'единенным Правительством.

Ст. 14. Юго-Восточный Союз имеет своего Представителя при Центральном Российском Правительстве, избираемого Об'единенным Правительством Союза из своей среды, или из среды правомочных граждан Союза.

Примечание: Член Об'единенного Правительства, на время пребывания его, как Представителя Союза, в Петрограде, замещается кандидатом.

IV. Местопребывание Об'единенного Правительства.

Ст. 15. Об'единенное Правительство имеет свое пребывание временно в городе Екатеринодаре.

V. Прием новых членов Союза.

Ст. 16. Новые члены Союза принимаются Об'единенным Правительством на условиях настоящего договора с согласия органов исполнительной власти всех членов Союза.

VI. Изменения и прекращение договора.

Ст. 17. Изменение и дополнение сего договора, а равно и его прекращение производится Конференцией представителей всех членов Союза.

VII. Время вступления договора в силу.

Ст. 18. Настоящий договор вступает в силу по утверждении его органами исполнительной власти всех членов Союза.

ДЕКЛАРАЦИЯ ОБЪЕДИНЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ЮГО-ВОСТОЧНОГО СОЮЗА КАЗАЧЬИХ ВОЙСК, ГОР- ЦЕВ КАВКАЗА И ВОЛЬНЫХ НАРОДОВ СТЕПЕЙ.

20-го октября 1917 года учрежден Юго-Восточный Союз Казачьих Войск, Горцев Кавказа и Вольных Народов Степей. В этот день в гор. Владикавказе представителями названных войск и народов подписан союзный договор, в силу которого 16 ноября с. г. в гор. Екатеринодаре открыло свои действия Об'единенное Правительство Юго-Восточного Союза. В Союз вошли: Донское, Кубанское, Терское и Астраханское Казачьи Войска, горцы Северного Кавказа, Дагестана, Сухумского и Закатальского округов и вольные степные народы Астраханской и Ставропольской губернии. 31-го октября с. г. к Союзу присоединилось Уральское Казачье Войско.

Признавая Демократическую Федеративную Республику наилучшей формой государственного устройства России, Юго-Восточный Союз в своей практической деятельности будет держаться линии проведения, свойственной сторонникам федеративной формы правления. Гарантируя своим членам полную независимость их внутренней жизни, Союз обязуется содействовать им всеми союзными средствами в подготовке их внутреннего устройства, как самостоятельных Штатов будущей Российской Демократической Федеративной Республики.

Вместе с тем Юго-Восточный Союз имеет в виду оказывать всемерную поддержку всем остальным народам и областям, стремящимся к устройству Российской Республики на федеративных началах. С этой целью Об'единенное Правительство Союза уже вошло в сношение с народами Закавказья, Украины, Бессарабии, Крыма и Сибири, приглашая их вступить в соглашение о наилучших путях

и способах осуществления общих задач при взаимной помощи и поддержке.

Находя необходимым сохранить федеративную Россию единой, неделимой и великою, Юго-Восточный Союз примет участие в общегосударственном строительстве наравне со всеми остальными народами России, не присваивая себе в этом отношении никаких преимущественных прав. Вместе с тем Об'единенное Правительство Союза, стоя твердо и неуклонно на принципе самоопределения, не допустит никакого вмешательства с чьей бы то ни было стороны в строительство внутренней жизни Союза. Всякое посягательство на федеративные права Юго-Восточного Союза в целом и его отдельных членов встретит самое решительное противодействие.

Развал Центральной Государственной власти и быстро развивающаяся анархия привели к тому, что жизнь нашей великой страны, как единого целого, остановилась. Предоставленные самим себе, отдельные области и народы, перед лицом надвигающихся хозяйственно-экономических и политических потрясений, вынуждены были организовать свою собственную власть на началах самоуправления. Разразившаяся борьба политических партий угрожала гибелью тем самобытным особенностям вольных общин казачества, горцев и степных народов Юго-Востока России, на которых исторически строилась их духовная и хозяйственная жизнь. Поэтому казаки, горцы и степные народы Юго-Восточных областей взяли всю полноту власти в свои руки и передали ее своим правительствам, избранным всенародным голосованием, а для защиты общих интересов образовали Союз во главе с Об'единенным Правительством.

На территории Юго-Восточного Союза Об'единенное Правительство ставит своей первейшей задачей борьбу с анархией и насилиями, восстановление и сохранение завоеванных революцией свобод и укрепление нормальных условий общественно-политической жизни, обеспечивающих всем гражданам свободное и непринужденное из'явление своей воли, дабы явилась полная возможность создать опирающуюся на все здоровые слои станичного, сельского и городского населения краевую и союзную власть на началах национально-территориального представительства. Озаботившись первоначально организацией уже вступивших в Союз его членов, Об'единенное Правительство заранее благословляет тот светлый день, когда все, кто живет и трудится на территории Союза составят единую дружную семью, работающую на общее благо.

Стремясь к скорейшему осуществлению этой задачи, Об'единенное Правительство прежде всего приступило к восстанов-

лению полного порядка в населенных местах и на железных дорогах, дабы обеспечить непрерывное снабжение многострадающей русской армии, населения Закавказья и Туркестана и рабочих промышленных центров России продовольствием и фуражем, а свои станицы, селения и города предметами первой необходимости в хозяйственном и домашнем быту. Наряду с этим Об'единенное Правительство озабочено организацией местных финансов, расстройство которых поставило в тяжкое положение служащих в правительственных, общественных и частных учреждениях и весь вообще трудящийся народ, интересы которого Об'единенное Правительство будет считать предметом своего особого внимания и забот.

Богатый хлебом, нефтью, углем, скотом, солью и всеми дарами природы Юго-Восток имеет все данные для полного расцвета духовной и материальной культуры, но душивший весь русский народ самодержавный режим убивал ее в самом зародыше. Об'единенное Правительство примет все меры к тому, чтобы освобожденные народы Юго-Востока, избавленные от гибельных потрясений анархии, получили полную возможность к насаждению у себя просвещения, промышленности и торговли. Вместе с тем Об'единенное Правительство намечает пути к безболезненному разрешению аграрного вопроса в полном соответствии с местными самобытными особенностями и интересами трудового земледельческого населения.

Волею неумолимой судьбы Россия поставлена в безвыходное положение на фронте: с одной стороны она фактически не может продолжать тяжелую войну, с другой—она не может заключить сепаратного мира без согласия с союзниками. Об'единенное Правительство высоко ставит святость договоров, а потому слагает с Юго-Восточного Союза всякую ответственность за те последствия, которые повлечет за собою решение захватчиков центральной государственной власти заключить сепаратный мир.

Признавая вообще, что право решать судьбы всей страны принадлежит только власти, правильно выражающей подлинную волю всех членов великой семьи народов России, Об'единенное Правительство верит, что избранный казаками, горцами и степными народами путь строительства всей внутренней и обще-государственной жизни встретит полное сочувствие здоровых демократических масс, найдет с их стороны братскую поддержку и поможет взаимными усилиями создать единую, великую и сильную Российскую Демократическую Федеративную Республику.

*Об'единенное Правительство
Юго-Восточного Союза.*

28-го ноября 1917 года.
г. Екатеринбург.

ДЕКРЕТЫ ВРЕМЕННОГО ТЕРСКО-ДАГЕСТАНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА.

По ведомству юстиции.

Декрет № 4.

8 декабря 1917 года.

§ 1. На состоявшемся 1-го декабря 1917 года совещании представителей Терского Войскового Правительства, Центрального Комитета Об'единенных Горцев, Союза Городов Терско-Дагестанского Края и об'единенной демократии решен вопрос о создании Временного Терско-Дагестанского Правительства, состоящего из двенадцати Главноуправляющих Ведомствами, с распределением портфелей следующим образом по ведомствам: Военному, Общественного Спокойствия, Торговли и Промышленности, Государственного Контроля, Внешних Сношений и Государственного Продовольствия предоставлены представителям от Центрального Комитета Об'единенных Горцев, во исполнение чего избраны на должности Главноуправляющего по Военному Ведомству—генерал *Талыханов*, по Ведомству Общественного Спокойствия *П. Коцев*, по Ведомству Торговли и Промышленности *А. Бутаев*, по Ведомству Государственного Контроля *В. Джабагиев*, по Ведомству Государственного Продовольствия *А. Дударов* и по Ведомству Внешних Сношений—Заместитель Председателя Центрального Комитета Об'единенных Горцев Кн. *Р. З. Капланов*. Затем портфели Главноуправляющих по Ведомствам: Финансов, Народного Просвещения и Юстиции предоставлены представителям от Терского Войскового Правительства, во исполнение чего избраны на должности: Главноуправляющего Финансов и временно Юстиции Войсковой Атаман Войска Терского *М. А. Караулов* и Комиссара Народного Просвещения член Войскового Правительства *В. И. Абрамов* и кроме того портфели Главноуправляющих Земледелия, Труда и Путей Сообщения предоставлены группам Областных демокра-

тических организаций, а именно: представителю Совета Крестьянских Депутатов предложить портфель Главноуправляющего Земледелия, Представителю Совета Рабочих и Солдатских Депутатов—по Ведомству Труда, а представителю Почтово-Телеграфного Союза—по Ведомству Путей и Средств Сообщения. Кроме того на вышеназванном совещании была учреждена должность Секретаря Совета членов Правительства и Управляющего делами, на каковую избран представитель Союза Городов Терско-Дагестанского Края *К. В. Черкезов*, которому временно поручено управление Ведомством Труда. Для облегчения работ секретаря учреждены должности двух товарищей его, с предоставлением одной должности представителю от Терского Войскового Правительства, а другой от Комитета Объединенных Горцев. На должности эти назначены *И. Малюга* и *С. Тхостов*.

§ 2. Высшим органом власти в Терско-Дагестанском Крае является Совет Правительства, состоящий из двенадцати Главноуправляющих ведомствами (Министерствами), именуемых членами Совета Правительства. Заседания считаются законно состоявшимися при наличии Председателя или его заместителя и четырех членов Совета.

§ 3. На время отсутствия или болезни Главноуправляющего управление Ведомством вверяется Товарищу его, который избирается Главноуправляющим, а назначается Советом Правительства; он же и замещает Главноуправляющего в заседаниях Совета.

§ 4. Всякий вопрос, вносимый на рассмотрение Совета, подлежит предварительному обсуждению и подготовке его в соответствующем Ведомстве.

§ 5. Одобренные Советом решения или постановления обнародываются в виде декретов Правительства, за подписью Председателя Совета или его Заместителя и Главноуправляющего соответствующим Ведомством.

§ 6. Всякое распоряжение Совета Правительства приемлет силу закона со дня его опубликования в официальном Правительственном органе, именуемом „Вестник Временного Терско-Дагестанского Правительства“, если в самом тексте издаваемого распоряжения нет специального указания на срок введения его в действие.

§ 7. Главноуправляющие, коим вверено каждое из упомянутых ведомств (Министерств), их товарищи и прочие чины ведомств пользуются служебными правами, указанными в соответствующих

статьях Свода Российских Законов, с тем лишь главным изменением, что функции бывшей Высочайшей Власти, Государственного Совета и Правительствующего Сената в отношении всех этих чинов предоставлены Терско-Дагестанскому Правительству.

§ 8. Объявляя об изложенном, Об'единенное Терско-Дагестанское Правительство предлагает всем служащим Государственных Учреждений Края оставаться на местах и продолжать спокойно свою работу впредь до распоряжений Главноуправляющих подлежащих Ведомств.

За Председателя Терско-Дагестанского Правительства, Член Правительства

Кн. Г. Капланов

Вр. и. о Главноуправляющего Ведомством Юстиции

М. А. Караулов.

ДЕКЛАРАЦИЯ ВРЕМЕННОГО ТЕРСКО-ДАГЕСТАНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Падение Временного Правительства под ударами большевиков оставило страну без общепризнанной центральной власти.

Повторные попытки политических партий не привели к определенному соглашению по вопросу об организации общегосударственной власти.

Безотрадное положение страны осложняется полной хозяйственной и финансовой разрухой и разгорающейся гражданской войной, угрожающей охватить все государство.

Только полное напряжение всех живых сил на местах, согласившихся преследовать общую задачу спасения родины, может дать надежду на то, что народы России не потонут в кровавых волнах анархии.

Ясно, что при настоящих условиях центр безсилен создать порядок, что организация власти должна начаться на местах, чтобы затем местные Правительства могли создать твердую и авторитетную власть, способную осуществить свои обязанности.

Народы Терско-Дагестанского Края не могли не стать на этот путь, на котором их уже опередили все соседние области.

Особенные условия, в которых живет наш край и которые делают более опасным, чем где либо, нарушение гражданского мира, повелительно указывали на невозможность дальнейшего промедления в вопросе об организации власти.

Временное Правительство Союза Горцев Кавказа и Войсковое Правительство Терского Казачьего Войска признали необходимым временно отказаться от части своих полномочий и образовать совместно с Союзом Городов Терской и Дагестанской областей, Временное Терско-Дагестанское Правительство, облачен-

ное, впредь до создания основных законов, полнотой общей и местной Государственной Власти, причем самый состав Правительства предполагается пополнить представителями областных организаций, которые выразят согласие сотрудничать с группами, уже вошедшими в Правительство.

Первейшей задачей Терско-Дагестанского Правительства, всецело присоединяющегося к принципу права народов на полное самоопределение, является созыв в кратчайший срок Краевого Учредительного Сейма, который установит окончательно организацию твердой государственной власти и разрешит все основные вопросы.

До созыва Учредительного Сейма Краевое Правительство приложит все свои заботы к обеспечению общественного порядка и спокойствия, личной и имущественной безопасности граждан и пользования всеми политическими и гражданскими свободами, к беспощадной борьбе с контр-революцией, анархией, разбоями и грабежами, устранению и улажению конфликтов между общественными и национальными группами при условии сохранения полного беспристрастия по отношению ко всем, — без различия национальности и вероисповеданий.

Особенное внимание будет обращено на разработку мероприятий, направленных к смягчению ныне существующей хозяйственной и финансовой разрухи, грозящей населению неисчислимыми бедствиями.

Необходима также правильная организация снабжения и продовольствия для населения, внесение необходимых изменений в существующую организацию и в первую очередь объединение всего Терско-Дагестанского Края в одну продовольственную организацию.

Временное Терско-Дагестанское Правительство займется подготовкой разрешения земельного вопроса в соответствии с интересами трудящихся масс, причем незамедлительно будут организовываться Земельные Комитеты, в ведение коих должны будут перейти все земли сельско-хозяйственного назначения, находящиеся в нетрудовом пользовании.

Сознавая необходимость скорейшего заключения мира, Краевое Правительство окажет все зависящее от него содействие делу заключения всеобщего демократического мира.

В тесной связи с вопросом о мире стоит демобилизация, которая может начаться со дня на день, угрожая, при отсутствии согласованных действий, самыми грозными и губительными для нашего края последствиями. И в этой области Терско-Дагестанское

Правительство должно будет провести целый ряд мер в полном согласии с Закавказским Правительством и фронтовыми организациями.

По вопросу об организации центральной власти, Краевое Правительство вполне присоединяется к точке зрения, указывающей на необходимость создания министерства из всех социалистических партий от народных социалистов до большевиков.

Все усилия будут направлены к установлению с соседними Правительствами дружественных отношений и прочных связей, которые должны обеспечить возможность выждать без чрезвычайных потрясений окончательную организацию общепризнанной центральной власти.

Временное Терско-Дагестанское Правительство призывает всех граждан края проникнуться сознанием чрезвычайности переживаемого момента и во имя общих интересов родины и спасения нашего края сплотиться вокруг Временного Краевого Правительства, ибо последнее только при условии согласованной работы и единой поддержки всего населения сможет завершить свой тяжелый долг.

Войсковой Атаман Войска Терского *М. Караулов.*

И. д. Председателя Союза Об'единенных Горцев

Кн. Р. Капанов.

ДЕКРЕТЫ Терского Областного Совета Народных Комиссаров.

Д е к р е т № 25.

По земельному отделу.

Согласно основному закону Российской Республики о социализации земли и постановлению второй сессии Терского Областного Народного Съезда от 1-го Марта 1918 года, объявляется ниже следующее:

1. Все казенные, удельные, кабинетские, монастырские, церковные и нетрудовые частновладельческие земли с инвентарем живым и мертвым и земли сельско-хозяйственного значения, имеющиеся во владении городов, слобод, общин, обществ племен, народов, войска, но ими по тем или иным причинам не обрабатывающиеся, переходят в распоряжение земельных советов.

Примечание: 1. Все тонкорунное овцеводство, за исключением грубошерстных трудовых, находящееся ныне в пределах Терской Области, сохраняется и переходит в полное распоряжение Терского Общественного Земельного Совета на учет и под контроль; Совету предоставляется право изъятия в нужных случаях из ведения владельцев овцеводных хозяйств. Для выпаса тонкорунных овец предоставляются только земли, непригодные для хлебопашества и по усмотрению Областного Земельного Совета.

Примечание: 2. Все нетрудовые виноградники и фруктовые сады также поступают в распоряжение Земельных Комитетов.

2. Все недра, воды и леса в Терской Области переходят немедленно в распоряжение Областного Земельного Совета.

3. Сдача в аренду отныне воспрещается. Арендная плата за сданные уже земли отменяется и те из арендаторов, которые обрабатывают их личным трудом, остаются на этих землях впредь до общего разрешения земельного вопроса в области. Земли же нетрудовых арендаторов поступают в распоряжение Земельных Советов.

Примечание: Отмена арендной платы не должна находиться в противоречии с статьей основного закона, устанавливающей земельную ренту.

5. Терский Областной Земельный Совет должен немедленно приступить к выполнению всего плана справедливого распределения земель Терской Области между трудящимися по принципу социализации земли, а также и урегулировать вопрос о выходе стад овец и скота на зимовки из Дагестанской Области и Тифлисской губ. в пределы Терской Области и из пределов Терской Области в Кутаисскую губ.

Земельным Отделам (Земкомитетам) аульных, сельских, станичных, окружных и отдельных Народных Советов, предлагается приступить немедленно к проведению вышеуказанных мероприятий переходного характера, осуществлению социализации земли, руководствуясь инструкциями, утвержденными второй сессией Терского Областного Народного С'езда в заседании от 10 марта 1918 года.

Председатель Терского Областного Совета
Народных Комиссаров—*Буачидзе.*

Областной Комиссар Земледелия—*Пашковский.*

Секретарь—*Бабков.*

Приказ по Кавказской Красной Армии.

№ 17. 6-го июня 1918. Г. Баку.

Товарищи солдаты Кавказской Красной Армии!

Настал момент, когда решается судьба Рабоче-Крестьянской Революции в Закавказьи; когда решается вопрос самого существования народов Закавказья. Закавказский сейм объявлен распущенным, меньшевики и др. грузинские и дворянские партии объявили независимость Грузии, Елисаветпольские беки вслед за ними объявляют независимость Азербайджана. Турецкие войска захватили Александрополь, Эривань, Карс и Ахалкалаки. Турецкие генералы требуют пропустить их войска на Баку для подавления Бакинского пролетариата и уничтожения Советской Власти. Рабочие и крестьяне и все народы Закавказья—армяне, грузины и татары разбиты на отдельные группы, а войска их раздроблены и деморализованы всей этой предательской политикой беков и грузинских дворян. Как и на Украине, бекская партия—муссаватисты и грузинская дворянская партия—меньшевики, когда они не смогли справиться с восстанием своих крестьян, призывают к себе на помощь извне—турецкие войска.

Вы знаете, товарищи, что еще в январе м-це в татарских селах Елисаветпольского уезда началось восстание татар крестьян, которые беспощадно стали истреблять своих беков и забирать их земли, а сейчас татары—крестьяне нескольких уездов Бакинской губернии и народы Дагестана открыто заявили о признании Советской Власти.

Бекам Шихлярским, Гоцинским, Талышинским и др. приходится скрываться со своими бандами в горах.

Восстание муссаватистов в Баку и его районах и призывы к „газавату“ в Дагестане и в Закавказье не встретили поддержки со стороны крестьян мусульман. Лишь некоторые среди них введены в заблуждение. Крестьянам татарам Закавказья войска турецких пашей грозят полным порабощением их. А для трудовой массы армянского крестьянства господство беков и ханов означает полное истребление. Уже сейчас, опасаясь этого, сотни тысяч армян крестьян, а также и русских Карской области и Эриванской губернии бросают на произвол судьбы все хозяйство, созданное многолетним трудом, и бегут к Тифлису и далее на Северный Кавказ. А если случится то, о чем уже поговаривают в Тифлисе, если армянские полки будут обезоружены, тогда, как это было при Абдул-Гамиде, начнется поголовное истребление армянского трудового народа.

В Грузии и в Горийском уезде, в Имеретии и Мингрелии крестьяне точно так же восстают против своих дворян—помещиков и истребляют их. Большевики посылают против крестьян карательные экспедиции, расстреливают и обезоруживают их. По всей Грузии нарастает волна революционного движения. Грузины крестьяне перед лицом опасности окончательного порабощения их турецкими штыками уже поняли, что большевики губят дело Рабоче-Крестьянской Революции, что спасение трудовой Грузии в тесном единении с рабочими и крестьянами всей Советской России.

Товарищи солдаты Кавказской Красной Армии! Взоры всех трудящихся—рабочих и крестьян Закавказья обращены на Бакинский пролетариат и его Красную Армию и флота.

На устах всех порабощенных, истерзанных и несчастных Закавказья—имя Бакинских рабочих. Бакинскую Красную Армию ждут как избавителя. К Вам примкнут все, кто имеет оружие в своих руках. В Армении и Грузии много мужественных борцов. Они слабы лишь тем, что их раз'единили, их предали своей политикой меньшевики, муссаватисты и Тифлиссские дашнакцуканы.

Товарищи солдаты 1-го Кавказского Красного Корпуса! На

Вас ложится величайшая задача быть той силой, которая первая нанесет мощный удар контр-революции в Закавказьи, которая объединит и вызовет к восстанию всех рабочих и крестьян без различия национальностей. Побеждая, Вы спасете от гибели народы Кавказа; Вы спасете Баку—центр нефтяной промышленности для всей Советской Республики—и тем укрепите рабоче-крестьянское социалистическое государство. К Вам идут и еще придут на помощь с Северного Кавказа и из России всем, чем возможно.

Моряки Каспийской флотилии по-прежнему будут поддерживать Вас, обеспечивая район побережья. Бакинские рабочие, не смотря на продовольственные затруднения, останутся на своем рабочем посту и всей силой своей организованности будут поддерживать Вас, в нужные минуты пополняя Ваши ряды; Вы будете сильны, товарищи солдаты, не только численностью, но и теперь уже Вы значительно сильнее Ваших врагов силой своего сознания и революционного духа, тем, что Вы являетесь армией, защищающей трудовой народ, а не интересы помещиков и капиталистов.—И знайте, товарищи солдаты, если Вы в борьбе будете щадить и оберегать жизнь и хозяйство крестьян-мусульман, армян и грузин, если Вы поможете им силой оружия свергнуть своих помещиков и овладеть их землями—тогда никакие почища пашей, беков и дворян не будут Вам страшны. Тогда Вы победите и вместе с Вами весь трудовой народ. Тогда в Закавказьи утвердится Советская Власть рабочих и крестьян и красное знамя, спущенное с Тифлисского дворца, вновь высоко поднимется над ним, как знак освобождения трудящихся от ига капиталистов и помещиков. Так смело же, вперед на бой кровавый, но „святой и правый.“ С Вами вместе пойдут старшие Ваши товарищи по революции. Вперед к победе!

Подлинный подписал:
Народный Комиссар по военно-морским делам

Корганов

ДОНЕСЕНИЕ КН. ТАРКОВСКОГО.

**Временный
Воспальный Диктатор
Дагестанской Области**

№ 45

21 октября 1918 г.
Гор. Темир-Хан-Шура

*Его Превосходительству
ИСМАИЛ ХАКИ БЕЮ*

Командующему на Северном Кавказе

Копия А. М. Чермоеву.

В последнее время стали усиливаться слухи о том, что в Нагорном Дагестане растет агитация против Диктатора в моем лице и вообще против той части интеллигенции, которая помогает мне в городе Т.-Х.-Шуре организовать Управление и поддерживать порядок и спокойствие на территории, занятой раньше большевиками. Я этим слухам не придавал особенного значения, считая их делом недобросовестных агитаторов, которые не знают моих намерений и судят обо мне, основываясь на сплетнях недоброжелателей. Я был спокоен, зная что Вы осведомлены о моей работе и моих намерениях, направленных к благу Дагестана и всегда сумеете авторитетным разъяснением населению Нагорного Дагестана развеять ложь и сплетни и восстановить правду.

Однако я был очень удивлен и огорчен, когда на днях получил за Вашей подписью (несобственноручной) воззвание к населению Дагестана, где Вы, не называя лично меня или кого либо из моих многочисленных помощников, бросаете намеком обвинение, которое недоброжелателями может быть обращено по нашему адресу.

Правда, в этом воззвании все, кроме пункта 3, написано правильно и хорошо. Но в пункте 3 сказано, что „некоторые из влиятельных дагестанцев, известных между мусульманами“ вошли в соглашение с Бичераховым и стараются очистить Дагестан от турок и

оставить его под гнетом России. Этот намек наше темное население связывает несомненно с именем моим и моих сотрудников. Доказательством служит обращение Каймакама Аварского округа к населению, подстрекающее население не посылать депутатов в Областной Совет в Шуру, так как я, Нух бек, будто бы вошел в соглашение с казаками и русскими и действую в угоду им.

Если воззвание, приписываемое Вам, подложно,—то будьте добры подлинным воззванием опровергнуть ложь и клевету на меня, распространяемые в горах от Вашего имени. Если же упомянутое воззвание выпущено Вами и в пункте 3 Вы подразумеваете меня и моих сотрудников, то я Вам заявляю следующее:

Когда большевики имели власть в Шуре и вели войну с горцами, я и Вы совместно старались уничтожить их, при чем я, желая избежать чрезмерного кровопролития, вошел в соглашение с Бичераховым, действовав совместно против большевиков. Это Вам я неоднократно сообщал. Цель наша удалась, т. е. большевики разбежались без боя с нами, главари их частью сидят в тюрьмах, частью скрываются, а некоторые из них, опираясь на Ваше к ним отношение, все еще свободно продолжают подпольно свою преступную деятельность, не говоря о тех, которые позорно присоединились к Бичерахову и действуют против нас.

В то время, когда мы в чрезвычайно трудных условиях месяцами непрерывно работали в интересах защиты Ислама и нации от посягательства извне, — те низкие люди, которые теперь лишь в силу вещей стали выдавать себя за ярых националистов и бесстыдно окружают Вас, в гор. Т.-Х.-Шуре и его окрестностях окончательно разоряли население и совершали над ним всякое насилие. Удивляюсь, почему Ваши Каймакамы и Хизроевы тогда молчали и не протестовали против насильников.

Я могу засвидетельствовать Вам, что все мои сотрудники больше уважают свою религию и нацию, чем те, которые окружают Вас и всеми мерами стараются дискредитировать и меня.

Не мои ли сотрудники и офицеры до последних дней сидели в окопах с целью освобождения Дагестана от большевистского произвола?

Ведь те умницы, которые ныне, приблизившись к Вам, провозируют против нас, не понюхали и запаха пороха в борьбе за Дагестанский народ. Имею сведения, что Хунзахца Магомеда Мирзу Хизроева, известного всему Дагестану, главаря большевистского движения в области, присвоившего и растратившего миллионное достояние Дагестанского народа, захватив в свои ру-

ки все продовольственное дело области, в настоящее время Вы приняли под свое покровительство и снабдили его удостоверением. Между тем он и его единомышленники и теперь не бездействуют. Их преступная противонациональная работа нам видна из полученных нами из Даргинского и других горных округов документов. Как бы изменники нации ни работали - мы все-таки сумеем парализовать их работу и защитить интересы народа Дагестана. Население Шуринского округа, слава богу, вернулось к мирной жизни, а находящееся в Шуре в складах продовольственных комитетов и прочих учреждениях имущество Дагестанского народа охраняется от расхищений.

Цель моя теперь заключается не в том, чтобы, завладев властью в Дагестане, укрепиться и никому власти не уступать, а лишь в том, чтобы как можно скорее власть эту передать своему народу в лице его представителей депутатов, которых я прошу народ выбрать как можно скорее. Я зову народных депутатов, чтобы передать им власть в области, а разные Ваши Каймакамы уговаривают народ не посылать депутатов в Шуру. Я еще не обращался к народу, а только собираюсь обратиться, как Вам известно, с призывом прислать депутатов в Областной Совет, причем в Нагорный Дагестан я послал инструкцию о выборах через Вас, а между тем провокаторы уже начали агитировать против меня и против Областного Совета. Кроме того меня удивляет какое-то двоевластие в горах в связи с действиями Областного Исполнительного Комитета на Гунибе, состоящего из двух лиц. Ведь Областной Исполнительный Комитет своим постановлением во время прихода большевиков в Шуру объявил себя распущенным. Тем не менее Областной Исполнительный Комитет на Гунибе так же старается всеми мерами дискредитировать меня в глазах населения.

Я просил Вас согласиться на созыв Областного Совета в Шуре на 20-е ноября, полагая, что к тому времени в Шуре уже не будет никакой опасности и Совет будет в состоянии свободно обсуждать выдвинутые жизнью вопросы о судьбе Дагестана. Я еще не получил ответа от Вас, но, зная Ваше доброжелательное отношение к Дагестанскому народу, я не сомневаюсь, что Вы согласитесь со мною и примите меры к пресечению клеветы и провокации, распространяемой в горах непонимающими людьми, по моему адресу.

Иначе нам очень трудно работать на благо Дагестана. Если я порву договор с Бичераховым (по которому, как Вам известно, я обязался лишь не вступать в войну), то я буду вынужден поки-

нуть Шуру и занять позиции в горах. Бичерахову тогда достанется Шура с достоинством Дагестанского народа, которому будет причинен большой ущерб. Если же я не нарушу этого договора и если его не нарушит Бичерахов, то Дагестанский народ может через свой Областной Совет народных депутатов устраивать свою жизнь согласно своим воззрениям и своему правосознанию. Судите сами, что нам выгоднее, и сообщите мне.

В настоящее время мною формируется полк, имеется налицо 500 человек, при чем с каждым днем приходят новые люди.

После занятия Дербента турками Бичерахов задерживает, видимо сознательно, или не хочет дать оружия, и поэтому я стараюсь хоть немного собирать винтовки в селениях. Но есть частные письма, в коих от Вашего имени предписывается населению не давать мне ни людей, ни оружия. Где же у нас единение?

Это ставит меня в зависимое положение от отряда Бичерахова, находящегося в гор. Т.-Х.-Шуре. Между тем, если бы я уже имел достаточно оружия и людей для образования гарнизона г. Шуры, достаточно для охраны безопасности и спокойствия от внутренних и внешних врагов, то я по договору имел бы право потребовать от Бичерахова сейчас же вывести свой отряд из Шуры и мог бы настаивать на полном невмешательстве Бичерахова во внутренние дела области.

Теперь, пока я не имею достаточной реальной силы, мои требования о невмешательстве Бичерахова в дела области не могут быть достаточно вески. Если все-таки я говорю с ним твердым языком, то только потому, что он не знает моих фактических сил. Селение Чиркей по моей разверстке должно было дать 30 человек вооруженных; общество было согласно дать людей и оружие. Между тем, когда появился в этом селении турецкий офицер, то под его влиянием общество отказалось выслать людей без особого распоряжения Исмаил Хаки Бея. В этом селении есть более 1000 винтовок, выданных им большевиками и до 100,000 патронов и оно могло бы дать требуемое количество вооруженных людей без всякого для себя ущерба.

Будьте добры, сделайте распоряжение чтобы общества, как селения Чиркей, так и других селений, относились к моим призывам с доверием и удовлетворяли бы предъявляемые мною к ним требования.

Ведь все мои требования имеют целью усиление Дагестана. Мне не хочется прибегать к насильственным мерам против населения. Я хотел вооружить свой полк безболезненно, беря незна-

чительное количество оружия. Помогите же мне в этом важном для нас всех деле.

Прошу обсудить все изложенное совместно с находящимся в настоящее время в городе Дербенте главой Правительства горцев Северного Кавказа Тапа Чермоевым и сообщить мне официальной бумагой, находите ли Вы и господин Чермоев избранный мною путь полезным для Дагестанского народа. В противном случае я готов сложить с себя все без исключения дела управления областью и распустить полк. Само собой разумеется, тогда я освобождаюсь и от ответственности за могущие произойти от этого последствия.

Полковник

Кн. Нух Тарковский.

ВЫПИСКА ИЗ ЖУРНАЛА ЗАСЕДАНИЯ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Препроводительная.

Многоуважаемый *Зубаир-бек!*

Препровождая при сем выписку из протокола постановления Азербайджанского Правительства, имею честь просить Вас поставить в известность Ваше Правительство о содержании этого постановления, и если Ваше Правительство согласно с точкой зрения Азербайджанского Правительства, то я просил бы в возможно короткий срок назначить членов в указанную смешанную Комиссию для выработки текста договора.

Пользуясь случаем прошу Вас принять уверения в моем к Вам уважении и почтении.

Министр Иностранных Дел
Азербайджанской Республики (*Подпись*)

Елизаветполь, 10 июля 1918 г.

Копия выписки

(от 9 июля 1918 года.)

С л у ш а л и:

Доклад министра Иностранных Дел о Союзе с Союзом Горцев Кавказа.

П о с т а н о в и л и:

1. Признать желательным самое тесное объединение Правительств Азербайджана и Союза Горцев Кавказа.

II. Пока же приступить к осуществлению намеченного докладом объединения четырех областей: а) вооруженных сил, б) иностранной политики, в) духовных дел и г) связанных с вышеуказанными вопросами финансов.

III. Одновременно с заключением договора по вышеуказанным вопросам установить и оформить особым дополнением: а) взаимоотношение Союза обоих Правительств к Турции по вопросам „а“ и „б“ ст. II-й и б) внешние границы обоих государств.

IV. Для редактирования договора и для выработки подробной конституции Союза избрать особую смешанную комиссию.

Верно: Управляющий Делами
(печать) Правительства *Р. Хойский*.

Настоящая выписка препровождается Г. Министру Иностранных Дел для сведения.

Управляющий Делами
Правительства *Р. Хойский*.

10-го июля 1918 года, г. Елисаветполь.

ПРОЕКТ
Союзного договора между Правительствами Республик
Азербайджана и Союза Об'единенных горцев Кавказа.

Правительство Республики Азербайджанской с одной стороны и правительство Республики Союза Об'единенных Горцев Кавказа с другой, сознавая связанность народов обеих Республик между собою общностью религии, культуры, нравов и исторического прошлого, а равно и по соображениям стратегическим, экономическим и политическим, постановили:

Возсоединить эти две Республики на нижеуказанных основных началах.

Ст. 1.

Устанавливается постоянный прочный союз между Правительствами Республик Союза Об'единенных Горцев Кавказа и Азербайджанской.

Ст. 2.

Военная организация народных сил обеих Республик: Азербайджанской и Союза Об'единенных Горцев Кавказа и управление этими силами устанавливается единое, общее для обеих Республик. На эту общую военную организацию возлагаются все обязанности и ответственность по обеим Республикам, как по охране внешних границ, так и по охране суверенных прав народов и оказанию помощи и содействия Правительствам обеих Республик, в нужных случаях, по водворению порядка и спокойствия на территориях Республик.

Ст. 3.

Заведывание внешним представительством и иностранной политикой обеих Республик передается также в одно общее управление. За отдельными Федерациями остается только право представительства по вопросам экономического характера.

Ст. 4.

Управление финансами обеих Республик в смысле обеспечения содержания армии, всех военных расходов, расходов по содержанию остальных общих учреждений и вообще в целях объединения финансовой системы обеих Республик также передается в одно общее Управление (министерство финансов).

Ст. 5.

Организация управления духовными делами мусульман вместе с главою мусульманского духовенства (Шейх уль Исламом) также принимается единая общая для обеих Республик, при чем Халифом всех мусульман признается Его Императорское Величество Султан Оттоманской Империи.

Ст. 6.

Законодательная власть по вышеуказанным общим ведомствам обеих Республик принадлежит Союзному Совету обеих Республик, составленному из представителей законодательных палат каждой Республики в равном числе.

Ст. 7.

Указанный в ст. 6 Совет организует исполнительную власть (Министерства) по указанным общим ведомствам, которая и ответственна только перед Союзным Советом обеих Республик.

Ст. 8.

По подписанию настоящего договора надлежаще уполномоченными представителями Правительств обеих Республик должна быть избрана особая комиссия в равном количестве от обеих сторон для подробной разработки внутренней формы воссоздания обеих республик: „Союза Об'единенных Горцев Кавказа“ и „Азербайджанской“ на началах приведенных в предыдущих статьях настоящего договора.

Ст. 9.

Настоящий договор вместе с разработанной особой комиссией, указанной в предыдущей статье, подробной внутренней формой воссоздания двух Республик: Союза Об'единенных Горцев Кавказа и Азербайджанской, должен быть утвержден не далее шести м-цев со дня подписания Его полномочными Представительными Народными Учреждениями обеих Республик.

В ПАРЛАМЕНТЕ ГОРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ.

(Заседание 9-го марта с. г.).

**Доклад Председателя Союзного Совета Инженера Темир-Ханова
о поездке чрезвычайной делегации в Терскую область для перегово-
ров с Добровольческой Армией генерала Деникина.**

Когда с месяц тому назад добровольческая армия, преследуя большевиков, вступила на территорию Терской области, то здесь произошло их первое столкновение с горцами на территории Ингушетии. Представители ингушского народа встретили передовые отряды добровольческой армии и обратились к ним за разъяснениями, кто они такие и каковы их намерения. Последние заявили, что являются частью добровольческой армии, задавшей целью освободить Россию от большевиков и что в настоящее время направляются на Владикавказ, чтобы оттуда изгнать большевиков; они избрали путь через Ингушетию, как наиболее удобный для выполнения их стратегических задач. Представители ингушского народа заявили, что Ингушетия составляет часть Республики Союза Горцев Кавказа, что от своего правительства, находящегося в городе Темир-Хан-Шуре, никаких известий относительно возможности прохождения через территорию Ингушетии, составляющую часть территории Горской Республики, какой бы то ни было армии они не имели, что немедленно по этому вопросу они снесутся с Правительством Горской Республики и до получения ответа не могут позволить пройти добровольческой армии через их территорию.

Командование добровольческой армии заявило, что никакой Горской Республики оно не признает. Тогда представители ингушского народа указали со своей стороны, что они с оружием в руках будут отстаивать неприкосновенность территории Горской Республики.

Ответ со стороны представителей командования деникинской армии последовал в том духе, что сопротивление их не остановит. Состоялся бой, длившийся 7—8 дней.

Одновременно к Горскому Правительству в гор. Темир-Хан-Шуру была отправлена делегация от ингушского народа с сообщением о всем происшедшем.

Горское Правительство, обсудив положение дел, имея в виду предыдущую совместную с добровольческой армией борьбу с большевиками и полагая в этом случае наличие недоразумения со стороны авангардов армии, не вполне осведомленных о действительном положении дел и задачах главного штаба, решило отправить туда делегацию для выяснения этого недоразумения.

Делегации было поручено осведомиться, как в действительности смотрит главное командование добровольческой армии на политическое положение горских народов. Каковы его планы и намерения в отношении этих народов.

Делегации была дана инструкция неукоснительно и твердо отстаивать независимость и самостоятельность Республики Союза Горских Народов и поручено в отношении остальных вопросов, касающихся взаимоотношений Горской Республики и добровольческой армии, войти в переговоры и установить определенные соглашения.

Делегации было поручено подтвердить высшему командованию добровольческой армии, что и поныне борьба с большевизмом и большевиками составляет одну из главнейших задач Горского Правительства, которое на большей части своей территории освободилось уже от большевиков, что другая часть территории Горск. Республики: Ингушетия, Кабарда и Осетия будут освобождены от них, как только закончится формирование Горским Правительством воинских частей, имеющих специальное для сего назначение.

Установив таким образом общность и тождественность своих задач, делегация должна была указать высшему командованию добровольческой армии, что Правительство Горской Республики настаивает на признании за горскими народами права на независимое и самостоятельное существование и самоуправление при помощи имеющегося представительного органа: Союзного Совета Горских Народов и выделенного из него правительства, до окончательного разрешения этого вопроса наряду с аналогичными вопросами других государственных новообразований на всемирной конференции в Париже, куда отправлена Горским Правительством особая делегация.

Для переговоров с представителями добровольческой армии делегация выехала по железной дороге из Т.-Х.-Шуры. Доехав до ст. Хасав-Юрт, где железнодорожное сообщение пока закавчивается, делегация на лошадях поехала далее, и, переехав Терек, прибыла на ст. Шелковскую.

Политическое положение этого района в настоящее время рисуется в следующем виде: большевистская власть здесь ликвидирована. Теснимые добровольческой армией, большевики разбились на две колонны. Одна колонна, гонимая ген. Покровским, направилась на Кизляр, другая, преследуемая генералом Шкуро, направилась на Владикавказ.

Весь Кизлярский отдел занят добровольческой армией, а большевистские отряды перешли в калмыцкие степи и преследуются в этих степях. Однако, преследование удалось вести лишь на расстоянии до 70 верст вглубь степей, дальнейшее не представлялось возможным за отсутствием продовольствия у добровольческой армии и в силу свирепствующих там мятежей и морозов.

Красноармейская армия подверглась крайнему разложению и деморализации. Вся армия лишена продовольствия и одежды и массами гибнет от голода и мороза. Преследовавшие их казаки передают, что степь полна трупов.

Двинувшийся в степи отряд красноармейцев имел первоначально до восемнадцати тысяч человек. Но затем около шести тысяч человек вернулись обратно в Кизляр и добровольно отдались в распоряжение денкинцев. Около шестисот человек большевиков, главным образом вожаков и начальствующих лиц, снабженных конным и верблюжьим транспортом, прорвались к Астрахани, где и соединились с местными большевиками.

Первоначально делегация обратилась в штаб ген. *Покровского*, но последний заявил, что он, ген. *Покровский*, заведывает оперативной частью войны и в политике не компетентен, и указал, что на ст. Прохладной имеется штаб ген. *Ляхова*, где несомненно могут разрешить интересующие нас вопросы и куда нам и надлежит за этим ехать.

Для свидания с ген. *Ляховым* делегация проехала через Моздок на ст. Прохладную; однако, здесь оказалось, что ген. *Ляхов* выехал во Владикавказ; одновременно и делегация, имея в виду информироваться о положении вещей во Владикавказе и в Ингушетии, выехала туда, надеясь встретиться во Владикавказе с ген. *Ляховым*. Однако, ген. *Ляхова* и здесь не было; тут стало известным, что он в это время находится в Пятигорске. Но сооб-

щение с Пятигорском было весьма затруднено. Правильное железнодорожное движение в этом районе теперь не происходит. В настоящее время на Ростов направляются лишь воинские эшалоны, которые спешно перебрасываются на Дон, в виду наступления на Донскую область значительных большевистских сил со стороны Москвы.

Положение на Дону рисовалось весьма критическим.

По замечанию одного из возвратившихся оттуда—„Дон истекает кровью“.

В настоящее время Дон все свои надежды возлагает исключительно на Кубань и потому все воинские части усиленно перебрасываются теперь в Донскую область.

Во Владикавказе депутация информировалась, как об истекших событиях, так и о современном положении дел.

Владикавказ был занят дивизией ген. *Шкуро*. Большевики оказали упорное сопротивление. Бой за Владикавказ продолжался также на улицах города. В окончательном итоге большевики оказались побежденными и отступили: часть по Военно-Грузинской дороге на Грузию, где были обезоружены войсками Грузинской Республики, после чего отведены в ее предел; другая незначительная часть укрылась в горах и некоторых селениях Ингушетии, Осетии и Чечни.

Таким образом большевизм и в этой части области оказался ликвидированным. Однако должно заметить, что одной из главных причин поражения большевиков явилось чрезмерное распространение эпидемии сыпного тифа. Все мало мальски подходящие в городе помещения, как то: школы, училища, свободные казенные и городские учреждения, значительные помещения в частных домах—все это было обращено в лазарет и тем не менее лазареты были переполнены.

Ежедневно умирало от 500 до 600 человек красноармейцев. Умерших не успевали хоронить. Все станции главной линии Владикавказ—Ростов, Теречной линии и веток: Кизлярской и Минераловодской переполнены полураздетыми, голодными и больными красноармейцами, многие из коих замерзают и умирают на глазах публики и никто никакого внимания на них не сбрщает.

Добровольческая армия жестоко расправилась с ингушским народом, который обвиняла в сочувствии большевизму и в котором хотела видеть большевиков.

Три ингушских селения: Долоково, Кантышево и Базоркино были сравнены с землей. Мирное население их подвергнулось

варварскому уничтожению. И в результате всего на ингушский народ были наложены чрезвычайно тяжелые кары за оказанное ими добровольческой армии сопротивление при вступлении ее в пределы их родного края—Ингушетии, которую они считали входящей в состав Горской Республики.

Добровольческая армия потребовала от ингушского народа: сформировать немедленно за счет народа для борьбы с большевизмом в России 4 конных полка и 2 конных батареи, при чем один конный полк должен выступить в Россию не позже 25-го февраля старого стиля; выдать 2¹/₂ тысячи винтовок и около 50.000.000 руб. контрибуции. От осетинского народа потребовано: 4 конных полка 6-ти сотенного состава и 6 батальонов пеших, сформированных тоже за счет народа.

От Кабардинцев: 4 конных полка на тех-же условиях. Кроме того к отдельным селам, которые подозревались в большевизме, предъявлены крайне тяжелые требования, как, например, к осетинскому селению Христиановскому: уплатить 5 миллионов руб., 100.000 пуд. кукурузы, 10.000 голов лошадей и столько же рогатого скота. Разочаровавшись в возможности встречи с ген. Ляховым, депутация узнав, что общее командование над обоими армиями поручено ген. Врангелю и, надеясь найти у него разрешение интересующих вопросов и выяснить создавшееся для Горской Республики положение, направилась из Владикавказа в Кисловодск, где ген. Врангель имел в то время пребывание. Здесь, однако, депутацию снова постигла неудача; повидаться с ген. Врангелем депутации не удалось, так как в это время он лежал больным сыпным тифом и потому никто к нему не допускался.

Тогда депутация решила выехать в Екатеринодар, чтобы войти в непосредственное сношение с ген. Деникиным, по делам порученной ей миссии. Генерал Деникина хотя и назначил день и час для приема делегации, но потом почему-то раздумал и через своего ад'ютанта заявил, что делегации надлежит обратиться к ген. Ляхову, которому он передал все свои полномочия по управлению Терско-Дагестанским Краем и потому вмешиваться теперь в его дела и распоряжения не считает себя вправе, ибо ген. Ляхов имеет возможность самолично разрешить все интересующие нас вопросы своею собственною властью, поэтому и рекомендовал нам обратиться непосредственно к ген. Ляхову.

Это переполнило чашу терпения и обид, которые все время переносила делегация во имя блага и счастья своего народа и с целью сделать все возможное для предотвращения вооруженного

столкновения между добровольческой армией и Горским Народом.

Ехать далее на поиски ген. Ляхова делегация не согласилась и, оставив приводимое ниже заявление, решила выехать обратно в Темир-Хан-Шуру.

Вместе с подачею сего заявления, делегацией было подчеркнуто представителям штаба добровольческой армии, что последние события заставляют нас с совершенно другой точки посмотреть на наши отношения с добровольческой армией и определенным образом квалифицировать ее поступки по отношению к нам. К сожалению, наше искреннее и горячее желание рассеять наши опасения, выяснить создавшуюся неясность и определить наши истинные отношения не встречается, повидимому, сочувствия со стороны главного командования. Поэтому, мы снимаем с себя ответственность за все могущие в дальнейшем последовать, вследствие этого, события. Как народные представители, мы не считаем себя вправе далее добиваться возможности дальнейших свиданий и бесед. Конъюнктура событий для нас выясняется, равно как для нас очевидны реставрационные попытки главного командования добровольческой армии, а потому мы отказываемся от свидания с ген. Ляховым, ибо в таком случае вести с ним переговоры мы не находим ни необходимости ни даже возможности.

Делегация оставалась несколько дней в Екатеринодаре, чтобы информироваться о положении вещей на Кубани.

Кубанское казачество, так же, как и мы, самоопределилось. Своим представительным органом оно избрало Краевую Раду. Члены этой Краевой Рады собираются лишь периодически и законодательствуют по особо важным государственным делам. Постоянно же заседает малая Краевая Рада (Законодательная Рада), которая законодательствует по обычным вопросам. Большая Краевая Рада избирает Краевого Атамана, которому принадлежит право формировать кабинет, для этой цели он назначает главу правительства.

Таким образом весь строй Кубанской Республики напоминает собою строй Французской Республики, где Краевой Атаман является президентом, большая Краевая Рада—сенатом, малая Краевая Рада—парламентом; где Президент назначает главу Правительства, которому поручает формирование из числа депутатов кабинета, ответственного пред Парламентом.

Таким образом, вся государственная власть по управлению Кубанскою областью принадлежит Раде и Кубанскому Правительству.

Вначале добровольческая армия отнеслась к указанной самобытности и самоопределению Кубанского казачества отрицатель-

но, и последнему пришлось вести упорную борьбу за свою независимость и самостоятельность.

Кубанское казачество с самого начала ни под каким видом не позволяло командованию добровольческой армии вмешиваться в свои внутренние дела.

Армия Кубанского Края и его правительство, поставив своей задачей борьбу с большевиками, только на этой платформе и исключительно в вопросах оперативного характера вступила в отношения с добровольческой армией, в остальных же вопросах она резко с нею расходилась. Конечно, Кубанскому Правительству это было тем более легко добиться у главного командования добровольческой армией, что почти 90 % ее составляли Кубанские казаки.

В настоящее время добровольческая армия имеет в Кубанской Краевой Раде одного представителя, причем в последнее время добивается усилить свое представительство до четырех человек. В виду определенного отношения к своему ходатайству со стороны Краевой Рады, добровольческая армия мотивирует свое ходатайство об увеличении представителей невозможностью одному человеку в полной мере объять все вопросы, интересующие добровольческую армию, которая может согласиться, чтобы все четыре ее представителя, однако, при голосовании пользовались лишь одним голосом.

Некоторые из депутатов Кубанской Краевой Рады, узнав о политике главного командования на территории Союза Горцев, были крайне изумлены и возмущены. Они никак не могли примириться с мыслью, что фактически главное командование добровольческой армией как бы их собственными руками губит дело народовластия в пределах территорий Горских народов и устанавливает там порядок и режим самодержавия. Депутаты Кубанской Рады уверили нас в том, что Рада не знала об этой политике добровольческой армии, что она не сочувствует этой политике и в насаждении черной реакции не только не окажет добровольческой армии какого бы то ни было содействия, но примет зависящие меры воздействия, дабы изменить политику добровольческой армии в отношении Горского Правительства. Касаясь взглядов Кубанского народа на будущее России, депутаты сообщили, что мыслят Россию, как Республику, построенную на федеративных началах, и всячески будут защищать лишь этого рода ее государственный строй.

Когда они убедятся, что добровольческая армия ведет их

руками Россию на иной путь, они всецело воспротивятся осуществлению ее вождельний.

Это заявление, сообщает докладчик, нас успокоило.

Есть и на Кубани люди, которым дорога свобода.

Это дало нам повод думать, что мы в единении с ними без кровопролития сумеем отстоять свои позиции.

Отношение добровольческой армии к казакам Терской Области иное, чем к горцам. Так, ген. Ляхов заявил, что на 20 марта в Пятигорске созывается Войсковой Круг от всех представителей Терского Казачества, который изберет Краевого Терского Атамана и свое Правительство, вроде Краевой Рады Кубанского Казачества.

И только в отношении нас, горцев, добровольческая армия, покушается на нашу независимость, хочет разрушить созданную нами нашу собственную государственность, вернуть нас к порядкам до революционного периода.

Добровольческая армия в упоении своей победы над большевиками здесь, в пределах Кавказа, где в этом ей оказали существенную помощь и Кубанское казачество и воинские части Горского Правительства, забывает, что очистить, Терскую и Кубанскую области и Дагестан от большевиков—не значит еще очистить всю Россию от большевиков.

В России советская власть в настоящее время—в полной силе.

Покинув Екатеринодар с некоторым удовлетворением мы поехали обратно.

На ст. Минеральные Воды мы узнали, что штаб ген. Ляхова со ст. Прохладной переведен в Пятигорск, и что вскоре ген. Ляхов ожидается здесь проездом в г. Грозный на Чеченский съезд.

По приезде нашем на ст. Прохладную нас нагнал поезд Ляхова и мы, пересев, проехали в этом поезде от ст. Прохладная до ст. Беслан, имея в это время беседу с ген. Ляховым.

В этой беседе точно выяснилось, что ген. Ляхов считает себя главным начальником над Терским и Дагестанским краем как в отношении управления его военных сил, так и в гражданском управлении этим краем. Диктаторскими правами над этим краем он уполномочен главным командованием добровольческой армии.

В деле управления отдельными Горскими народами ген. Ляхов считает достаточным ограничиться назначением каждому из этих народов особых правителей из представителей этого же народа. В этом отношении ген. Ляховым уже сделан ряд назначений.

В Кабарду им поставлен Правитель князь *Бекович-Черкасский*,

имеющий резиденцию в Нальчике, в Осетию предполагает поставить Генерала *Абадиева*, в Ингушетию—генерала *Мальсагова*, в Чечню—генерала *Алиева*, в Дагестан—полковника князя *Тарковского*. Ген. Ляхов считает, что Союз Горцев не должен существовать.

Отдельные народы могут еще иметь при назначенном им Правителем свой совещательный орган, поставленный им же Ляховым; никакого объединения и общения между округами он, Ляхов не допустит и немедленно же намерен приступить к разоружению Горского Союза.

Ген. Ляхов указывал, что он и так делает много уступок горцам: он назначает Правителей из местных лиц, и, по возможности, назначает и чиновников из местного же населения.

Правители и чиновники из местных лиц смогут образовать при нем Совет, который будет иметь характер совещательного органа.

Таким образом, он дает горским народам Меджлис и дальше этого Ляхов на какие либеральные уступки пойти не может.

Ген. он ни заметил, что это даже превышает его полномочия, данные ему Деникиным.

Установив точку зрения ген. Ляхова,—нам стало ясно: соглашение состояться не может.

Мы решили покинуть поезд на ст. Беслан, проехать по делам во Владикавказ, и через день приехать в г. Грозный на с'езд Чеченцев.

Поезд ген. Ляхова простоял на ст. Беслан 6 час. Принимали ген. Ляхова по-царски.

Торжественные депутации от частей добровольческой армии, почетные караулы и торжественный обед в зале 1-го класса со своей свитой и трубачами—все это в памяти докладчика воскресило старое время и напоминало приемы и официальные проезды Наместника Кавказа.

На ст. Беслан нас розискал начальник города Владикавказа и заявил, что нам в'езд во Владикавказ запрещен, при чем просил сообщить, поедет ли мы.

На наш недоуменный вопрос, кем и чем вызвано такое запрещение, он отказался отвечать, но продолжал настаивать на своем требовании. Нам оставалось только заявить, что мы не в силах противиться насилию, протестуем против такового, но принуждены подчиниться грубой силе.

Однако, разрыв делегации с ген. Ляховым состоялся. В дальнейшем вместе мы уже не ехали.

Второй депутат, *Арслан бек Бутаев*, поехал в целях информирования в родное селение, я же, узнав, что председатель Горского Правительства г. *Коцев* находился в настоящее время в Грозном, уже частным образом поехал в поезде Ляхова г. Грозный, желая успеть приехать во время к с'езду Чеченского народа.

В Грозном происходил с'езд Чеченского народа, который собрался в ближайшем к гор. селении—Алды. Обсуждались требования, пред'явленные к Чеченскому народу добровольческой армией.

Вторая делегация доложит о Чеченском с'езде, я же могу лишь для характеристики настроения, господствовавшего на с'езде, сообщить о том, что когда разбирался вопрос о посылке делегации к ген.Ляхову—с'езд стал на ту точку зрения, что если ген. Ляхову нужно что либо от Чеченского народа, то пусть сам приедет в сел. Алды и скажет о том, что ему нужно, но посылать к нему депутацию не должно.

И только после убедительных доводов представителя нашего Правительства было решено послать к генералу Ляхову представителей Чеченского с'езда, чтобы объявить ему о решении, принятом на с'езде.

В гор. Грозном состоялось совещание ген. Ляхова с представителями Чеченского с'езда. Заседание было открытое и присутствовало на нем немало горожан и казаков.

По открытии заседания представители Чеченского с'езда заявили:

— „С'езд Чеченского народа единогласно постановил никаких ответов на пред'явленный ультиматум ген. Ляхова не давать и предложить ему по всем вопросам, касающимся Чеченского народа, обратиться к Горскому Правительству“.

Ляхов такого отношения не ожидал. Ему освещали дело иначе. Лица, определенным образом настроенные против Горских народов и являющиеся сторонниками „старинных испытанных мер“, убеждали в том, что стоит ему только явиться с кулаком и во всем блеске своего величия, как эти дикари раболепно преклонятся пред ним.

Этим объяснялось его пренебрежительное отношение к Горскому Правительству и Горской свободе.

Оказанное единодушное сопротивление и проявленная солидарность ошеломили его, заставив понять свои заблуждения и начать искать выхода из создавшегося положения. Тогда он обратился к представителям Горского Правительства, прося их вывести из создавшегося тупика.

— „Хотите править—будьте при мне. Вы будете моим Меджлисом,“ убеждал он нас.

Мы указали ему, что народ хочет представительного управления, облеченного народным доверием.

Председатель Правительства передал нам о речи своей, сказанной ген. Ляхову, смысл которой сводился к следующему:

— „Дело не в Вашем лице. Мы заявляем протест не против ген. Ляхова. Нам все равно—кто ни будет действовать от добровольческой армии. Но добровольческая армия не должна вмешиваться ни в какие сферы деятельности Союза Горских Народов.“

— „Что же я, в таком случае, должен делать“.—возразил ген. Ляхов.

— „Вы должны уйти из территории Союза Горских Народов,“—последовал ответ Председателя Правительства.

— „Куда же я должен деть целый ряд генералов и полковников, которым уже раздал места в пределах Терско-Дагестанского Края?“

Все же в конце своей беседы ген. Ляхов заявил, что в разрешении предложенных нами ему вопросов он не компетентен. Советовал ехать в Екатеринодар к ген. Деникину для разрешения принципиальных вопросов и добавил, что с своей стороны он телеграфно сообщит ген. Деникину свою точку зрения на эти вопросы.

После этого нами было решено, что Председатель Правительства Пшемахо-Коцев выедет в Екатеринодар для собеседования и выяснения с ген. Деникиным поставленных нам, жизненных для Союза Горских Народов, проблем. Мы же возвратимся обратно в Темир-Хан-Шуру к исполнению наших обязанностей в Парламенте.

Однако, до отъезда мы выработали совместно ультимативные требования Горского Народа, которые надлежит пред'явить через Председателя Горского Правительства генералу Ляхову и которые разделяются на две части.

В первой своей части вопросы касаются борьбы с большевиками. В этой области интересы наши солидарны. Здесь задачи могут быть поставлены—большая или малая. Исходным пунктом может служить соображение, что если большевизм не будет ликвидирован во всей России, то и у себя дома, в Горской Республике, мы не обеспечены от возможности вторжения в наши пределы большевиков, повторения всех ужасов анархии. Потому—принципиально—большевизм должен быть вырван с корнем. Однако, в каком размере, виде, форме должно проявиться в этом участие со стороны Горской Республики—этот вопрос подлежит обсуждению с Правительством.

Второй вопрос касается управления Горскими Народами. Этот вопрос не должен даже обсуждаться. Основное положение: у Горских Народов существует народоправство и разрушать его—значит итти определенно на войну с Союзом Горских Народов, который решил до последней капли крови отстаивать свою самостоятельность и независимость.

Доклад вызвал оживленные прения в течение нескольких заседаний. В результате вынесены были нижеследующие *резолюции*.

1. Горские Народы Кавказа, объединившись в Союз, стали на путь независимости и Союзный Совет Горской Республики принял на себя всю полноту государственной власти и управляет на основании положения, принятого с'ездами Горских Народов и Союзным Советом, по которому державным хозяином Горского Края является Союзный Совет Горской Республики с Правительством, избранным этим Советом и отвечающим за свои действия только перед ним. С этого пути строительства жизни Горских Народов Кавказа, в основу которого положены идея государственности и народоправства, Союзный Совет не сойдет и использует все средства, имеющиеся в его распоряжении для защиты этого положения, пока не разрешится вопрос о независимости новых государственных образований Всемирной Конференцией в Париже, перед которой должны будут склониться все.

2. В назначении добровольческой армией главноначальствующим и командующим войсками Терско-Дагестанского края генерала Ляхова с представлением ему прав, игнорируя совершенно Горское Правительство, назначать по своему усмотрению правителей отдельных горских народов, пред'являть требования к ним о разоружении населения, выставлении полков для борьбы с большевизмом в России, восстановлении разрушенных по постановлению Терского Совнаркома станиц и возмещении убытков этих станиц и прочие требования,—Союзный Совет усматривает покушение на самоопределение Горских Народов. А потому выразить перед всеми Великими Державами и всеми государственными образованиями на территории бывшей Российской империи и перед демократией мира—решительный протест против такого глубокого насилия добровольческой армии над Горскими Союзными Народами Кавказа и желания начать реставрацию старой дореволюционной России с Горских Народов.

3. Поручить Правительству Республики Союза Горцев принять спешно все решительные меры и мобилизовать все силы и

средства Республики для охраны и защиты самостоятельности Союза и отражения надвигающейся на свободу Горских Народов угрозы и опасности с стороны добровольческой армии, на случай, если и переговоры Председателя Горского Правительства с представителями добровольческой армии не приведут к желанным для Союзного Совета результатам.

4. Избрать из состава Союзного Совета особую комиссию по обороне Республики в составе 5-ти лиц.

5. Обратиться от имени Союзного Совета с воззванием ко всем гражданам Республики с указанием надвинувшейся грозной опасности Горской свободе со стороны добровольческой армии, с призывом всем, кому дорога эта свобода, стать в ряды почетной горской милиции для отражения надвигающихся на нашу свободу черных туч.

Приложение к газете
„Вестник Горской Республики“
№3. г. Т.-Х.-Шура, 1919 г.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Деникину от Союза Горцев.

ЕГО ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ ЮГА РОССИИ ГЕНЕРАЛУ **ДЕНИКИНУ**.

Чрезвычайной Делегации Правительства
Союза Горских Народов Кавказа.

З А Я В Л Е Н И Е.

После захвата власти в Петрограде большевиками и прекращения вследствие этого всякого сообщения между окраинами и центром в декабре 1917 года во Владикавказе Центральный Комитет Союза Горцев, избранный на 2 общегорском съезде, организовал Правительство Горских Народов Кавказа.

Правительство ставило себе целью поддержать порядок в крае и организовать управление в районе горской территории, включающей в себя Дагестанскую область и Терскую область по правую сторону Терека, с присоединением Нальчикского округа.

В период засилья большевиков Правительство вынуждено было оставить пределы своего края.

Находясь вне края, Правительство стало организовывать борьбу против большевиков, собирать силы и средства для этой борьбы, готовить к ней население.

К осени 1918 года Правительством Горским были очищены от большевиков вся Дагестанская область и Хасав-Юртовский Чеченский район Терской области, за исключением гор. Грозного.

Правительство обосновалось тогда в гор. Темир-Хан-Шуре, вошло в соглашение с Английским Командованием в Баку и стало продолжать дальнейшую подготовку к борьбе с большевиками в районе остальной Горской территории—Ингушетии, Осетии и Кабарды. Для этой цели Правительством: а) сформированы воинские части, б) было заключено особое соглашение с отрядом *Колесникова* о совместных действиях против большевиков (копию прилагаю). Отряд этот был снабжен Горским Правительством день-

гами и военным снаряжением (патронами и снарядами), в) к делу были привлечены и английские военные силы. г) Правительство вошло в особое соглашение с представителем добровольческой армии в Баку ген. *Эрдели*, по приказанию которого были предоставлены в распоряжение Командующего Горскими силами полковника *Хабеева* воинские части и боевое снаряжение (прилагаем копии телеграмм), и все эти силы, под главным командованием ген. *Томсона*, должны были очистить Терский Край от большевиков. В первых числах февраля по н. ст. подготовка была закончена и войска были двинуты для исполнения поставленных им целей. Указанная подготовка к наступлению и самое наступление производились при непосредственном участии и содействии дипломатической военной миссии английской состоящей при Горском Правительстве в Темир-Хан-Шуре, во главе с полковником *Ройландсоном*. Таково было положение дел в тот момент, когда добровольческая армия вступила в пределы Горской территории и заняла, при участии горских частей и местных горцев, Владикавказ, Грозный, Нальчик и др. пункты.

Так как добрармия и Горское Правительство одинаково воевали против большевиков, то усилия их в этом направлении совпадали.

Но, заняв Горскую территорию, добровольческая армия не ограничилась очищением края от большевиков, приняла на себя функции управления, назначив Генерал-Губернатора Терской и Дагестанской областей и правителей отдельных народов, в то время, когда на месте существует местная власть, уже организовавшая управление краем, власть, признанная Английским Командованием, совместно с ней действующим. Назначение властей от добровольческой армии может породить осложнение в деле управления.

Для выяснения взаимоотношений между Горским Правительством и добрармией прибыла сюда, в Екатеринодар, особая делегация Правительства. Вы, генерал, вчера 9 февраля, направили делегацию к ген. *Ляхову*. Делегация полагает, что ей с ген. *Ляховым* не о чем говорить. А, так как, Вы не нашли возможным войти в переговоры с делегацией, то мы, члены делегации, признали нужным письменно изложить Вам сущность дела, из-за которого делегация прибыла, и в дальнейшем предоставить событиям идти своим чередом, при чем делегация заявила, что Правительство Союза Горских Народов снимает с себя всякую ответственность за осложнения, могущие возникнуть в будущем.

Подпись делегатов.

В Ы П И С К А
из протокола заседания Союзного Совета
(от 1-го апреля 1919 года.)

Слушали: Обсуждение аграрного вопроса.

Постановили: Союзный Совет, обсудив аграрный вопрос и приняв во внимание постановления двух с'ездов представителей горских народов в 1917 году по этому вопросу, постановил:

1. Предложить Правительству разработать в кратчайший срок законопроект о передаче земель в руки трудящихся на основе социализации без нарушения норм шариата.
2. Избрать Парламентскую Комиссию для участия совместно с Правительством в разработке как самого законопроекта, так и плана передачи земель трудящимся.

Избрана Парламентская Аграрная Комиссия в составе 5 лиц:
1. Юсуп Кади Гасанаева, 2. Ахмед Хана Мутушева, 3. Сайфуддина Куваршалова, 4. Магомад Алим Аргуаранского, 5. Шиху Кади Аджиева.

Верно: Секретарь Союзного Совета
(подпись)

ТЕЛЕГРАММА ОРДЖЕНИКИДЗЕ.

Москва Ленину, Троцкому. Астрахань Шляпникову

Бои вокруг города Владикавказа и Ингушетии продолжаются 7-й день... Красная армия, Курская и Молоканская слободки героически отражают натиск казачьих контр-революционных банд.

На с'езде вооруженного Ингушского народа по моему предложению провозглашена независимая Горская Советская Республика.

Чечня поднялась и совместно с нашими красноармейцами в районе Грозного отражает противника. Сунженские казаки под командой тов. Д'якова твердо держатся за советскую власть, громя артиллерией контр-революционные станицы.

Ждем Вашей помощи для окончательного сокрушения контр-революции на Северном Кавказе.

Ордженикидзе.

„Народ. Власть“ 8 февр. 1919 г.

Г Владикавказ

РЕЗОЛЮЦИЯ

Суда по делу Дагестанских большевиков.

1919 года 13-го июня н. ст. Порт-Петровск. Главный Военно-Шариатский Суд в судебном заседании в составе председателя полковника Пиралова и членов суда Гебек Хана Аварского, Ибрагим Кади Кадиева, полк. Донагуева и полковника Нахибашева, выслушав дело о подсудимых Улубие Буйнакском, Абдул Вагаб Гаджи Магома оглы и др., обвиняемых по 13 ст. Ул. о нак. и 3 ч. пун. 1 и 2 ст. 108 Угол. Ул. постановил:

Подсудимых: 1) Улубия Буйнакского, 2) Абдул Вагаба Гаджи Магома оглы, 3) Абдурахмана Измаилова, 4) Саида Абдул Халимова и 5) Меджида Али оглы признать виновными в преступлении, предусмотр. 13 ст. Ул. о нак. и 3 части пун. 1 и 2 ст. 108 Уг. ул. и подвергнуть их, по лишению всех прав состояния, смертной казни расстрелянием.

Подсудимых Муртазали Османова и Абдурашида Меджидова признать виновными в преступ., пред. 1 ч. 126 ст. Уг. Ул. и подвергнуть их, по лишению всех прав состояния, ссылке в каторжные работы сроком на 4 года.

Подсудимых: Шамиля Рашкуева, Джемалудтина Тайгиба Абулава Абакарова, Асадулла Ибрагим оглы и Хадижат Мустафа Кизы по недоказанности обвинения считать по суду оправданными.

Принимая во внимание, что подсудимые Улубий Буйнакский и остальные могли совершить преступление будучи введены в заблуждение всеобщей разрухой и в виду того, что названные подсудимые являются лицами не уяснившими себе правил ислама и шариата, каковые правила ни в коем случае не допускают большевизма и не мирятся с ним, суд постановил ходатайствовать о замене им смертной казни каторжными работами без срока.

Приговор в окончательной форме будет объявлен 14-го июня в 2 часа дня.

П И С Ь М О

Али Гаджи Акушинского чинам Дагестанского Правительства и офицерству.

(Перевод)

Недавно я прибыл в гор. Шуру с намерением помочь Вам, как мусульманскому Правительству в проведении в жизнь Ваших предначертаний, имея в виду, что Вы стоите за интересы мусульманства; при чем я проповедывал в Шуре идею безусловного признания власти, как это предписано всемогущим Аллахом, не соглашался с оставлением офицерством занимаемых им должностей, требовал я желал укрепления Правительства для введения шариата.

Вернулся я из Шуры домой с тем же намерением помогать Вам в деле набора людей в формируемые части.

В настоящее время, когда я слышу, что казаки увезли из Т-Х-Шуры с Вашего согласия орудия, что Вы их зовете в Шуру и сдаете им все находящиеся у Вас боевые припасы, как оружие так и патроны, я выступил с некоторыми войсками и остановился в Левашах. В виду же быстро распространяющихся сведений, из сел стали прибывать ко мне войска, отряды за отрядами. Таким образом скопление войск ожидается очень большое. Я опасаюсь возможности причинения моим отрядом много бедствий и вреда населению города Т-Х-Шуры и другим, если я прибуду туда с ними, так как мои люди не обучены ни строю, ни дисциплине, а что такие войска причиняют бедствия населению занятого ими района—это известно из опыта.

Посылаю двух лиц для того, чтобы узнать, что у Вас делается. Прошу информировать их о положении дела у Вас и ответить мне, ибо я не желаю причинить кому либо вред без причин к тому. Я не хочу мутить мусульман, наоборот, хочу устано-

вить у них порядок и спокойствие, а установить порядок возможно лишь тогда, когда этот порядок будет у представителей власти. Жду от Вас спешного ответа. Я слышу, младшие офицеры готовы идти за мною и исполнять все мои веления, за что приношу им благодарность.

Собственноручная подпись:

Гаджи Али Акушинский.

—го Рамазана сел. Леваши.

Добавление (приписка) к письму

(Написано собственноручно Али Гаджи)

Если послушаетесь своих старших в вопросе приглашения ими в Шуру казаков и сдадите им боевые припасы, имущество и снаряжение, то гнев божий упадет на Вас, все существа небесные и земные будут Вас преследовать, равно как Ваших детей и Ваше имущество.

Вы будете прокляты всеми людьми земного шара, Мекки и Медины. Кто из Вас сочувствует казакам, тот вечно будет проклят вместе с ними и местом пребывания их будет вечный ад.

Я, Али Гаджи Акушинский, твердо требую от Вас уведомить меня, кто из Вас сторонник Ислама и мусульман и кто тяготеет в сторону казаков.

Думается, что молодежь настолько умна, что избежит великого несчастья.

Али Гаджи Акушинский.

В. Д. 15 июня 1919 г. № 5.

Ответ генерала Халилова на письмо Али Гаджи Акушинского.

ВЫСОКОПОЧИТАЕМОМУ ШЕЙХУ и ШЕЙХУЛЬ
ИСЛАМУ ДАГЕСТАНА АЛИ ХАДЖИ ИЗ АКУШИ.

Ассаламун Алейком!

Письмо Ваше получил. Оно меня очень удивило. Я бы даже не поверил, что оно написано от Вас, если бы не видел на нем приписку, добавленную Вашей рукой. Как же мне не удивиться, когда я до сих пор всем и каждому доказывал, что Али Хаджи не большевик, а теперь из Вашего же письма выходит, что вы собираетесь вместе с принятыми Вами большевиками идти на Шуру. Неужели это Вы, святой шейх, который во имя аллаха не должен допускать напрасного кровопролития среди мусульман?!

Помните ли, как год тому назад сами же Вы упрекали б. Муфтия Н. Гоцинского, что он из гордости и желания возвеличения берется за военные дела ему, как духовному лицу, не свойственные. Теперь Вы сами на склоне своих лет грешите тем в чем упрекали другого. Да и против кого Вы собираете войско, с кем намереваетесь воевать? Против наших национальных войск. Это значит, что Вы будете воевать против мусульман, которые отстаивают ислам и шариат. Может быть Вы хотите воевать с добровольцами. Но и они пришли не для войны с Дагестаном. Они пришли, во-первых для восстановления железной дороги, по которой нам же будут доставлять хлеб по 50—60 руб. пуд вместо платимых ныне 150—160 руб., будут доставлять мануфактуру, сахар и пр. предметы первой необходимости, которых мы здесь не имеем. Во-вторых, для устранения анархии и большевизма в занятых ими местах, от которых мы сами страдаем. В наши же дела они не будут вмешиваться. Мы можем сами устраивать наше Правительство, наш шариат, наши суды, наши школы и нашу систему обложения. После этого имеете ли Вы право считать добровольцев врагами мусульманства? Напротив, Вы должны видеть в них друзей Ислама потому, что они, добровольцы, борются с теми, кто не признает аллаха, не признает пророка, а религию считают выдумкой людей.

Прошу обо всем этом подумать и не накликать на несчастный истстрадавшийся Дагестан новых бедствий и разорений, за которые Вы будете держать ответ на том свете перед аллахом. Что же касается вывоза добровольцами оружия и снаряжения из Шуры, то это не так. Вывозятся добровольцами для борьбы с большевиками снаряды, к которым мы не имеем пушек. Ружья и патроны не вывозятся. Хлеб также не вывозится.

В виду всего изложенного, я надеюсь, что Вы немедленно сделаете распоряжение о роспуске собранных людей по домам, разъяснив им предварительно, что им не из-за чего и не с кем воевать. Если же этого не будет сделано, то за последствия я не отвечаю. Не отвечаю также за последствия, которым может подвергнуться Ваш сын Магомед в качестве Начальника Даргинского округа. Вашими приготовлениями и сборами в Левашах, о которых добровольцам раньше стало известно чем, нам, Вы уже добились того, что в Шуру прибывают сегодня казачьи части, чтобы следовать в горы. Конечно и за это Вы дадите ответ перед аллахом и людьми.

Подписал: Временный Правитель Дагестана
Генерал Манор *М. Халилов*.

ПРОТЕСТ ГОРСКОГО МЕДЖЛИСА.

Делегация Союзного Меджлиса горских народов Кавказа посетила полковника *Гаскеля*, с которым имела продолжительную беседу о положении вещей на территории Горской Республики.

Полковнику Гаскелю вручен протест следующего содержания: „Союзный Меджлис горцев Кавказа обращает Ваше внимание, как представителя держав Антанты, на крайне тяжелое положение, переживаемое населением Горской Республики, вследствие насильственного вторжения в пределы Республики добровольческой армии.

Судьба народов Горской Республики является яркой иллюстрацией того, как в действительности разрешают национальную проблему малых народов России те круги общества, которые группируются вокруг генералов Деникина и Колчака.

Союзный Меджлис горских народов считает долгом заявить, что „единая неделимая Россия“ восстанавливается этими кругами на пепелищах аулов и костях погибающих горцев.

Железом и кровью прошла добровольческая армия по территории горских народов, оставляя после себя пепел аулов, убийства, грабежи, виселицы, изнасилованных женщин, оскверненные мечети. Под угрозой повешения и расстрела все честные труженики в горской среде, работавшие под знаменем национального преуспеяния и возрождения, должны были покинуть пределы родины. Вместо них во главе горских народов поставлены реакционные генералы эпохи царизма. Дабы всесторонне осветить характер деятельности доброармии на территории Горской Республики, их варварство и жестокость, Союзный Меджлис горцев Кавказа приступил к производству соответствующей анкеты, которая послужит достаточным обвинительным актом для тех, кто путь создания „единой и неделимой России“ обставил неслыханными преступлениями.

Своевременно весь собранный материал будет представлен мирной конференции и Лиге Народов. Ныне Союзный Меджлис находит необходимым немедленное образование международной следственной комиссии, которая на месте ознакомилась бы с действиями добровольческой армии на территории горских народов. Вместе с тем, Меджлис заявляет решительный протест против того, что доброармия, насильственно расположившаяся на территории Горской Республики, производит поголовную мобилизацию горцев, при чем те части населения, которые заявляют, что они не хотят вмешиваться в русскую гражданскую войну, так как считают, что дело свержения или поддержки центральной власти России есть прежде всего дело самого русского народа, подвергаются беспощадному истреблению. Так, например: на днях были стерты с лица земли два наиболее цветущих ингушских селения Экажевское и Сурхохи, не говоря уже о тридцати аулах Кабарды, Осетии, Ингушетии, Чечни и Дагестана, подвергшихся разгрому при вторжении добровольческой армии в пределы Республики. Мы протестуем также против беспримерных реквизиций и поборов, обращающих более состоятельных горцев в бедняков, а бедняков в нищих.

О характере этих поборов можно судить по следующим данным. На жителей Ингушетии, например, наложена следующая контрибуция—с каждого дыма: деньгами 2.000 рублей, по одной крупной скотине (стоимость от 3 до 4 тысяч рублей), 4 барана (средняя стоимость одного барана 800 руб.), 25 пудов кукурузы (пуд стоит 40 руб.), по одной трехлинейной винтовке (стоимость 1.000—1.300 руб.), к каждой винтовке по 200 патронов (стоимость 750—1.000 руб.), по одному револьверу системы наган (стоимость 1.000—1.200 руб.), к каждому револьверу 50 штук патронов (стоимость 500—1.000 руб.); с трех дымов: по одной строевой верховой лошади со всеми принадлежностями (стоимость 12.000—15.000 руб.). На некоторые аулы, как например, Насыр-Корт, контрибуция была наложена в двойном размере.

В таком же положении оказались и аулы Большой и Малой Кабарды, части Осетии, Чечни и Дагестана. Кроме того, с кабардинцев взыскано в пользу кабардинских князей с каждого дыма от 11 до 12 тысяч рублей. Помимо вышеуказанных сумм горские народы должны были сами снарядить за свой счет полки для добровольческой армии. В виду бедности мобилизуемых всадников горских полков каждое сельское общество вынуждено было выдавать пособие на снаряжение от 10 до 30 тысяч рублей в за-

висимости от материального благополучия общества. В общем, если произвести детальный подсчет, контрибуция, наложенная на горские народы, выразится в миллиардах рублей.

В настоящее время проводится новое формирование частей из горцев для добровольческой армии, не говоря уже о необходимости пополнения, находящихся на фронте полков. Меджлис полагает, что эти меры доброармии среди горских народов есть ничто иное, как проведение под благовидным предлогом заранее обдуманного плана физического истребления горских народов.

Инстинктивно чувствуя эти коварные замыслы вождей доброармии, горские народы стихийно восстают, как это имело место в Ингушетии, Чечне, Дагестане, предпочитая погибнуть лучше под родным небом Кавказа, защищая свои очаги, свободу и независимость, чем где то в неведомой России, в пожаре гражданской войны. И теперь мы являемся свидетелями нового взрыва восстаний горских народов против доброармии, идет восстание в Чечне во главе с шейхом Узун-Хаджи. Чеченцы Веденского округа, заняв Ведено, Шатой и Шали, продвигаются вперед. Войска Узун-Хаджи состоят из чеченцев, дагестанцев, кабардинцев, балкарцев, ингушей и др. Началось вторичное восстание в Дагестане во главе с шейх уль исламом Республики Али-Хаджи Акушинским. Восставшее население, изгнав администрацию, силою назначенную доброармией в округа, разоружив добровольческие гарнизоны крепостей, захваченных доброармией, как то: Дешлагар, Меджалис, Ахты, Гуниб и т. п., теснит доброармию к Петровску, Темир-Хан-Шуре и Дербенту.

Горские народы, которые вели в течении 50-ти лет во главе с Имамом Шамилем и его предшественниками войну с русским самодержавием за свою независимость и свободу и были покорены только силой оружия в 1864 г., никогда не примирятся и не покорятся воле добровольческой армии, а будут с оружием в руках очищать территорию от насильников. Они никогда не примирятся с насильственной мобилизацией, которая производится теперь в добровольческой армии, так как воинскую повинность горцы Кавказа не отбывали даже и в самые мрачные времена эпохи царизма. Даже самодержавие, считаясь с одной стороны с историей и любовью к вольности горцев, а с другой—боясь вооруженного восстания, не решалось привлечь воинственные горские народы к отбыванию воинской повинности.

Выражая перед Вами свой протест против действий добровольческой армии, Союзный Меджлис категорически заявляет,

что до тех пор, пока горская территория не будет очищена от добровольческой армии и восстановлена независимая Горская Республика, никогда не будет мира на этой территории, которая делается ареной сплошной борьбы горских народов за свое национальное освобождение. Союзный Меджлис считает своим долгом указать Вашему Пр-ву, как представителю держав Антанты, на необходимость немедленного принятия следующих мер:

1) Очищение территории Горской Республики от доброармии с установлением временной демокрационной линии по крайней мере по среднему и нижнему течением реки Терека и притоку реки Терека Малке впредь до разрешении вопроса о границах Горской Республики на Парижской Мирной Конференции.

2) Скорейшее назначение Международной Следственной Комиссии над действиями добровольческой армии на территории горских народов.

3) Немедленное прекращение дальнейших насильственных наборов горцев в войсковые части доброармии.

4) Немедленное прекращение среди горского населения реквизиций и поборов.

Союзный Меджлис надеется, что все зависящие от Вашего пр-ва мероприятия будут Вами приняты, немедленно, и настоящий протест будет передан по радио-телеграфу Мирной Конференции.

Председатель Союзного Меджлиса Горских Народов Кавказа

Ахмет Цаликов.

Секретарь Абас-Апа Эфендиев.

Ответ представителя Антанты.

В ответ на вышеприведенный протест Союзного Меджлиса горских народов Кавказа, Меджлис получил следующее сообщение от полковника ген. штаба Соедин. Штатов Америки *Дж. Реа*.

Его Сиятельство, высший Союзный Представитель, подтверждает получение Вашего уважаемого сообщения от 10-го сентября 1919 года и поручает мне сообщить, что вопросы, которые Выставляете, рассматриваются и получают должное внимание.

Он признает Ваши затруднения и заверяет Вас, что этот предмет будет представлен вниманию мирной конференции в надлежащем освещении.

Газ. „Вольный Горед“: 22 сентября 1919 г., № 2.
Гор. Тифлис.

ПРОГРАММА и УСТАВ

Лиги Единения, Независимости и Прогресса Горцев Кавказа.

На основании возведенного русской революцией права каждой нации на самоопределение, большинство народов, входящих в состав бывшей Российской Империи, стало на пути отделения от России и создания самостоятельных и независимых национальных государств. Таковы: Польша, Финляндия, Литва, Эстляндия, Лифляндия, Курляндия, Украина, Белоруссия, Крым, Дон, Грузия, Азербайджан и Армения. На этот же путь стали, хотя пока лишь номинально, и горские народы Кавказа, провозгласившие перед державами Центральной Европы свою независимость, заключившие договор дружбы с Османской Империей и стоящие в настоящий момент на пороге заключения аналогичных договоров с Германией и соседними себе закавказскими государствами. Таким образом, горцы стоят перед задачей провести непосредственно в жизнь провозглашенную независимость. Но мало осуществить независимость—надо ее сохранить и закрепить. Кроме независимости необходимо стремиться так же и к объединению всех горских племен, разбросанных по всему Кавказу, в общих государственных границах, в одном общем Союзе. Наконец, для обеспечения нормального культурно-экономического развития и процветания нового государственного организма, важно приложить все усилия к тому, чтобы приобщить горские народы к цивилизованным нациям, путем борьбы за прогресс и просвещение. Для облегчения предстоящей упорной борьбы за единение, независимость и прогресс горцев Кавказа, необходимо будет Горской Республике стремиться к возможно тесному политическому и экономическому сближению с южно-кавказскими своими соседями—Грузией, Азербайджаном и Арменией—так как лишь путем единения эти мелкие государства в состоянии будут отстаивать свою самостоятельность и независимость, свое национальное единство и свою националь-

ную культуру от покушений на возврат в лоно Великой России и на разделение их на сферы влияния другими великими державами, на политическое угнетение и экономическую эксплуатацию со стороны чужеземцев.

Таким образом, лозунг—„единение, независимость и прогресс“—должен стать путеводной звездой и руководящим принципом всех сознательных, национально и политически мыслящих, желающих благополучия и процветания своей стране, горцев, гордых своим прошлым и страстно любящих, подобно своим отцам и дедам, как личную, так и общественную свободу.

Да здравствует единый и независимый Горский Союз!

Да здравствует единый и независимый Кавказ!

I. Цель и задачи Лиги.

1. Лига ставит себе целью создание независимого и единого демократического государства из всех племен горских народов Кавказа.

2. Лига ставит себе задачей содействие всем горским народам Кавказа к поднятию их культурно-экономического уровня и приобщению их к цивилизованным нациям.

II. Отношения Лиги к другим государствам.

3. Установление самых дружественных отношений с соседними демократическими народами Республик: Азербайджана, Грузии и Армении, с целью создания единого и независимого Кавказа на конфедеративных или федеративных началах.

III. Средства к достижению указанных целей.

4. Развитие и углубление национальных чувств среди горских народных масс и поддержание национальных традиций и обычаев, не противоречащих культуре и прогрессу.

5. Пропаганда общности интересов горских народов политических, экономических, этнографических, религиозно-бытовых и культурных.

6. Создание обще-горского шрифта, письменности и развитие литературы горских народов.

7. Выпуск печатных национально-политических органов,—журналов, газет и прочей политической литературы (брошюр, монографий и т. п.).

8. Содействие организации национальных, культурно-про-

светительных и политических обществ, клубов и партий.

9. Влияние Лиги на политику государства и участие в выборах представителей в местные и центральные законодательные. общественно-политические и административные учреждения страны.

IV. Состав Лиги.

10. Членами Лиги могут быть: горцы Кавказа—лица обоего пола, достигшие 18-ти летнего возраста.

V. Средства Лиги.

11. Средства Лиги состояются: из членских взносов, продажи изданий, устройством лекций, вечеров, концертов и приема пожертвований.

VI. Управление делами Лиги.

12. Органами управления делами Лиги является центральный и местные Комитеты.

Запись членов в Лигу открыта. Обращаться к члену—учредителю и секретарю *Джемаль-Эддину Албогачи*.

ПРАЗДНИК ЕДИНЕНИЯ и СВОБОДЫ.

Прибытие Командующего Экспедиционным Корпусом.

В пятницу 2 апреля прибыл в Т.-Х.-Шуру из Петровска Командующий Астраханским Экспедиционным Корпусом товарищ Смирнов

Парад Красным Войскам.

По случаю приезда в Шуру тов. Смирнова и соединения красных войск Дагестана с Красной Армией Советской России в тот же день на площади за городом состоялся торжественный парад всем красным войскам, как местным так и прибывшим из Астрахани. На этом параде выявились результаты всей той огромной работы, которую проделали руководители красной армии, пока не привели солдата от палочной дисциплины через анархию к сознательному железному строю.

Принимая парад товарищ Смирнов обратился к красным горским частям со следующими словами:

— „Я счастлив приветствовать красные партизанские отряды горцев, шедшие нам на встречу в борьбе за освобождение трудового народа от ига капиталистов. Но не должно быть и нет красной армии Дагестана, нет красной армии России, а есть единая Красная Армия, армия трудового народа“.

Председатель Революционного Совета Оборона т. Коркмасов обратился ко всем красным войскам со следующим приветствием:

— „Приветствую единую Красную Армию, Единую Российскую Социалистическую Советскую Республику и третий Интернационал“.

В ответ на это приветствие тов. Смирнов сказал:

— „Тов. Коркмасов долго боролся в горах Дагестана и ему,

наконец, удалось объединить вокруг себя идейных товарищей и создать регулярную Красную Армию, сильно отличающуюся от обычных повстанческих отрядов. Ура тов. Коркмасову! Ура вождям Дагестанской Красной Армии!"

М и т и н г.

После парада тут же на площади состоялся грандиозный митинг с участием всех красных войск и при огромном стечении публики.

Речь *Политического Комиссара* Экспедиционного Корпуса:

— „Положен конец грубому издевательству над трудовым народом. Поздравляю с победой красные Дагестанские войска и приветствую их от имени красных войск Советской России. Наша армия голодала в Астраханских песках и терпела всякие лишения, но мы надеялись, что Кавказские народы нас встретят, что они уже подняли повстанческий меч на головы преступников генерала Деникина. Мы стремились навстречу Вам, стремились на Кавказ освободить порабощенные народы и нас везде ждала торжественная встреча. Авантюристы, разбойники с большой дороги теперь отброшены далеко за пределы наших баррикад; отступая, они побрасали оружие и обманутые войска, которые старались поставить против вольного народа, но нет силы, которая могла противостоять движению трудовой армии. Против вольного Дагестана не могли устоять никакие разбойники, старавшиеся ухватить дагестанцев за ворот и сказать: „Я господин, потому что ты раб“. С другой стороны, у Дагестана была надежда, что красная армия России придет и поможет ему в непосильной борьбе и даст мир измученному народу. Ваши надежды оправдались. Вы видите перед собой наши красные войска. С одной стороны—вооруженные народы Дагестана, с другой стороны—революционная армия русского народа подняли сокрушающий меч на головы контр-революционеров и способствовали окончательной ликвидации гражданской войны. Не может быть уже речи о повторении подобной безумной попытки. Сегодняшний день—день взаимной радости и единения, праздник освобожденного трудового народа. Да здравствует вольный Дагестан! Да здравствует Дагестанская красная армия и ее вожди!"

Речь представителя Дагестанского Областного Комитета Партии Коммунистов. т. *Шебалдаева*.

— „Приветствую прибывшую красную армию от имени Д. О. К. К. П. Всю силу и умение положили мы, чтобы помочь красной армии Советской России. Лучших своих товарищей мы отдали

для борьбы с контр-революционной авантюрой. Имена т. т. Буйнакского, Дахадаева, Саидова, Казбекова и др. лучших борцов, положивших жизнь свою за наше учение, свидетельствуют о желании Дагестанского трудового народа соединиться с красной армией Советской России. Теперь мы на перевале. Трудовой подьем окончен. Мы победили. Но перед нами стоят еще великие задачи. Первая из них—поднять трудовой Восток и двинуть его на борьбу с капиталистическим Западом. Мостом между Востоком и Западом послужит русская красная армия. Другая задача—очистить нашу область от последних остатков контр-революции. Призываю Дагестанскую красную армию к единению с красной армией Советской России для движения на Восток. Да здравствует Горская Советская Республика! Да здравствует мировая революция и третий Интернационал!

Речь Представителя Астраханского отряда:

—„Нет слов, какими благодарить красный Дагестан. И Вы и мы, переносили много лишений, борясь в ущельях Дагестана, в Астраханских песках и горах Сибири. Все мы боролись за одну идею. Нас разделили паразиты, бандиты и каторжники, знавшие, что 20-й век—это конец власти буржуазии, что он поднял все народы для борьбы с капиталистами. Чтобы успешно закончить эту борьбу мы организовали экспедиционный корпус красной армии, который теперь пришел в Ваш родной край и вы присоединились к нему. Во главе этого корпуса стоит известный т. Смирнов,—по природе, по духу и крови сын трудового народа. Мы должны выразить ему полное доверие. Ура тов. Смирнову! Во вторых товарищи дагестанцы мы должны забыть прежнее разделение на казаков, горцев и крестьян, должны забыть ту бывшую лютую злобу, какая царила между этими группами. Теперь крестьянин, казак, ингуш и горец Дагестана одна единая семья, объединившаяся под красным знаменем, обгаренным кровью лучших наших товарищей. Под этим знаменем объединимся все мы, как пришедшие из центра, так и здешние. Трудовой народ всего мира собирается под красным знаменем для свободной, честной и мирной жизни и труда всех людей. Объединенный трудовой народ должен уничтожить дармоедов—буржуев, под каким бы именем, под какой бы национальностью они не скрывались. Идя под красным знаменем мы должны освободить весь мир“.

Речь командующего корпусом т. Смирнова:

„Закончился первый период борьбы. Отрезанный от Советской России Дагестан не мог добиться успеха беспорядочными

повстанческими действиями. Он должен был организовать новые отряды, начинать период организованной борьбы, создать регулярную Дагестанскую красную армию, мало чем отличающуюся от нашей красной армии. Но сегодняшний день еще не означает конца борьбы. Еще потребуются много усилий, долгой упорной борьбы, чтобы окончательно освободить трудовой народ. Недавно мы справляли 2-х летнюю годовщину красной армии. Мы убедились, что отдельными разрозненными действиями невозможно достигнуть победы и начали организованную борьбу, хотя это было очень трудно. Теперь Вы видите, какая разница между красной армией 1918 г. и красной армией 1920 года. Исключительно благодаря дисциплине и организованности мы победим всех врагов трудового народа и перекуем мечи в молоты и плуги. В России сейчас нет хлеба, угля, ткани и машин. Чтобы наладить жизнь, боевая красная армия должна будет преобразоваться в красную армию труда, которая будет работать для блага своего и для блага Советской России“.

Речь Начальника Гарнизона гор. Т.-Х.-Шуры:

„Только ложью и обманом старались оттянуть день своей гибели царские oprичники, угнетатели трудового народа Дагестана. Вы помните когда 9-я и 10-я роты апшеронцев перешли на сторону повстанцев, тогда добровольцы распространили слух, что горцы нас раздели, разули, что заставляют нас делать черную работу, а на позиции не допускают. Все это была чистейшая ложь. Среди нас были сознательные товарищи, критически относившиеся к событиям и раз'яснившие нам необходимость продолжения революционной работы. Мы верили, что в один прекрасный день мы расправимся с нашими врагами, и были убеждены, что Дагестанский народ оценит нас и встретит наших братьев. И действительно трогательна была встреча нашего отряда с Дагестанской конницей. Мы поняли друг друга, несмотря на то, что говорили на разных языках, мы поняли общую идею. Но борьба еще не окончена; мы должны продолжать ее во имя революции всего мира. Пока мы в конце не расправимся с насильниками, мы не опустим своих штыков, не снимем своих красных повязок. Как начальник гарнизона г. Т.-Х.-Шуры, я счастлив приветствовать красные Российские войска, пришедшие к нам на помощь“.

Речь представителя Аварского отряда:

„Мы долго ждали протянутую нам руку с севера—руку помощи, которая помогла бы нам одолеть наших врагов и закончить борь-

бу с контр-революцией. Наши надежды оправдались. Общими усилиями Дагестан очищен от насильников генерала Деникина. Для населения наступает период мирной промышленной и культурно-просветительной работы. Мы надеемся, что в этой созидательной работе нас поддержит такая же сильная рука помощи, какая оказала нам поддержку в работе боевой.

На дорогих могилах.

После речи председателя Революционного Совета Оборон, т. *Коркмасов* предложил отправиться на кладбище на могилы борцов, павших за свободу, и все участвовавшие на митинге войска и горожане направились, запруживая улицы, через город к мусульманскому кладбищу. Там на могиле Дахадаева т. Коркмасов произнес трогательную речь о безвременно погибшем т. Дахадаеве и др. лучших сынах Дагестана. Начав с биографии т. Дахадаева, обрисовал его, как неутомимого борца с железной волей и непреклонным стремлением к борьбе за освобождение трудового народа Дагестана. Забывая себя, он вечно думал только о том, как передать власть народу и укрепить завоеванную свободу. С холодным спокойствием смотрел в глаза смерти, сознавая, что он шел по верному пути и веря в великое дело народа, он говорил: „убивайте меня, но знайте, палачи, что вместо меня одного, народ выведет до конца дело его освобождения.“ Если своей жизнью он показал нам, для чего нужно жить, то своей смертью он показал, как нужно умирать. Все это пусть послужит нам великим уроком для нашей будущей жизни, из всего этого мы должны черпать силы для дальнейшей борьбы И не только он один погиб за общее дело. Недалеко отсюда за зеленеющими полями около селения Кафыр-Кумух есть несколько могил, где погребены разстрелянные добровольцами товарищи. В степи около Кум-Торкале покоится прах т. Буйнакского и др. казненных товарищей. И на многих кладбищах Дагестанских селений, всего Кавказа за последнее время появилось много свежих могил. Чтобы удержать власть в своих руках, черная стая золотопогонников заполнила кладбища трупами лучших сынов народа. Сегодня, в день праздника победы над извергами преступниками, мы с глубокой скорбью склоняем свои головы и преклоняем колена перед могилами всех павших борцов за свободу народа в какой бы стране их могилы не находились. Вечная память павшим борцам!

После речи т. Коркмасова духовым оркестром был исполнен похоронный марш. Глубоко тронутые участники митинга вернулись в город и разошлись, сохраняя в душах своих другую память о лучших из людей.

Заседание Революционного Совета Обороны.

После митинга в Народном Дворце состоялось торжественное заседание Совета Обороны совместно с представителем красного экспедиционного корпуса по вопросам военного характера.

„Бюллетень Революционного Совета Обороны“.

№ 3. Т.-Х.-Шура, 6 окт. 1920 г.

ПРИВЕТСТВИЕ СЕВКАВРЕВКОМА.

Свободные Дагестанцы!

От имени победоносной Красной Армии мы приветствуем Вас, гордые сыны Дагестана. Тяжелые цепи, которыми Вас сковали враги трудового народа, разбиты навсегда и Советская Россия никогда не забудет той героической борьбы, которую Вы в течении долгих месяцев вынесли на своих изможденных плечах. Советская Россия всегда помнила, что в ее тяжелой борьбе с угнетателями трудящихся масс она имеет верных и твердых союзников гордого Дагестана и всего Северного Кавказа и вот теперь мы крепко сжимаем друг другу руки и празднуем нашу общую победу.

Враги наши уничтожены, остатки их еще прячутся кое-где в глубоких ущельях и далеких аулах, но и там мы совместно с Вами скоро найдем их. Теперь, чтобы закрепить нашу торжественную победу, нам нужно создать твердую революционную власть, как на Северном Кавказе, так и в Дагестане. Лучшие люди из Вашей среды, честные борцы за дело трудового народа должны стать во главе этой власти.

Задача Советской Власти прежде всего помочь населению Дагестана, пострадавшему от деникинцев, восстановить свои родные жилища. Враги Советской Власти не перестают распространять о ней гнусную ложь, будто бы Советская Власть уничтожает религию, шариат и т. д.

Помните Дагестанцы, что Советская Власть и ее Красная армия идут только за тем, чтобы освободить угнетенные народности от порабощения кем бы то ни было. Религию, нравы, Ваши обычаи, вес внутренний уклад горцев Советская Власть оставляет в полной неприкосновенности и сделает все к тому, чтобы горцы Север-

ного Кавказа стали истинно свободными в своем национальном развитии и самоопределении.

Приветствуем выделение из Совета Оборона Революционного Комитета Дагестана в составе: 1) Председатель Революционного Комитета т. Коркмасом, члены: 2) Сафар Дударов, 4) Осман Османов, 5) Шеболдаев Борис, 6) Мирзабек Ахундов, 7) Магомет Инеев, 8) Саид Габиев, 9) Абас-Ага Эфендиев,—который установит твердый порядок в Дагестане, после чего трудовые народы Дагестана сумеют определить сами свою судьбу и создать такую власть, которая сумеет стать постоянной защитницей интересов трудящихся масс Дагестана.

Советская власть представит всем Горским Народам полную возможность самоопределяться.

Поздравляя Вас, гордые сыны Дагестана, с очищением Вашего Края от деникинцев, мы заявляем, что все Ваше оружие должно остаться при Вас, дабы Вы могли окончательно сокрушить всех Ваших врагов, врагов трудового народа.

Свободна отныне Советская Россия от всех врагов, уничтожены враги Советской власти на Северном Кавказе и Дагестане.

Да здравствует победоносная красная армия! Да здравствует свободный Дагестан и его самоотверженные борцы за дело революции! Да здравствует Советская Россия, освобождающая угнетенные народы!

Командующий Кавказским фронтом *Тухачевский.*

Член Революционного Военного Совета фронта и Председатель
Северо-Кавказского Ревкома *Ордженикидзе.*

Член Революционного Военного Совета XI Армии и член
Северо-Кавказского Ревкома *С. Киров.*

Верно:

Секретарь Реввоенсовета Кавказского фронта
(подпись неразборчива)

ОТНОШЕНИЕ ВИЗИРЯ С.-К. ЭМИРСТВА К ГРУЗИИ.

Великий Визирь и
Главнокомандующий
Войсками С.-К. Эмирства

№ 155

9 декабря 1919 г.
Вр. Столица Ведено.

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВЕТА МИНИСТРОВ
ГРУЗИНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Вследствие указа *Его Величества* Эмира Северного Кавказского Эмирства от 29 сентября 1919 года, за № 30, Его Величеством Имамом и Эмиром Шейх-

Узун Хайр Хаджи Ханом я был назначен Великим Визирем (Председатель Совета министров) с поручением мне составления кабинета Министров, каковой ныне мною составлен из следующих лиц:

1. Председатель Совета Министров, военно-юридической академии ротмистр Магомет Киамиль Хан (он же Иналук) Арсанукаев Дышнинский с портфелем министров: иностранных дел, морского, вакуфных дел и духовных имуществ и народного просвещения.
2. Министр юстиции полковник Хаджи Магометбеков Эмир Заде, с высшим образованием.
3. Министр двора Его Величества генерал майор Каим-Хаджи, с высшим духовным образованием.
4. Министр внутренних дел генерал майор Хабалов Беслеев, грамотен по русски.
5. Военный министр генерал майор Шиты Истамулов, неграмотен.
6. Министр земледелия и Государственных имуществ генерал майор Биал Шамилев, грамотен по русски.
7. Министр финансов, генерал майор Абдул Азим Абдуллаев коммерсант, грамотный по русски и арабски.
8. Министр путей сообщения, почт и телеграфов генерал майор Нуси Байгиров, неграмотен.
9. Министр продовольствия, торговли и промышленности ге-

нерал майор Магомет Хамхоев, с духовным образованием. Товарищи министров еще пока не назначены.

Об изложенном сообщая Вашему Превосходительству имею честь присовокупить, что цель Его Величества и нынешнего Правительства следующая: прежде всего убедительнейше просить соседние наши державы—Грузинскую республику в лице Вашего Превосходительства и Азербайджанскую республику, в лице Председателя Совета Министров, о признании Северо-Кавказского Эмирства во главе с Его Величеством Эмиром Шейх Узун Хаджи Ханом; затем войти с нашим правительством в договорное союзное соглашение, оказывая нам по крайней мере в течении нескольких лет существенную помощь, имея в виду, что Северо-Кавказское Эмирство является авангардом Грузинской и Азербайджанской Республик и что наша нынешняя борьба на этом основании имеет колоссальное значение не только для нас, но даже для данных республик; Его Величество Эмир Северо-Кавказского Эмирства повелел мне снестись с Вашим Высокопревосходительством в настоящее время от его имени и от имени его правительства, так как посылка сию же минуту особой делегации в виду возобновления военных действий и отсутствия путей сообщения, хотя сильно желательна, но невозможна.

Задача моя и моего правительства бороться до последнего с реакционером Деникиным и его бандой. Я и мое правительство решили добиться полного самоопределения, если бы даже это стоило много жизней и неимоверного труда. Деникин и его приверженцы усиленно сулят нам федеративную самостоятельность, вербуя себе сторонников из нескольких плоскостных аулов, 2-3 купцов и полуграмотных остатков мифической Горской Республики. В стране мусульманской деспотизма в действительности быть не может, в стране мусульманской не может быть республики, так как по существу нашей священной книги наличие халифата необходимо, ибо отрицание его—это есть отрицание пророка, отрицание же пророка это бы значило ничто иное, как отрицание наличия бога. Всякое суждение по поводу республики или конституции, имею честь заверить Вашему Высокопревосходительству, это ничто иное, как смута, так как такая идея среди истинных мусульман проведена быть не может.

Наш верховный вождь, и мы не добиваемся автономии, не хотим мы республики и конституции, мы хотим тесным кругом обнять шариат, свободно исповедуя свою мусульманскую религию. Ваше Высокопревосходительство, религия мусульманская не так

страшна, книги мусульманские не так суровы, как о них толкует Европа. Мы добиваемся шариатской монархии, однако под названием шариатская монархия нельзя подразумевать тенденции деспотического монаршеского правления, а нужно рассматривать это слово, как наследие истинного толкования шариата. Мусульманская религия и законы мусульманские повелевают нам с уважением и снисхождением относиться к чужой религии, неотступно следуя за повелениями и наставлениями пророка, истинные мусульмане не причиняют никакого зла ни одному из иноверцев, всеобъемлющий шариат повелевает одинаково и справедливо рассматривать все явления земного шара, все справедливые наставления пророка указывают на то обстоятельство, что всякий истинный мусульманин неотступно должен находиться в дружбе и в союзе с своим соседом, кто бы он ни был.

Уродливые явления, встречаемые и встреченные нами на всех путях, между прочим имевшие место в среде мусульманского мира якобы от имени мусульманских правоведов, нужно рассматривать, как факты печального свойства не закрепленного никакими религиозными основаниями, священное писание для мусульман отрицает всякое неуважение к чужой религии, чужому праву и к чужой собственности.

Европа, например, оспаривает право цивилизации у мусульман. Европа не без задней мысли превратно передает справедливое значение мусульманского учения, понятное дело, мусульмане в свою очередь, дабы противопоставить неумолимое превосходство всех законов Магомета, борятся с беспощадной Европой, борятся за свои права, за поруганную свою религию. Все вышеизложенное до известной степени прольет свет на осложненные вопросы между нами, мусульманами, и христианским миром.

Я, лично, помимо всего изложенного родственно связан с Грузией, считаю своим нравственным патриотическим долгом заверить перед Вашим Высокопревосходительством, что Его Величество Эмир Северо-Кавказского Эмирства и наше правительство желаем в пределах возможных возможностей прочный дружеский союз с Грузинской Республикой, мы желаем итти рука в руку с Правительством Вашего Превосходительства, какого бы то направление оно не было, мы безусловно рассчитываем на такую же взаимность со стороны Вашего Превосходительства. Помимо всего этого считаю необходимым сообщить Вашему Превосходительству о том, что как в Грузии, так равно и в Азербайджане и в Европе никаких представителей в лице делегатов, послов, комитетов,

министров иностранных дел, корреспондентов, агентов и т. д. наше правительство не имело и не имеет, а поэтому всякие документы представляемые такого сорта, после этого, и лиц именующих себя таковыми, прошу считать документы фальшивыми и лиц самозванными, а также никаких денег, оружия и т. п. прошу на имя Северо-Кавказского Эмирства не отпускать, всякого рода абреки, террористы и т. д. в настоящее смутное время стараются извлечь путем нелегальным пользу.

Засим имею честь подчеркнуть и то обстоятельство, что командированные сюда в качестве добровольцев генералы Кереселидзе и другие покинули пределы Северо-Кавказского Эмирства, без всякого на то разрешения, как со стороны Эмира, а так равно с моей стороны, народ отнесся с недоверием и даже с неуважением к экспедиционному отряду Кереселидзе, вследствие того, что генерал Кереселидзе, якобы не был командирован сюда Грузинской Республикой, а был прислан неизвестным здесь национальным комитетом и несуществующим в Грузии как им то междоусобице горских союзных народов.

Перед самым выездом отсюда генералу Кереселидзе и другим чинам его отряда я категорически заявил о том, что паника, вызванная их позорным бегством с чеченаульского боя, отзовется на нашем будущем деле, на этом основании, гарантируя им полную безопасность убедительно просил генерала Кереселидзе и других, чтобы они, ссылаясь на разные ложные и ничем не закреплённые слухи, не покидали страны, и генерал Кереселидзе вопреки своему обещанию поехать на фронт 1-й армии, как дозволено впоследствии прямо уехал в Грузию, оставшиеся после него г. г. Карангозов, Гухарели, Кавчавадзе и др. вопреки своему обещанию отправиться на фронт 5 армии, для поддержания народного духа и духа армии, оказывается покинули страну.

Грузинский экспедиционный отряд увел отсюда массу обывательских и казенных лошадей. На границе Грузинской Республики и Северо-Кавказского Эмирства, народ во главе с муллами обратился к отряду Карангозова с мольбой вернуться обратно, так как бегство грузин увеличит народную панику и дух по враждебной стране, но Карангозов категорически отказался вернуться и уехал.

При отступлении с чеченаульского боя грузинские офицеры и нижние чины настолько потерялись, что растеряли свое оружие и патроны. В общем три агитатора Деникина сумели запугать Грузинский Экспедиционный отряд, агитируя, что их якобы собираются выдать представителям Деникина.

Семья не без уroda, допускаю, что могли быть сторонники Деникина, но никогда не допускаю того, чтобы гость, не говоря о том общеизвестном международном праве гостя, согласно существующих традиций, в пределах Северного Кавказа был бы когда либо выдан врагу, или не защищаем, или обижаем.

Не безизвестно то обстоятельство, что Грузинский престолонаследник князь Александр мог найти приют только в Чечне.

Не безизвестно Вашему Превосходительству, что всякая трусость и робость, проявляемые не только со стороны мужчины на поле брани, но даже со стороны женщин, в пределах Северного Кавказа безгранично презирается.

Еще восемь лет тому назад, подчеркиваю для наглядности на телеграмму посланную из Грозного на имя предводителя Тифлиссского дворянства князя Абхази, представителями чеченского народа по поводу моего бракосочетания с грузинской княжной, был получен следующий ответ: „От души радуюсь сближению храбрейшего чеченского народа с Грузией, примите мою искреннюю благодарность передайте тоже представителям Чечни. Предводитель Дворянства князь Абхази“.

По окончании реорганизации и установления в стране должного порядка, во всяком случае в ближайшем будущем думаю, что буду иметь счастье говорить лично с Вашим Высокопревосходительством и другими представителями Грузинского Правительства.

Свидетельствую Вашему Высокопревосходительству, что его Величество Эмир, я и мои товарищи решили не слагать оружия до тех пор, пока в пределах Эмирства будет хоть один деникинец.

Прошу Ваше Превосходительство от имени его Величества, моего и моих товарищей и Народа Северного Кавказа передать представителям Вашего правительства об искреннем нашем желании и стремлении сплотиться с Вами до окончательного изгнания общего врага Деникина, причем везде в стране чувствуется подъем духа, вследствие реорганизации и приводимых в исполнение программ правительства на благо грядущей свободы народной.

Поданный подписал: Великий Визирь и Главнокомандующий Войсками
С.-К. Эмирства Фельдмаршал
князь *Дышинский-Арсанукаев*.

ОБРАЩЕНИЕ

социалистов Горских Народов Северного Кавказа к Международной Социалистической Делегации в Грузии.

Великая Российская Империя создавалась железом и кровью на могилах разрушенных царств и на костях покоренных народов. К числу покоренных силой оружия народов относятся и горские народы Северного Кавказа.

В течение полувека они отстаивали свою свободу и независимость, свои очаги и земли от могучих завоевателей, надвигавшихся с Севера.

В августе 1859 года в восточной части Северного Кавказа, в Дагестане, пала твердыня горцев—Гуниб и вождь Горских Народов—Шамиль, ведший тридцать лет героическую борьбу за независимость Кавказа—был пленен, а в 1864 году на западном Кавказе пал последний укрепленный пункт горцев—черкесский аул Апчисхой.

С этого момента Кавказ считался „замирленным“, а горцы „верноподданными“ русских царей.

Царская власть, водворившаяся на Кавказе и больше чем полвека господствовавшая здесь, была организованным насилием над горскими народами. Это насилие было двойное: классовое и национальное.

В течение этого полувека горские народы были объектом административных экспериментов русской бюрократии, систематически и искусственно задерживавшей их культурное и экономическое преуспевание, убивавшей их национальное самосознание и одновременно разжигавшей их национальные страсти применением принципа: *divide et impera*.

Всеми мерами русская власть среди горских народов старалась убить воспоминание о героической эпохе борьбы за незави-

симость и загасить никогда не потухавшую в душе горских народов жажду свободы и национального самоопределения.

Грянула русская революция 1917 года. Рухнул царизм. И вместе с широкой массой русской демократии потянулись к свободе и горские народы.

Общность исторических воспоминаний, одинаковый бытовой уклад, одни и те же экономические и общественные навыки, общность религии повели к тому, что горцы при всем своем этнографическом разнообразии, стихийно объединились и образовали Союз Горских Народов.

В день великого праздника пролетариата—первого мая 1917 г.—в гор. Владикавказе съехалось 400 человек делегатов, от всех горских народов на первый свободный революционный съезд.

В порядке свободного волеизъявления, съезд представителей горских народов Северного Кавказа провозгласил Союз Горцев, как определенную политическую единицу и избрал Центральный Комитет, как руководящий исполнительный орган.

В этот период российской революции образование Совета Горцев было первой формой политического самоопределения горских народов. Оставаясь политически лояльным по отношению к Российскому государству, не стремясь выделиться из его состава, Союз Горцев стал осуществлять свои культурные и национальные цели, базируясь на принципах революции и демократии.

Однако, по мере того, как российская революция начала сходить с пути демократического строительства и становиться с одной стороны на путь большевистской анархии, это в центре России, а с другой—на юге России реакционные генералы, создавшие так называемую „добровольческую армию“, возымели желание реставрировать дореволюционную Россию, в результате чего на территории России началась небывалая по своим размерам в истории гражданская война, политическая позиция горских народов стала изменяться в сторону все более решительного отсоединения от России.

Обе полярные силы русской общественности в смертельной схватке между собой старались втянуть горские народы в процесс борьбы. Но и силы русской реакции в лице пытавшихся воссоздать „Великую, Единую, Неделимую Россию“ генералов и силы революции в ее анархо-большевистской форме—оказались одинаково чуждыми широким массам горского населения.

Осуществляя незыблемые законные права народов на самоопределение и руководствуясь естественным чувством физического

самосохранения, горцы 11 мая 1918 года провозгласили, как и другие народы Кавказа (Грузия, Армения, Азербайджан) свою государственную независимость, образовав Независимую Демократическую Республику Горцев Северного Кавказа. Первейшими своими задачами Демократическая Республика Союза Горцев Северного Кавказа поставила изоляцию горских народов от страшной гражданской войны и устройство мирной государственной жизни населения на демократических началах.

Осуществиться этим справедливым домоганиям горцев суждено не было.

Горская Республика оказалась между двух огней. И анархо-большевики и реакционные генералы одинаково старались взорвать Горскую Республику. Когда в 1919 году большевики принуждены были покинуть Северный Кавказ и по стопам отступающих большевиков на территорию горцев надвинулись добровольцы, то главнокомандование доброармии, поддерживаемое в своих задачах союзными державами, в 1919 г., несмотря на все протесты представителей Горского Правительства перед союзниками и несмотря на заверения главнокомандующего союзными войсками на Северном Кавказе, без всякого повода и основания в осуществлении своих империалистических целей, открыло военные действия против Республики Союза Горцев Северного Кавказа.

В результате добровольческая армия пошла по территории Горской Республики, оставляя после себя пепел аулов, убийства, грабежи, виселицы, изнасилованных женщин и оскверненные мечети. Под угрозой повешенья и расстрела все честные труженики горских народов, работавшие над их национальным возрождением и культурным преуспеянием, должны были покинуть пределы родины. Вместо них ставились у власти реакционные генералы времен Николая Романова.

Таким образом, все более захватывая территорию горской Республики, доброармия приближалась к столице Республики, Темир-Хан-Шуре, где в мае 1919 года силою оружия ликвидировала парламент Союза Республики Горцев Северного Кавказа и Правительство.

Ярмо политического рабства было снова накинута на шею горских народов реакционными генералами царизма.

Напрасно представители горцев старались воздействовать на дипломатических агентов Антанты, бывших на Кавказе. Эти представители, действовавшие от имени держав, провозгласивших лозунг защиты малых народов и права их на самоопределение, были

всецело на стороне реакционного генерала Деникина и против свободолюбивых горцев, защищавших неприкосновенность своих очагов и право жить и дышать согласно своим собственным желаниям.

Все лицемерие буржуазных дипломатов и их своекорыстие с неприглядной ясностью предстали перед горскими народами в трагических перепитиях их борьбы за свободу и независимость.

Не только не встречая к себе сочувствия, но, наоборот, замечая явно враждебное отношение со стороны представителей великих держав Запада, горские массы, доведенные до отчаяния насилиями и издевательствами русских сатрапов, разных генералов и полковников и своих собственных предателей, взялись за оружие.

В августе 1919 года в Дагестане и Чечне вспыхивают восстания и в короткое время горные части Дагестана и Чечни очищаются от добровольческой армии. Движение это идет под знаменем образования Независимой Демократической Республики.

Восстание вспыхивает в тот момент, когда борьба доброй армии с большевизмом достигает апогея.

Горская территория представляла из себя тыл деникинской армии и большевики напрягают все силы к тому, чтобы использовать это движение в своих целях.

Восстанием горских народов захотело воспользоваться и муссаватское правительство Азербайджана в надежде на империалистическое округление своих владений путем присоединения Дагестана.

Само вмешаться непосредственно в борьбу Азербайджанское Правительство не решилось, чтобы не испортить своих отношений с Антантой, поддерживавшей Деникина. Оно наполнило Дагестан турками во главе с Нури-пашей, надеясь при помощи турок осуществить свои империалистические задачи. Турки пользуются поддержкой мусаватского правительства Азербайджана, большевики, просочившиеся в Дагестан—Советской Россией. Обе эти группы объединяются в борьбе против демократического, самостоятельного движения горцев и в виду того, что располагают большими материальными средствами—одерживают над этим течением победу. Но, одержав победу над горским самостоятельным движением, вчерашние союзники—турки и большевики—схватываются друг с другом, так как политические задачи, преследуемые ими, оказываются противоположными.

Борьба между советской и Азербайджанской ориентацией за-

канчивается разгромом турок, которые принуждены, во главе с Нури-пашей, бежать из Дагестана.

Власть захватывают в свои руки большевики.

Этот момент совпадает с гибелью дела добровольческой армии на Северном Кавказе и с подходом красноармейских сил из России к горам Кавказа.

На территории горских народов воцаряется так называемая рабоче-крестьянская власть.

Те самые большевики, которые устами наркоминдела Чичерина и других представителей советской власти в момент борьбы горских повстанцев обещали горским народам предоставить право полного национального самоопределения вплоть до независимости и отделения от России, как только выяснилась их победа над Деникиным, с цинизмом, которому мало примеров, попрали свои торжественные обещания.

В крае с слабым развитием капитализма с господствующим натурально-меновым хозяйством, низким уровнем культуры и патриархально-бытовым укладом, с малодифференцированным в классовом отношении населением, начинают прививаться идеи большевистского коммунизма.

В виду того, что для осуществления этих идей нет ни объективных, ни субъективных предпосылок, рабоче-крестьянская власть в крае, чувствуя шаткость своего положения, становится на путь массового террора, стараясь вбить свои идеи в сознание народа штыками пришлых русских красноармейцев.

Нет более траги-комического зрелища, как попытки внедрения лжекоммунистических идей большевизма в жизнь горских народов.

Организованное насилие выживших из ума генералов времен доброармии, стремившихся штыками русских солдат вернуть население к рабскому состоянию времен царизма, сменяется теперь не менее кошмарным насилием безумцев анархо-большевизма, стремящихся внедрить идеи своего лже-коммунизма в сознание и жизнь населения, у которого нет в прошлом ни опыта культурной политической борьбы, ни соответствующей подготовки, ни каких бы то ни было стимулов к восприятию коммунистических идей русского большевизма.

Чем настойчивее анархо-большевики стараются перестроить жизнь горцев на свой лад, тем все более и более встречают сопротивление со стороны этих народов.

Взрывы возмущения уже начались и не далек тот час, когда

в ответ на лже-коммунистические эксперименты большевистских комиссаров горские народы ответят общим восстанием.

Чем ненавистней становится горским народам весь тот политический сумбур и вся та общественная и экономическая неурядица, которые вносят в их жизнь большевики, тем ярче сияет в их сознании идея национальной независимости и самостоятельного государственного правительства.

Мы, социалистический авангард горских народов, отражая интересы трудовых масс, считаем своей исторической задачей оформить этот стихийный процесс освободительного движения горских народов на основах последовательного демократизма в предвидении социализма, — этой ближайшей мировой задачи нашей эпохи.

Мы думаем, что демократическая школа — необходимое преддверие неизбежный этап в царство социализма.

Самоутверждение трудовых масс каждого народа в их государственной суверенности — мы считаем высшим проявлением демократизма.

Свободный Союз свободных народов, больших и малых — светлой будущностью человечества.

Творцом этой будущности является мировой пролетариат.

Борьбу за независимую демократическую республику Союза Горцев мы считаем неизбежным этапом на пути этих народов к светлым идеалам человечества.

Лозунгом настоящего момента для горских народов мы выдвигаем созыв на основах всеобщего избирательного права, при условиях всех демократических гарантий, верховного органа горских народов, который должен быть воплощением их суверенных прав, который определит их государственное бытие и политические судьбы.

Приветствуя на почве Кавказа Вас, представителей западно-европейского социалистического движения, Вас, наших учителей, в борьбе за раскрепощение человечества, мы в тоже время льстим себя надеждой, что настоящий голос наш о той борьбе, которую мы ведем в глухих трущобах Кавказских гор против гнета и насилия над свободной волей народа, будет доведен до сведения западно-европейского пролетариата, этого единственного носителя в нашу эпоху всех ценностей и всех лучших надежд измученного человечества.

Эта вера в сочувствие западно-европейского пролетариата-авангарда человечества — удесятерит нашу энергию в тяжелых испытаниях нашей борьбы.

Раздавленная сапогом русского красноармейца - большевика, демократия Республики Союза Горцев Кавказа апеллирует в Вашем лице, члены международной социалистической делегации, к пролетариату Европы.

От имени социал-демократии Республики Союза Горцев Северного Кавказа и по уполномочию редакции социал-демократической газеты „Вольный Горец“ (на русском языке), „Янги Дуния“ (на тюркском языке) и „Ног Цард“ (на осетинском языке)

Ахмед Цаликов.

От имени независимых социалистов Республики Союза Горцев Северного Кавказа

Гайдар Баммат.

О Г Л А В Л Е Н И Е.

Город и аул 1917 года	1
Внешняя и внутренняя политика Гражд. Исполкома . . .	8
Кристаллизация сил.	13
Социалистическая группа	16
Шариатский блок	19
Нажмуддин Гоцинский и Узун Хаджи	26
Юго-Восточный Союз	32
Внутреннее состояние Даг-на и выборы в Учр.Собрание .	36
Весна 1918 года	46
Октябрины Дагестана	55
„Наши за-границей“.. . . .	60
Генерал Бичерахов и диктатор Тарковский	67
Турки	77
Положение на Тереке	83
Республика Горцев и ее Правительство	93
Последняя услуга шарната	103
Правительство генерала Халилова и первое восстание .	107
Второе восстание Дагестана	114
Позиция Англии, меньшевиков и Мусавата	122
Последняя схватка	143

ПЕРЕЧЕНЬ ПРИЛОЖЕНИИ.

Резолюция общегорских с'ездов во Владикавказе.	151
Политическая платформа общегорского Союза	161
Союзный договор Юго-Восточного Союза	164
Декларация Юго-Восточного Союза	167
Декреты Терско-Дагестанского Правительства	170
Декларация Терско-Дагестанского Правительства.	173
Декреты Терского Обл. Совнаркома	176
Приказ по Кавк. Красной Армии	177
Донесение Тарковского Хаки-Бею	180
Постановление Азербайдж. Правительства о Союзе с горцами.	185
Проект Союзного договора горцев с Азербайджаном	187
В парламенте Горской Республики (доклад делегации к Деникину)	189
Заявление горской делегации Деникину	202
Постановление Союзного Совета по аграрному вопросу	204
Телеграмма Ордженикидзе из Владикавказа в Москву	205
Резолюция Суда по делу Дагестанских большевиков	206
Письмо Али Хаджи Даг. Правительству	207
Ответ Халилова Али Хаджи.	208
Протест пред Антантой Горского Меджлиса	210
Ответ Представителя Антанты	213
Программа Лиги Горцев Кавказа	214
Праздник единения и свободы	217
Приветствие от Севкавказкома Дагестану.	223
Отношение Визиря С.-К. Эмирства к Грузии	225
Обращение горцев-социалистов к междунар. соц. делегации	230

ПОЯСНЕНИЕ МЕСТНЫХ СЛОВ И ТЕРМИНОВ

Стр.	Название:	Значение:
5	учары, гумай, годеканы	места собраний аульских обществ
8	Булгунча	до созыва
8	status quo	существующее положение
13	шариат	религиозное законодательство у мусульман
14	кадий	судья по шариату, духовное лицо
19	Джамиатул Исламие	общество верующих в ислам
19	шариатский блок	союз буржуазии на основе шариата
22	беки	дворяне
25	кунаки	хозяева приютившие гостя
27	имам и имаматство	духовный и светский глава в государстве живущем на основе шариата
28	ислам	мусульманство (религия)
29	муллы и шейхи (арабисты)	духовные лица, аскеты, начетчики арабских духовных книг
29	мечети	храмы для богослужения у мусульман
30	Кааба	священная мечеть Магомета в Мекке— место пономничества мусульман
32	шарблок	шариатский блок
37	векиль	поверенный, представитель
37	мюрид	идущий по святому пути
41	муфтий	высший духовный сан у мусульман нечто вроде епископа
43	маслаат	примирение, решения по соглашению
43	хурият	свобода
44	адат	обычай
44	алимы	ученые богословы у мусульман
44	кутан	земельное владение
45	уадень	вольный
48	Милли Комитет	народный комитет

Стр.	Напечатано:	Следует читать:
139	облагвидным	благовидным
142	по физически	но физически
"	длилось	длилась
"	по	на
143	то считавшиеся	считавшиеся
144	социал-демократич	социал-демократии
"	иародам	народам
151	Резолюция	Резолюции
162	признают	признают
167	оковывать	оказывать
197	Ляхов на какие	Ген. Ляхов ни на какие
197	Ген. он ни заметил	он заметил
197	розискал	розыскал
214	на оснквании	на основании
232	Демократическя	Демократическая

ИЛЛЮСТРАЦИИ

—

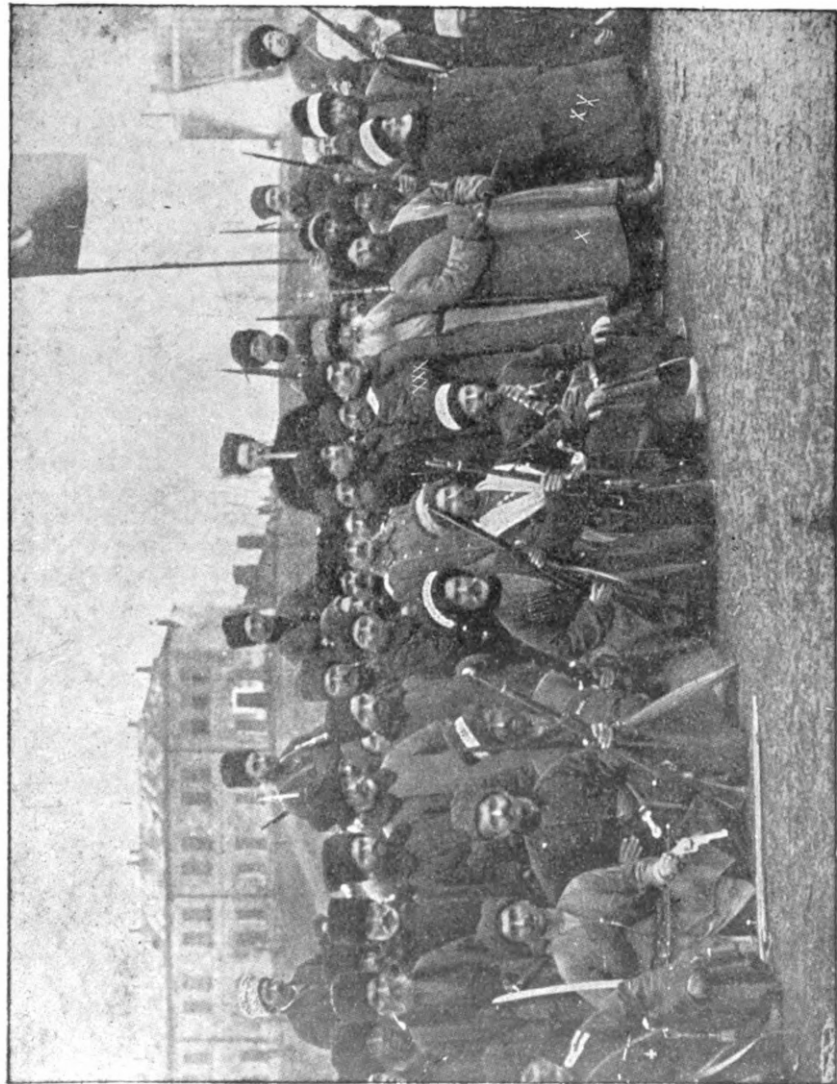

МАХАЧ ДАХАДАЕВ

*Убит отрядами
князя Тарковского
в 1918 г.*

УЛУБИЙ БУЙНАКСКИЙ

ШТАБ ИМАМА и ШАРИАТСКОГО БЛОКА

(*—Нажмуддин Гоцинский. **—Узун-Хаджи. ***—Генерал Халилов.)

работу. В Дагестане еще на неопреде-
ленное время. Принимая во внимание
все это и что мы эти пять лет
интересно боремся с большевизмом
который Бугераев обвиняет в корнях
ликвидаторов и наем его условий
вполне приемлемыми и просим
турки войти в наше положение,
не осложнять его и отойти. И этим
спасая и положение Дагестана и вообще
и этим давая возможность нашим
единовластным справиться с этим долгим
позором и организовать ликвидацию.
Не имея малейшего и совершенно не
подготовленного народу ртутью свою
судьбу в междоусобице отношении
этот вопрос должен разрешиться
сильно оружием на шавном фронте
(Дербентском) Я все сформулировал
попы с исключительной целью

Факсимиле диктатора
Н.-Б. ТАРОВСКОГО

(выписка из его письма к Т. Чермоеву)

Полковник
ЛАЗАРЬ БИЧЕРАХОВ
(английский агент, ликвидировавший
Советскую Власть в Дагестане в 1918 г.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
ПРАВИТЕЛЬСТВА
РЕСПУБЛИКИ СОЮЗА
ГОРСКИХ НАРОДОВЪ
КАВКАЗА.

25 октября 1918 г.

№

Временному Диктатору
Дагестанской области Пашковскому
Ка Курбану Пашковскому

Вракива свою твердую уверенность в
том, что войсковой Старшина
Бикараев не может воевать с со-
платными горцами, я просил его письменно
от 17 октября, от одновременно
отводили своим силам, отойти к
Петровскому вое вой. Сроки назначены
до утра 20 октября; но 20 октября
утром я увидел, что войска не
отходят, а в 12 час. 15 мин. получила
от него письмо с отказом это
считать по стратегическим и воен-
ным соображениям. Это
того письма я узнал, что он
действительно не может воевать
с горцами, но предпочел на то,
что бы горцы отказались от

Факсимиле письма
ТАПЫ ЧЕРМОЕВА.

Князь
НУХ-БЕК ТАРКОВСКИЙ
Полковник. Помещик.
Военный Диктатор
Дагестанской области
в 1918 г.

49 J. 11
Agent Diplomatique
du Gouvernement Allemand
à Tiflis.

Tiflis, le 15. Juin 1918.

6
Nr. 121

Monsieur le Ministre,

En me référant à notre conversation d'hier j'ai
l'honneur de communiquer à Votre Excellence que les affaires
concernant le transport de troupes turques sur les chemins de
fer de la Géorgie devront être réglées entre les autorités
allemandes et celles du Gouvernement Ottoman.

En ajoutant, que les intentions bienveillantes du
Gouvernement Allemand envers les peuples des Montagnards du
Caucase, prouvées de plus de deux années et à plusieurs rep-
résentations, sont inchangées aujourd'hui je profite de l'occasion
pour renouveler à Votre Excellence l'assurance de sa haute
considération.

[Signature]

À Son Excellence
HAIDAR BEY BAKMATOFF
Ministre des Affaires Étrangères de la
République des Peuples Montagnards du Caucase.
En Ville.

ОБРАЗЕЦ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ПЕРЕПИСКИ
Республики Союза Горцев Кавказа с Германским Дипломатическим
Агентом на Кавказе.

ТАПА ЧЕРМОЕВ

*Председатель Правительства
Республики Союза Горцев
Кавказа.*

REPUBLIQUE NORD-CAUCASIENNE

DÉLEGATION

POUR LES NÉGOCIATIONS AVEC LES QUATRES PUISSANCES ALLIÉES

En Присоединении

С. И. Исаеву - Председателю

М. И. Термозу

БЛАНК ДЕЛЕГАЦИИ РЕСПУБЛИКИ СОЮЗА ГОРЦЕВ КАВКАЗА
и образцу титула Министра-Председателя Т. Чермоева.

ГЛАЙДАР БАММАТОВ

*Министр Иностранных Дел
Республики Союза Горцев
Кавказа.*

République de l'Union des peuples Montagnards

du Caucase

PASSEPORT DIPLOMATIQUE.

Le porteur du présent, Monsieur *Aigounoff et Makajeff* se rend d'ici à l'étranger et retourne ensuite à Vladicaucase en courrier porteur de dépêches. En foi de quoi le présent passeport lui a été délivré par le Gouvernement de la République de l'Union des peuples Montagnards du Caucase.

Le Gouvernement Républicain prie toutes les autorités militaires et civiles d'accorder à Mrs *Aigounoff et Makajeff* aide et assistance dans l'exercice de ses fonctions en cas de besoin.

En Premier Ministre

Ministre des Affaires Etrangères

Par

Gérant les affaires du
Gouvernement

16. Septembre 1918

N° 187

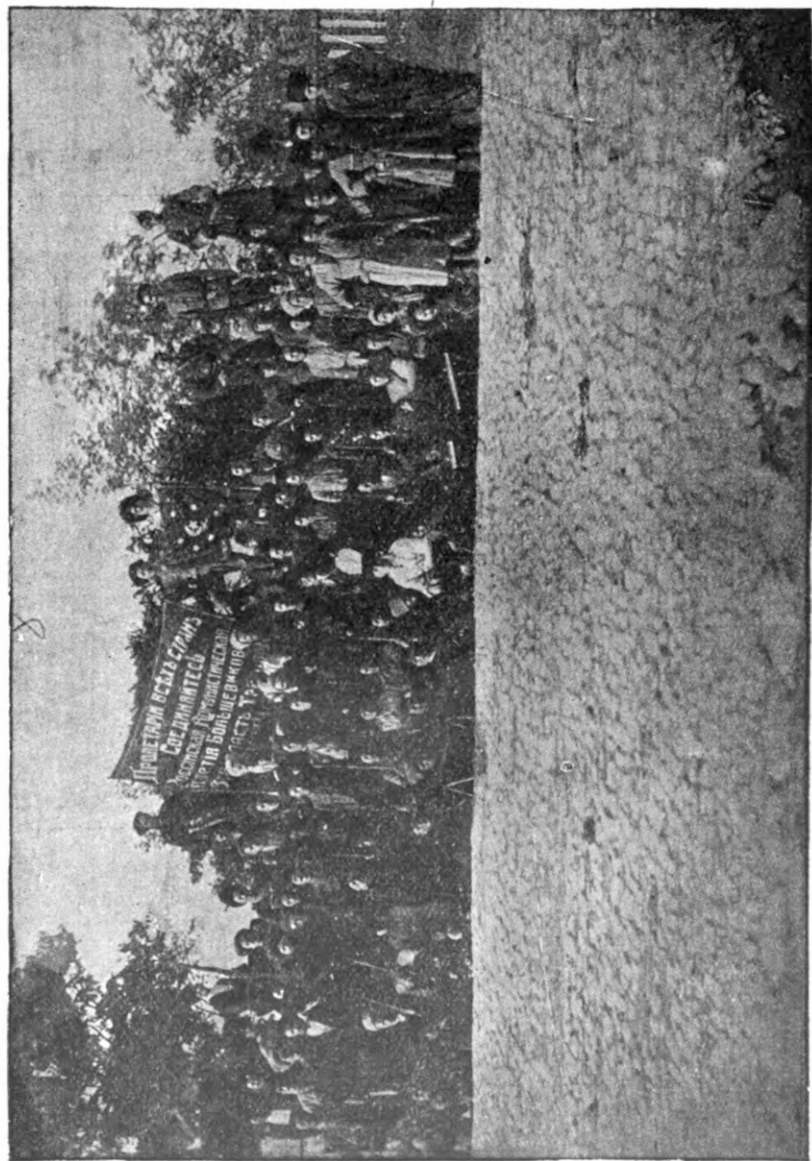
Vladicaucase.

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ ПАСПОРТ
Республики Союза Горцев Кавказа.

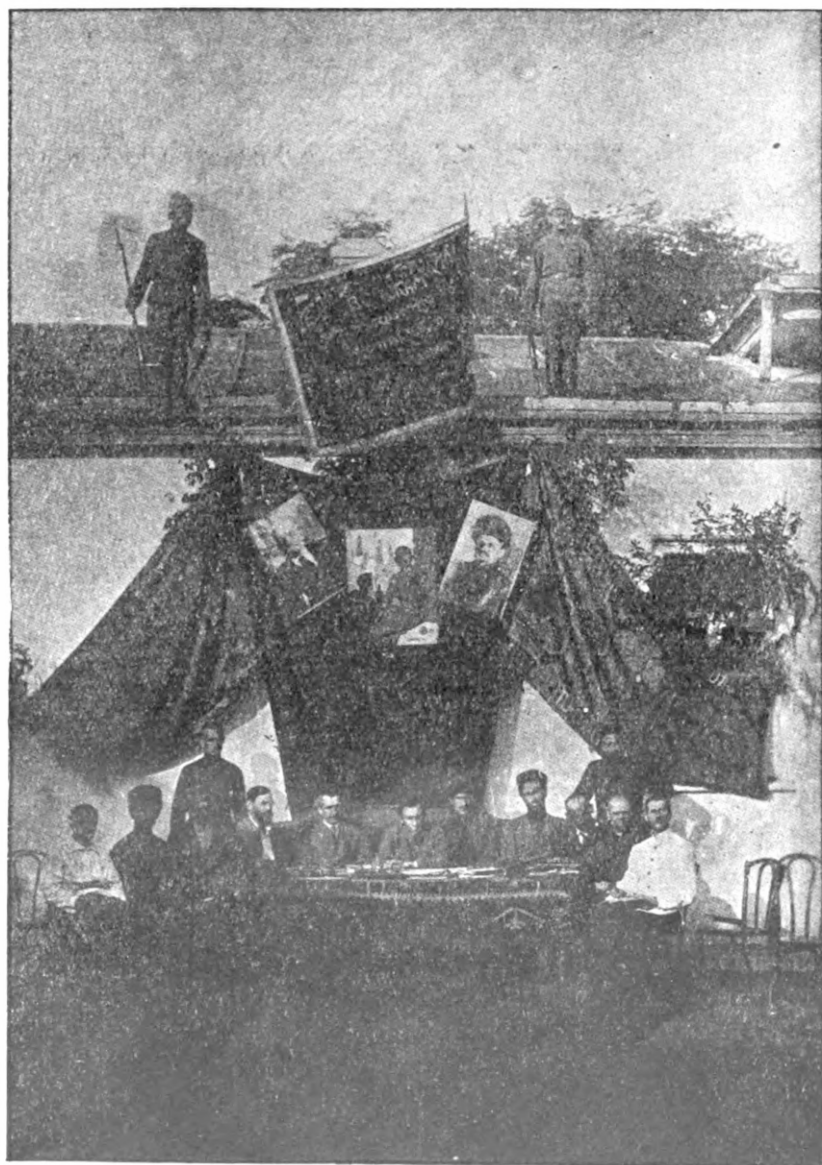

П Ш Е М А Х О К О Ц Е В

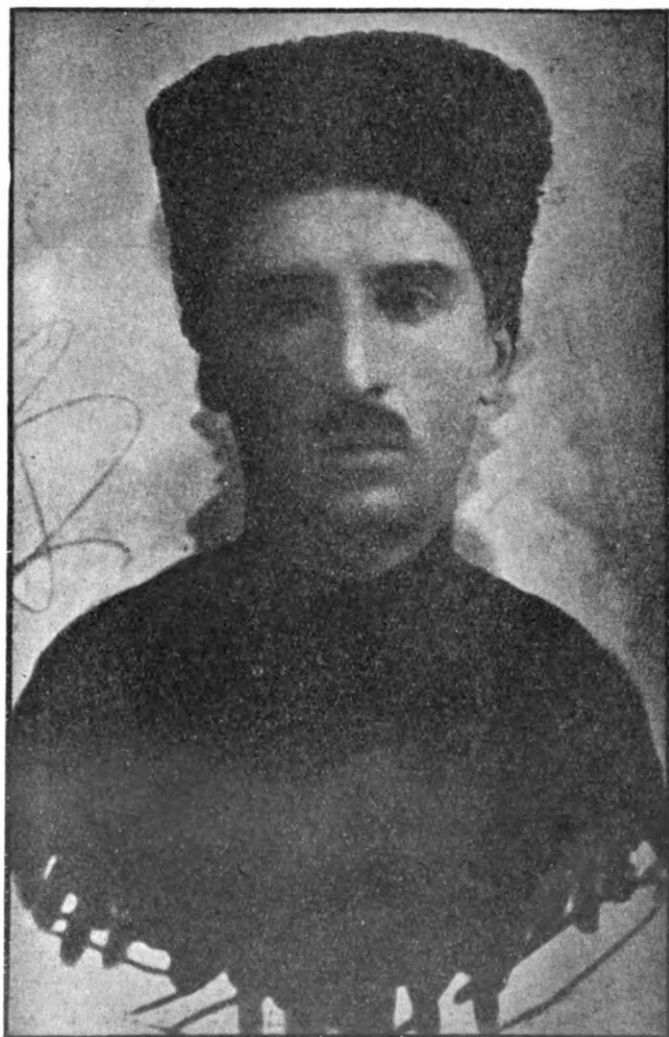
*Помещик. Конозаводчик.
Второй председатель
Правительства Республики
Союза Горцев Кавказа.*

ПАРТИЗАНСКИЙ ОТРЯД ТОВ. ГАМИДА ДОЛГАТ

ПРЕЗИДИУМ 1-го С'ЕЗДА БЕДНОТЫ (1920 г.)

САФАР ДУДАРОВ

*Первый председатель Даг. Ч. К'а.
(Убит в восстании 1920 г.)*

